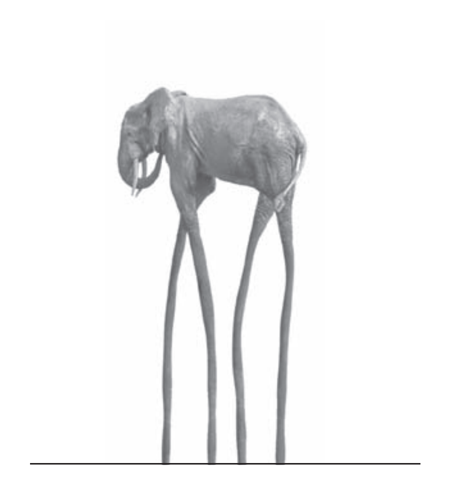
Дмитрий УЗЛАНЕР

ЖАК ЛАКАН: ВВЕДЕНИЕ



РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 14
ББК 87.3
У34

Узланер, Дмитрий

У34 Жак Лакан: введение / Д. Узланер. — М. : РИПОЛ классик, 2022. — 288 с.

ISBN 978-5-386-14508-8

Дмитрий Александрович Узланер — кандидат философских наук, психолог. Научный сотрудник РАНХиГС и МВШСЭН. Преподает теорию психоанализа в Высшей школе экономики.

Данная работа основана на лекционном курсе «Введение во вселенную Жака Лакана (1901–1981)», который был создан в 2020 г. и который читался автором в ряде высших учебных заведений Москвы — в частности, Высшая школа экономики, Институт психоанализа на Чистых прудах.

«Жак Лакан: введение» поможет читателю прийти к базовому пониманию лакановских теорий, проследить основной ход его мысли.

Для широкого круга читателей.

УДК 14
ББК 87.3

ISBN 9978-5-386-14508-8

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа выросла из лекционного курса «Введение во вселенную Жака Лакана (1901–1981)», который был создан в 2020 году и который читался автором в ряде высших учебных заведений Москвы — в частности, в Высшей школе экономики, Институте психоанализа на Чистых прудах. В аудиоформате этот курс существует как цикл лекций на платформе YouTube[1].

Для этой книги курс был доработан и отредактирован. Однако в целом было решено сохранить формат устной речи — это делает текст гораздо более понятным и доступным для восприятия.

При подготовке курса помимо текстов самого Лакана был использован целый ряд введений и комментариев к Лакану. В частности, были использованы работы Брюса Финка, Джоэла Дора, Лайонела Бэйли, Дариана Лидера, Элизабет Рудинеско, Славоя Жижека, Филипа ван Хойте, Шина Хомера и многих других. За что этим авторам огромная благодарность — без

---

[1] *Узланер Д.* Курс «Введение во вселенную Жака Лакана (1901–1981)» / Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=U7pKycI1wWQ&list=PLcHjj575wG0n0N8xGiDS9rAACEb3qlKit.

них мир Лакана не раскрылся бы передо мной во всех его красках.

Я благодарен Аурелии Ивановне Коротецкой, которая побудила меня на создание данного курса летом 2020 года. Я также благодарен редакторам и сотрудникам издательства «РИПОЛ классик» (особенно Ирине Паскеевой), благодаря которым эта книга во многом и стала возможной.

Книга предназначена для студентов, аспирантов, изучающих психологию, философию или психоанализ, а также, в целом, для всех, кто интересуется сложным и парадоксальным миром идей Жака Лакана. Я очень надеюсь, что мой курс поможет проникнуть во вселенную французского психоаналитика. И убедит в ней задержатся.

ВВЕДЕНИЕ

Данная книга представляет собой введение в теорию французского философа и психоаналитика Жака Лакана, одного из крупнейших мыслителей XX века.

Я начал серьезно изучать Лакана в 2014 году — к нему меня привел интерес к творчеству словенского философа Славоя Жижека (р. 1949). Мне нравилось, как он мыслил, при этом я понимал, что мышление Жижека во многом замешано на идеях Лакана, который в тот момент казался мне абсолютно загадочной и непонятной фигурой. Надо сказать, что до этого я уже предпринимал попытку знакомства с Лаканом, но тогда это закончилось неудачей — его тексты показались мне сложными, непрозрачными. Я ничего не понимал и в целом считал эту затею безнадежной. Однако я все же решил предпринять еще одну попытку погружения в лакановскую вселенную, результатом чего и стала, в конце концов, эта книга.

Мое желание сделать «Введение в Лакана» вызвано тем опытом, который у меня был в тот момент, когда я искал свою точку входа в его интеллектуальный космос. Мне пришлось потратить очень много времени на это. Спустя шесть лет я пришел к пониманию необходимости сделать курс на русском языке, который бы укоротил пройденный мною путь для других.

Я захотел создать такую точку входа, которая позволила бы любому человеку начать осмысленное погружение во вселенную Лакана. На мой взгляд, это того стоит.

Книга состоит из пяти лекций, каждая из которых посвящена связанному блоку сюжетов, раскрывающих ключевые моменты лакановских теорий. Безусловно, в рамках пяти, даже десяти разделов невозможно осветить все аспекты творчества философа. Более того, многие грани его творчества остаются неосвоенными. Даже люди, которые посвятили всю жизнь изучению его работ, признаются, что в текстах есть места, которые они не понимают. В этом плане наследие Лакана можно изучать бесконечно.

В целом Жака Лакана можно назвать антисистемным мыслителем. В том смысле, что он не стремился создать какое-то законченное учение-систему. В этом его отличие от целого ряда других великих философов, например Гегеля, которые как раз стремились к тому, чтобы построить всеобъемлющую систему, в которой все понятия были бы связаны между собой и которая позволяла бы объяснить все на свете. В таком понимании Лакан — это, конечно, антисистемный философ. Его мысль — это горячая, живая, бьющая лава, которая все время меняет свои формы. Он вводит новые понятия, переосмысливает старые, возвращается к каким-то давно оставленным сюжетам; другие сюжеты, которые, наоборот, были до этого для него важными, исчезают. То есть перед нами живой поток мысли — наложенный еще и на специфическую форму представления лакановских идей — устный семинар.

Извлечь из этого живого движения мысли структуру — достаточно нетривиальная задача. Тем не ме-

нее вполне выполнимая. Цель моей работы — дать читателям базовое понимание философии Лакана, обозначить основные ходы его мысли. Тот, кто освоит эту базу, впоследствии может на этом фундаменте надстраивать новые этажи, погружаясь в менее понятные, менее упорядоченные, менее систематизированные, менее освоенные аспекты лакановского творчества.

Первая лекция посвящена интеллектуальной биографии философа и психоаналитика. Я расскажу о том, каким он был человеком и как его жизнь перекликалась с его творчеством. В частности, какие аспекты его жизни, какие знакомства нашли отражение в его мысли. Это достаточно важная часть, так как она придает пониманию его идей большую объемность — ведь становится понятно, какой за ними стоял человек.

Вторая лекция посвящена, наверное, самой известной лакановской концепции — стадии зеркала. А также первому из трех его регистров — регистру воображаемого.

Третья лекция посвящена взглядам Лакана на символическое — его теории знака. Я буду расшифровывать загадочное лакановское высказывание о том, что «бессознательное структурировано как язык». Также коснусь регистра реального.

Четвертая лекция посвящена психическому становлению субъекта. В рамках этой темы я буду говорить о том, как Лакан понимал желание, наслаждение, фаллос, кастрацию, Эдипов комплекс, Имя-Отца и т. д.

Наконец, пятая лекция посвящена клиническим структурам, которые выделял Лакан — ведь он был не только мыслителем, но и практикующим психоаналитиком, который много работал с пациентами. Таких

структур у него было три: психотическая, первертная и невротическая.

Однако прежде чем перейти непосредственно к первой лекции, я хотел бы сказать пару слов о том отчуждающем эффекте, который имеют работы мыслителя. Если спросить человека, который, возможно, даже интересовался философией или психоанализом, о Лакане, то реакция чаще всего будет негативной. У философа плохая слава. Плохая слава в том смысле, что ему принадлежит целый ряд афоризмов, высказываний, суждений, которые выглядят предельно умно, предельно интригующе, но зачастую понять, что именно они значат, очень трудно. Это имеет сильный отчуждающий эффект. Многие люди в буквальном смысле считают труды Лакана какой-то абракадаброй.

Вот, например, некоторые из его высказываний: «Я — это другой», «Бессознательное структурировано как язык», «Я мыслю там, где я не есть. Я есть там, где я не мыслю», «Желание человека получает свой смысл в желании другого». Кроме того, ему принадлежит целый ряд концепций, опять же звучащих крайне эзотерично: Имя-Отца, Большой Другой, символическая кастрация, точка пристежки и т. д.

Не понимая, что это все значит, люди порой отшатываются от лакановских работ и никогда больше к ним не возвращаются. Особенно, если они попытались читать самого Лакана, то есть его собственные тексты.

Надо сразу сказать, что Лакан — это был не тот человек, который любил писать. По большому счету, за всю свою жизнь он написал только одну книгу. Единственной книгой, которую он действительно написал в полном смысле этого слова, была его диссер-

тация, посвященная делу Эмэ (1932), о чем речь пойдет в первой лекции. Самая знаменитая его работа „Écrits“ (1966) — просто собрание статей, написанных за долгое время.

Ощущение от его текстов можно передать с помощью следующего образа: представьте себе, что есть лестница, в этой лестнице сто ступенек. Для того чтобы с первой ступеньки попасть на сотую, надо по этим ступенькам пройти. А теперь можно представить, что из этих ступенек, например, каждую третью выбили. А потом из оставшихся выбили еще половину. В итоге подняться по этой лестнице становится невозможно. Так и тексты Лакана — длинная лестница, где каждая ступенька — это шаг в рефлексии. Но почти все эти шаги скрыты. Кажется, что между одной мыслью и другой — гигантский пробел, гигантская пропасть. И не понятно, как ее преодолеть. По сути, единственный способ осилить эту смысловую пропасть — обратиться к комментирующим текстам. Либо к лакановским семинарам, которые в этом плане гораздо более щадящие для читателя. Однако эти семинары так до сих пор и не были изданы до конца, причем не только на русском языке.

В этом плане, конечно, Жак Лакан — феномен. Человек, который написал всего одну книгу, который выражался предельно туманно, но который при этом смог окружить себя огромным количеством поклонников и сделать внушительную интеллектуальную карьеру. В XXI веке он продолжает оказывать интеллектуальное влияние не только на Францию, но и на весь мир.

Есть еще один момент, связанный с Лаканом, опять же не способствующий его пониманию: в какой-то момент он оказался очень сильно увлечен идеей формализации психоаналитической теории. Он пытался создать свою психоаналитическую алгебру с некими подобиями уравнений, схем и формул. Опять же, если смотреть на лакановские построения без подготовки, то они могут пугать своей сложностью, отвращая и без того быстро теряющего энтузиазм читателя.

На рисунках 1 и 2 приведены некоторые из схем Лакана.

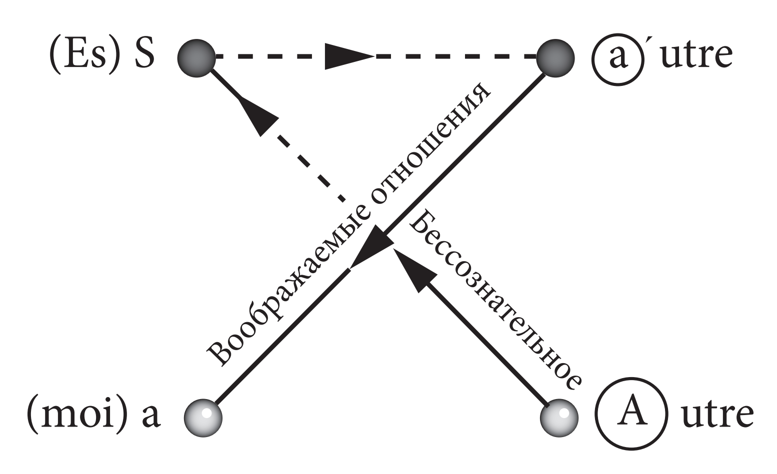


Рисунок 1. Схема L

Свою работу я мыслю как попытку объяснить, что же стоит за подобными сложными и непонятными лакановскими терминами. Что стоит за этими построениями, рисунками, конструкциями. Задача в том, чтобы после ознакомления с работой можно было бы снова вернуться к этим страницам и понять, что ни схема L, ни конструкция с двумя зеркалами, ни формали-

зованный лакановский язык — все эти A, a, i(a), S и прочее — уже больше не выглядят чем-то пугающим. Наоборот, все это лишь побуждает к дальнейшей рефлексии, к дальнейшему погружению в то, что я называю интеллектуальной вселенной Жака Лакана.

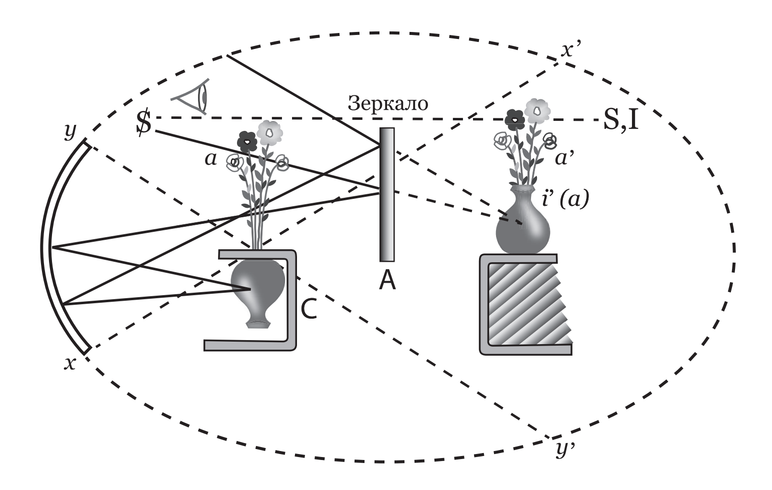


Рисунок 2. Конструкция с двумя зеркалами

Лекция 1

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ ЖАКА ЛАКАНА[1]

Жак Мари Эмиль Лакан родился в 1901 году в Париже, в богатой семье, которая владела предприятием по производству винного уксуса. Помимо Жака в семье было еще два брата и сестра. Один брат умер в возрасте двух лет от гепатита. Второй брат впоследствии стал монахом-бенедиктинцем, то есть поступил в католическую церковь и остался в ней. Семья была консервативной, религиозной. Неудивительно, что впоследствии Лакана отдали учиться в католическую школу. Католическая школа в Европе тех лет — это престижное заведение, куда отдают детей зажиточных родителей. То есть это место, где получают хорошее, можно сказать, элитное образование.

Лакан рано начал интересоваться философией. Где-то с пятнадцати лет он уже читал Спинозу, которого он любил и сильно им увлекался. Вскоре — в рамках некоего бунта — он отвергает религиозные ценности своей семьи и начинает увлекаться идеями Ницше. В частности, идеями Ницше про антихриста, антихристианина.

---

[1] В своем изложении биографии Лакана я опираюсь на великолепную работу Элизабет Рудинеско: *Roudinesco E.* Jacques Lacan: Esquisse d'une vie, histoire d'un système de pensée. Paris: Fayard, 1993.

Я не буду много времени уделять его семейным делам, скажу лишь, что семья и контекст семьи повлияли на последующие идеи самого Лакана. Если взять его полное имя — Жак Мари Эмиль Лакан — то мы видим имя Эмиль. Эмиль — имя его деда по отцовской линии. Отношения с дедом были крайне тяжелыми. Он был авторитарным человеком и доминировал над отцом самого Лакана. Жак винил своего деда в том, что тот испортил его отношения с отцом. Кроме того, и в семье отца, и в семье деда основную роль играли женщины, которые как бы доминировали над своими мужьями.

Для Лакана эти обстоятельства нашли отражение в двух его важных концепциях. С одной стороны, Имя-Отца. Помимо всего прочего, это лакановское понятие можно понимать в буквальном смысле — как имя отца. Как то имя, которое против твоей воли как бы вписано в твое собственное имя. В имени самого философа было имя не отца, но имя авторитарной отцовской фигуры, в данном случае — его деда.

С другой стороны, сама семья отражала важный для Лакана момент — постепенный упадок отцовского принципа, закат власти отцов, кризис патриархальной семьи. Эта интуиция впоследствии становится для Лакана чрезвычайно важной. Он будет говорить в контексте своих размышлений о перверсии, об Эдиповом комплексе, об отцовской функции и о том, что происходит, если эта отцовская функция не работает или сталкивается с какими-то затруднениями.

После окончания школы Жак Лакан идет учиться и становится врачом. С конца 1920-х годов он начинает увлекаться психиатрией и с 1927 по 1931 год изучает психиатрию в госпитале Святой Анны. В рамках своего обучения он ездит на стажировки. В частности, в знаменитую клинику Бургхольцли в Швейцарии.

В контексте психоанализа данная клиника известна тем, что там свои первые шаги делал Карл Гюстав Юнг (1875–1961), некогда любимый ученик Зигмунда Фрейда (1856–1939), который впоследствии от Фрейда откололся и основал свое собственное психоаналитическое направление под названием аналитическая или комплексная психология.

В отличие от Фрейда, который изначально работал с истерическими больными, Лакан, будучи психиатром и работая в психиатрической клинике, имел дело с гораздо более тяжелыми случаями. Если развитие Фрейда шло через изучение кейсов истерии, и именно через истерию он формулировал свои базовые, основополагающие идеи, то в случае с Лаканом речь шла о формировании через столкновение с гораздо более тяжелыми психическими расстройствами, прежде всего, со случаями паранойи. Лакан работал с галлюцинаторным психозом, с болезнью Паркинсона, с психическими автоматизмами, с наследственным сифилисом и прочими сложнейшими заболеваниями.

Более того, он еще и занимался судебной психиатрией и поэтому имел дело, среди прочего, с очень известными случаями преступлений, которые совершались людьми как раз под воздействием разного рода психических нарушений.

Единственным, кого Лакан признавал в качестве своего учителя психиатрии, был Гаэтан Гасьян де Клерамбо (1872–1934), известнейший французский психиатр. Как Лакан пишет в „Écrits“: «…мой единственный учитель в психиатрии»[1]. Клерамбо известен своими исследованиями феномена психического автоматизма: чувство отчужденности, неестественности, «сделанности» собственных движений, поступков и мышления. Стра-

[1] *Lacan J.* Écrits. Paris: Seuil, 1966. P. 65.

дающий от таких симптомов больной заявляет, что некто говорит его ртом, ходит его ногами, делает что-либо его руками. В этой концепции психического автоматизма можно найти отголоски более поздних идей самого Лакана, в частности, связанных с идеей Другого и с воздействием, которое этот Другой оказывает на субъекта — в рамках психического автоматизма Другой как бы захватывает субъекта, делает его объектом своего наслаждения («наслаждение Другого»). Помимо психического автоматизма, Клерамбо также изучал явления эротомании, или эротического бреда. Речь идет об убежденности человека, что в него тайно влюблен кто-то знаменитый, известный, богатый и что только какие-то исключительные обстоятельства мешают этой любви реализоваться. Тема эротомании присутствует в первом значимом интеллектуальном проекте Лакана — его диссертации, посвященной делу Эмэ.

Однако прежде чем говорить о его диссертации, выделим основные периоды лакановского творчества. Естественно, далеко не все принимают такую классификацию, поэтому скажем, что это одна из возможных классификаций[1]. Она достаточно удобная и позволяет более-менее ориентироваться в периодах деятельности психоаналитика.

Таких периодов три. Первый период — ранний (с 1936 по 1949 год). Это период, когда Лакан развивает свои идеи, касающиеся стадии зеркала, и в основном концентрируется на воображаемом.

Второй период его творчества, условно называемый средним, — это период с 1949 по 1960-е годы. В это время Лакан начинает увлекаться символическим, его

---

[1] Обоснование данной периодизации см.: *Julien Ph.* Jacques Lacan's Return to Freud: The Real, the Symbolic, and the Imaginary. New York and London: New York University Press, 1995.

занимает тема структурной лингвистики, языка. «Означающее» становится для него ключевым, принципиальным концептом.

И, наконец, последний, третий этап лакановского творчества — поздний этап. Этап с 1960-х годов по 1981 год, то есть по год его смерти. Это период, когда Лакан начинает обращать все больше внимания на то, что находится как бы по ту сторону символического. Для него на первый план выходит реальное. Что такое реальное, символическое и так далее — все это мы будем в свое время обсуждать, рассматривать.

Итак, вернемся к диссертации. Диссертация вышла как книга в 1932 году под названием «О паранойяльном психозе в его отношении к личности» („De la psychose paranoïaque dans ses rapports avec la personnalité“). По сути, это была единственная книга, которую Лакан написал за всю свою жизнь (все остальное — это сборники его отдельных работ и семинары).

В рамках этой работы он описал случай Эмэ. Эмэ — это имя, которое Лакан дал своей пациентке. «Эмэ» в буквальном смысле означает «любимая» или «возлюбленная». Настоящее имя Эмэ было Маргарет Пантэн. История Маргарет Пантэн — это пример тех пациентов, с которыми Лакан работал на заре своей карьеры и которые в некотором смысле сформировали фундамент его мышления. Именно на таких кейсах формировалась его теория. Повторюсь, если фрейдовская теория формировалась в основном на исследованиях случаев истерии, то лакановская теория формировалась на очень тяжелых психиатрических кейсах — и прежде всего на изучении случаев паранойи.

Маргарет Пантэн была, с одной стороны, простой служащей, которая работала на железной дороге. А с другой стороны, у нее была как бы вторая жизнь, и эта вторая

жизнь сопровождалась целым букетом психиатрических симптомов. Она страдала бредом преследования, склонностью к мании величия и эротоманией.

Ее бред преследования заключался в том, что она считала, будто бы ее преследует пара известных французов. С одной стороны, ее преследует известная актриса, которую звали Югетт Дюфло (и она же одновременно — объект для подражания и идентификации для Маргарет). А с другой — известный французский литератор, который писал романы и в этих романах зачем-то выписывал очень негативный женский образ. Как считала Маргарет, этот негативный женский образ списан с нее, это попытка эту самую Маргарет дискредитировать, опорочить. Однажды она даже подкараулила данного литератора и пыталась задать ему вопрос, зачем он это делает и не стоит ли ему прекратить порочить ее славное имя.

Параллельно у нее была мечта — фантазия о том, что она является писательницей. Маргарет написала два романа и безуспешно пыталась их напечатать. Она отдала рукописи в издательство, но издательство вернуло эти рукописи — никто печатать ее работы не хотел.

Кроме того, Маргарет страдала эротоманией. Она была убеждена, что в нее влюблен некий принц, которому она все время писала письма, объясняя свои злоключения.

Кульминацией этой истории стал 1931 год, когда Маргарет напала на эту якобы преследующую ее актрису — в тот момент, когда Югетт Дюфло выходила из театра. Но довести до конца свой план, то есть убить «преследовательницу» ножом, Маргарет не удалось — ее схватили. Очень скоро она оказалась в кабинете доктора Лакана, который, в свою очередь, ухватился за дело Маргарет

Пантэн и на материалах этого дела написал диссертацию, давшую сильный толчок его карьере.

При этом надо сказать, что судьбы Лакана и этой самой Эмэ, «возлюбленной», достаточно сильно переплелись. С одной стороны, психиатр глубоко погрузился в ее историю. Он забрал все ее материалы, фотографии и так далее. И, кстати, так никогда их не вернул. С другой стороны, у этой женщины был сын — Дидье Анзье, который стал впоследствии известным французским психоаналитиком. И парадокс в том, что Анзье пришел на анализ к Лакану, то есть Лакан был его аналитиком. И по началу в ходе терапии ни сам аналитик, ни анализант не понимали, что матерью Дидье является та самая Маргарет, на материалах которой Жак Лакан написал свою диссертационную работу.

Сама Маргарет к Лакану относилась плохо. Она считала, что он ее, по сути, использовал, что как человек она ему была неинтересна, что она ему была нужна исключительно из тщеславных соображений — разработать свою теорию паранойи, сделать карьеру, продвинуться в сообществе психиатров.

И надо сказать, что после того, как Маргарет вышла из лечебницы, а это в какой-то момент случилось, она даже некоторое время проработала в доме родителей своего врача. И сам Жак Лакан даже однажды столкнулся с ней в доме своих родителей. Вот так интересно, причудливо переплелись судьбы психоаналитика и его первой знаменитой пациентки!

Чем примечательна эта работа? Она примечательна тем, что в ней можно найти первые проблески концепций зрелого Лакана. В частности, в ней можно увидеть некоторые отголоски того, что впоследствии разовьется в концепцию стадии зеркала. Это его соображения, раз-

мышления о двойнике и о том, что впоследствии станет воображаемой осью отношений, то есть осью отношений с маленьким другим — в лакановской алгебре обозначается как *a*. Это отношения, которые, с одной стороны, пронизаны обожанием, желанием копировать, любовью, а с другой — конкуренцией, агрессией, завистью. То есть ровно то, что, с точки зрения Лакана, разыгралось между Эмэ и той актрисой, на которую она напала (а до этого — между Эмэ и ее сестрой)[1]. Кроме того, в этой же работе присутствуют отголоски идей о паранойяльном основании любой личности[2].

Работа примечательна также тем, что в ней автор впервые демонстрирует свое знакомство с идеями Фрейда. В 1932 году он уже читал работы Фрейда и даже переводил их, а также пытался интегрировать идеи последнего в свои размышления о паранойе. После того, как эта работа была издана, Лакан послал ее Фрейду, но тот остался не впечатлен, он не обратил внимания на лакановский талант, отреагировав на письмо простой вежливой отпиской: «Спасибо за то, что послали мне эту работу». Скорее всего Фрейд даже не открывал исследование, а если и открывал — то не нашел в нем ничего суперинтересного.

Диссертация Лакана имела некоторый успех. В частности, она привлекла внимание, с одной стороны, французских социалистов, а с другой — сюрреалистов.

Левым эта работа понравилась тем, что в ней история болезни Эмэ была показана не как следствие каких-то наследственных факторов или физиологических

---

[1] Более подробно о деле Эмэ и других психиатрических кейсах Лакана см.: *Мазин В.* Переход к действию и самонаказующая паранойя // Лаканалия. 2020. № 33. С. 16–35.

[2] См. лекцию 2.

нарушений, но она была вплетена в историю ее жизни. То есть психиатрические симптомы Эмэ могут быть выведены из ее жизненных злоключений, что показывает, что в некотором смысле социальные обстоятельства могут сводить человека с ума и приводить к тем последствиям, к которым они и привели в случае с Маргарет Пантэн. Социалисты считали Лакана лидером нового психиатрического направления, соединяющего, с одной стороны, Фрейда, а с другой — марксизм. В целом, левые всегда относились к Лакану с симпатией, кульминацией чего стали работы марксистского философа Луи Альтюссера (1918–1990), сыгравшего большую роль в популяризации идей Жака Лакана не просто как психоаналитика, но как того, кто внес большой вклад в развитие социальной и политической философии.

Второй группой, которая благосклонно приняла диссертацию, были французские сюрреалисты, в частности Сальвадор Дали. Надо сказать, что у Лакана и сюрреалистов была взаимная любовь — молодой психиатр очень восхищался сюрреалистами, дружил с Дали, читал его статьи. И впоследствии публиковался в журнале сюрреалистов под названием «Минотавр».

Почему сам Лакан интересовался сюрреалистами? Он считал, что сюрреалисты раскрывают некоторые механизмы, которые проливают свет на то, что происходит с людьми, страдающими психическими расстройствами. Сюрреалисты используют в качестве художественного приема то, что пациенты демонстрируют в качестве своих симптомов. В частности, Лакана привлекла статья Сальвадора Дали 1930 года «Гнилой осел». В этой статье Дали раскрывает принципы художественного мышления представляемого

им направления, проводя параллели между сюрреалистами и параноиками (его так называемый параноидально-критический метод). Те причудливые образы реальности, с которыми психически больные люди имеют дело в своих галлюцинациях и в своем бреду, для художника-сюрреалиста есть неисчерпаемый ресурс для творчества.

Из изучения сюрреалистов Жак Лакан выводил некоторые важные для себя идеи. Например, идею о паранойяльной структуре любой личности. О том, что любой субъект изначально представляет собой набор разрозненных, раскоординированных, хаотических влечений, движений, частей и так далее. Для того, чтобы все это собралось в какой-то целостный образ, как раз и нужно то, что Лакан впоследствии объявит стадией зеркала. А сюрреалисты обнажали эту изначальную хаотичность человека в своих картинах. Если посмотреть на обложки журнала «Минотавр» (рис. 3), то можно увидеть странные фигуры с какими-то непонятными частями (головами и так далее). Эти образы как будто бы обнажают то, что у больных проявляется в качестве симптомов (переживание внутреннего хаоса, распада на части), и то, что у условно здоровых людей как бы скрыто под целым слоем различных психических инстанций, которые возникают в ходе психического развития, куда входят и стадия зеркала, и Эдипов комплекс, и погружение в символический регистр и т. д.

Именно в журнале «Минотавр» Лакан опубликовал свои размышления, посвященные следующему громкому психиатрическому кейсу, которым он интересовался, — истории сестер Папен. Это история 1933 года. Сестры Папен — молодые девушки, которые работали горничными в богатом доме. В какой-то

момент в силу целого ряда случайных событий — в частности, в доме ненадолго погас свет — сестер переклинило, и они зверски убили хозяйку дома, а также ее дочку. Причем убили с элементами расчленения — выкололи глаза. То есть была абсолютно жуткая картина преступления. После этого они помылись, спокойно легли в кровать и ожидали приезда полиции.

Рисунок 3. Обложка журнала «Минотавр» № 10, 1937 (автор обложки — Рене Магритт)

Эта история разделила Францию. Одни считали, что это проявление классовой ненависти, что наниматели эксплуатировали девушек и ни во что их не ставили. В конечном счете это спровоцировало выплеск классовой ненависти и насилия. Другая сторона считала, что это просто проявление психиатрического расстройства, которое до этого было скрыто.

Лакан заинтересовался этой историей и написал свою интерпретацию случившегося, развивая собственное понимание паранойи. В понимании молодого Лакана, в этой истории воедино сходилась как социальная, так и психиатрическая линии. В частности, он считал, что паранойя возникла как результат того отчуждения, которое существовало между служанками и их господами/работодателями. Сестры воспринимали своих нанимателей в качестве тех, кто смотрит на них каким-то отчуждающим, можно сказать, уничтожающим взглядом. И в момент помешательства, вызванного внезапно погасшим светом на фоне какой-то мелкой ссоры, сестры в буквальном смысле попытались избавиться от этого смотрящего на них, обесценивающего, ни во что их не ставящего глаза. Они буквально вырвали эти невыносимые для них глаза. С точки зрения Лакана, здесь друг на друга наложились две логики: с одной стороны — логика классового отчуждения, установившая границу между сестрами и хозяевами дома, а с другой — логика паранойи, логика преследующего субъекта Другого, желающего этого субъекта истязать. Вырывая глаза своих жертв, сестры Папен хотели избавиться от того Другого, который преследовал их в их психической реальности.

Параллельно с изучением психиатрических кейсов Лакан начинает все больше увлекаться психоанализом. Он активно переходит от психиатрии к психоанализу.

Для того чтобы продвинуться в психоаналитическом сообществе, Лакану необходимо было вступить в Парижское психоаналитическое общество (Société psychanalytique de Paris, SPP), старейшую психоаналитическую организацию Франции (основана в 1926 году). Но не просто вступить, а стать ее полноценным членом и получить статус тренинг-аналитика, который позволяет уже брать учеников и вообще превратиться в видную фигуру психоаналитического движения.

И Лакан в 1932 году идет в собственный анализ, что было необходимым условием для членства в SPP. Он попадает к Рудольфу Левенштейну (1898–1976) — тоже знаковой фигуре в истории психоанализа XX века. Если посмотреть на годы жизни Левенштейна, то он был почти ровесником Лакана. Отношения между этими двумя безусловно выдающимися джентльменами не складываются. Лакан попросту считал Левенштейна недостаточно для себя умным. Он считал его разочаровывающим учителем. В свою очередь, Левенштейн считал Лакана неанализабельным и не очень благоприятствовал продвижению Лакана в качестве члена SPP.

Такие странные отношения у них продолжались несколько лет. Чтобы охарактеризовать каким-то образом их отношения, можно привести одну историю, которая однажды произошла на сеансе психоанализа. Лакан рассказал про свое дневное происшествие — как он ехал в машине по Парижу. Надо сказать, что он любил машины, любил очень быстро ездить. Он ехал по Парижу и в туннеле уперся в грузовик, который никак не хотел его пускать даже после неоднократных попыток его объехать. Наконец, здравый смысл возобладал, грузовик уступил дорогу, и Лакан на большой

скорости поехал дальше. Он принес этот образ на анализ для того, чтобы показать, наверное, Левенштейну то, что между ними развертывалось, что между ними происходило. Левенштейн — тот грузовик, который мешает Лакану на его быстрой машине промчаться туда, куда ему нужно. Можно догадаться, что Левенштейну такой образ не очень понравился.

Учитывая дальнейшие траектории этих выдающихся психоаналитиков, можно сказать, что их отношения не сложились неслучайно. Лакану, конечно, не повезло с аналитиком — в том смысле, что Левенштейн наряду с целым рядом других известных аналитиков — Анной Фрейд, Эрнстом Крисом и Хайнцем Хартманном — стал идеологом эго-психологии. Эго-психология — это направление психоанализа, которое выдвигает эго на первый план. Эго и его адаптацию к внешней реальности. То есть главное — усилить эго пациента, усилить адаптацию этого эго к реальности. В рамках такого подхода бессознательное, влечение и все прочее уходят на задний план, а на первый план выходит эго.

Именно с таким пониманием психоанализа Лакан воевал всю свою жизнь. Он считал его квинтэссенций предательства учения Фрейда, предательства, которое Лакан наблюдал у некоторых, прежде всего, англо-американских продолжателей Фрейда. По его мнению, если субъект и должен к чему-то адаптироваться, то только к реальному своих влечений. А эго — всего лишь отчуждающая идентификация, мешающая этому[1].

То есть так получилось, что собственным аналитиком Лакана стал один из ключевых теоретиков того

[1] Об этом см. в дальнейших разделах данной работы.

направления психоанализа, которое французский психоаналитик ругал как только мог, считая его предательством Фрейда, предательством психоанализа. Свою миссию он видел в том, чтобы с этим предательством бороться — бороться путем возвращения к учению Фрейда, к бессознательному, к произведенной австрийским гением революции.

В это же время, то есть в 1930-е годы, Жак Лакан развивает свою первую зрелую концепцию, которая впоследствии принесла ему известность и благодаря которой он по сей день известен многим людям. Вероятно, она наиболее проста для понимания. Речь идет о его концепции стадии зеркала.

К 1936 году у Лакана формируется уже более-менее целостное понимание концепции, и с этими идеями он едет на конгресс Международной психоаналитической ассоциации (далее — МПА). То, что там происходит, — это в концентрированном виде иллюстрация отношений Лакана с мировым психоаналитическим истеблишментом, который его не принимал, не видел его значимости и, по большому счету, не понимал.

Отношения Лакана с МПА как-то с самого начала не сложились. Причем это проявлялось и до конгресса — в истории с Фрейдом, который очень сдержанно откликнулся на присланную ему работу молодого психиатра, в истории с Рудольфом Левенштейном, который уже тогда был значимой фигурой в мировом психоанализе. История на конгрессе — еще одно звено в этой цепи недопониманий.

Конгресс проходил в 1936 году в австрийском Мариенбаде. Это такой городок в тогдашней Австро-Венгрии, а ныне — в Чехии. Место было выбрано неслучайно — рядом с местом жительства Зигмунда Фрейда,

который к тому моменту уже был пожилым человеком с ограниченными возможностями для путешествий. Лакан приезжает на конгресс для того, чтобы презентовать свои идеи относительно стадии зеркала. По его мнению, разработанная концепция представляет собой огромный вклад в развитие теории психоанализа. Он считал, что тем самым заполняет ту лакуну, которая оставалась у самого Фрейда. Здесь необходимо отметить, что у Фрейда есть работа о нарциссизме, где он размышляет о том, как формируется человеческое Я. Ведь человек не рождается с Я — Я возникает на каком-то этапе. Фрейд задается вопросом, на каком этапе и как оно возникает. Но этот вопрос остается у него без ответа. Как считал Лакан, с помощью своей концепции стадии зеркала он как раз эту лакуну и заполняет[1].

И вот он приезжает на этот конгресс, очевидно ожидая если не фурора, то как минимум того, что его выслушают. Но происходит неприятный конфуз. На конгрессе есть регламент, и по этому регламенту у каждого выступающего есть десять минут. Лакан выходит и начинает говорить, но эти десять минут очень быстро проходят — а Лакан еще толком ничего не успел сказать. И президент МПА, небезызвестный Эрнест Джонс, биограф Фрейда, просто прерывает выступление: мол, молодой человек, ваше время истекло, спасибо.

Для Лакана это была неприятная история. Он покинул конгресс, не дождавшись его окончания (и отправился в Берлин — смотреть Олимпийские игры). Никто не понял значимость этого выступления, никто

---

[1] Подробнее см. лекцию 2.

не понял значимости фигуры Жака Лакана. Что неудивительно — мировой психоанализ тех лет занимал конфликт Мелани Кляйн и Анны Фрейд.

Скажу буквально пару слов о личной жизни Лакана. Он был женат дважды. Первый брак был заключен с Мари-Луиз Блонден в 1934 году. От Мари-Луиз у Жака было трое детей: две дочки и сын. Однако Лакан не был примерным семьянином и позволял себе изменять жене. Его самый яркий роман случился с Сильвией Батай — актрисой и на тот момент женой Жоржа Батая[1]. Сильвия и Жал Лакан заключили официальный брак в 1953 году. В 1941 г. Сильвия родила Лакану дочку Жюдит, которая стала его четвертым и любимым ребенком. Впоследствии она унаследовала львиную долю имущества отца. А мужем Жюдит стал Жак-Ален Миллер — знаковая фигура для современного лакановского психоанализа, человек, которого сам Жак Лакан, по сути, сделал своим интеллектуальным наследником, поручив ему распоряжаться собственным идейным наследием.

Что еще происходило с Лаканом в 1930-е годы? В 1938 году он наконец-то становится тренинг-аналитиком, то есть получает возможность брать учеников. А надо сказать, что учеников он к себе привлекал и очень много. Подобная популярность Лакана впоследствии стала одной из причин недоразумений и разбирательств с МПА.

Дальше начинается Вторая мировая война. За время Второй мировой войны Лакан не публикует ни одной работы и в целом ведет себя очень тихо. С одной стороны, он не становится коллаборационистом, то есть

---

[1] Жорж Батай (1897–1962) — выдающийся французский литератор, философ.

он не поддерживает правящий режим Виши. А с другой стороны, не присоединяется к сопротивлению.

Дальнейшие любопытные интеллектуальные события в жизни Лакана происходят с конца 1940-х годов. Так, например, он пытается поучаствовать в том конфликте, который происходит в мировом психоаналитическом сообществе — конфликте Анны Фрейд и Мелани Кляйн. В этом конфликте он занимает позицию Мелани Кляйн, считая, что его идеи в принципе движутся в ту же сторону, что и ее. Идеи Анны Фрейд, развивавшей эго-психологию, были для Лакана объектом постоянной критики.

Однако сама Кляйн особого интереса к идеям Лакана не проявляла. По понятным причинам — она не понимала, в чем именно эти идеи заключаются. Идеи Лакана не понимают. При этом его считают как минимум человеком значимым во французском контексте, человеком, с которым необходимо считаться (он был тренинг-аналитиком, привлекавшим к себе огромное количество учеников). В этом качестве Мелани Кляйн с ним встречается и общается. И когда Лакан пообещал ей перевести ее книгу о психоанализе у детей на французский язык, это ее в некотором смысле подкупило.

Однако с переводом этой книги вышла неприятная ситуация. Лакан поручил переводить эту книгу одному из своих учеников. Тот перевел первую часть и отдал перевод учителю. Вторую часть книги переводил другой ученик. И когда стали искать первую часть, то выяснилось, что Лакан ее просто потерял. Узнав об этом, Мелани Кляйн, естественно, в Лакане разочаровалась и больше им особо не интересовалась. Таким образом, их отношения так и не сложились.

При этом Лакан активно опирался на многие идеи Кляйн и часто упоминал ее в своих работах — депрессивную и параноидно-шизоидную позицию, идеи о «бессознательной фантазии».

Конец 1940-х годов открывает новый этап в творчестве Лакана — этап, связанный с его увлечением структурализмом, которое начинается с изучения работ Клода Леви-Стросса, чья публикация 1949 года «Элементарные структуры родства»[1] знаменует собой расцвет структурализма во Франции. Структурализм выдвигался как альтернативный подход доминировавшим тогда направлениям гуманизма и экзистенциализма. Если экзистенциализм и гуманизм говорили о свободе человека, о том, что человек — это совокупность совершенных им поступков, что «существование человека предшествует его сущности» (то есть ты становишься тем, кто ты есть, не в силу какой-то твоей изначальной сущности, но в силу тех решений, которые ты принимаешь в ходе своей жизни), то структурализм, наоборот, говорил о том, что человек предопределен теми структурами, внутри которых он находится. Свобода — иллюзия, а на самом деле все определяется теми системами, элементом которой человек становится после своего рождения и социализации. Человек — элемент структуры или комплекса структур (в частности, структур родства), которые почти полностью его определяют.

Про Леви-Стросса и его идеи мы поговорим подробнее чуть позже. В данный момент будет достаточно упомянуть, что Леви-Стросс и в целом антропологи обратили внимание на то, что структуры родства

[1] *Lévi-Strauss C.* Les structures élémentaires de la parenté. Paris: Presses universitaires de France, 1949.

бывают разные. Это имело непосредственное отношение к психоанализу — в частности, к идеям Фрейда об Эдиповом комплексе. Является ли этот Эдипов комплекс чем-то универсальным?

Эдипов комплекс подразумевает наличие мамы, папы и ребенка. А антропологи описали такие сообщества, где никакого отца не было, или же где он был отодвинут на задний план. В этих сообществах структура родства была организована иначе: там была мама и ребенок, а отцовская фигура замещалась дядей, то есть братом матери. Можно сказать, что никакой эдипальной структуры тут возникнуть не могло, потому что не было отца, не было такой клеточки в структуре, которую отец мог по праву занять. Из этого можно было сделать вывод, что размышления Фрейда про Эдипов комплекс имеют отношение только к западной культуре и только к определенному этапу ее развития. То есть они применимы только для размышлений о нуклеарной семье: мама, папа, ребенок. А там, где есть иные структуры родства, там действуют уже другие механизмы.

В 1950 году Лакан знакомится с Романом Якобсоном, человеком, который внес огромный вклад в развитие структурной лингвистики. У Якобсона Лакан заимствует целый ряд важных для себя мыслей — о структуре языка, о метафоре и метонимии. Впоследствии он все совмещает и возникает его собственная концепция психоанализа, положенная на фундамент структурной лингвистики. В рамках своих увлечений структурализмом Лакан и формулирует свою известную концепцию бессознательного, структурированного как язык[1].

---

[1] См. лекцию 3.

Надо сказать, что Лакан в целом дружил с большим количеством выдающихся умов своего времени. Так, например, Лакан дружил с Мартином Хайдеггером, общался с ним, читал его работы. Лакан встречался с Карлом Густавом Юнгом. Кстати, именно во время этой встречи Юнг и рассказал ставшую знаменитой историю о том, как они с Фрейдом приехали в Америку. И Фрейд, повернувшись к Юнгу, сказал: «Мы привезли в Америку чуму», имея в виду психоанализ.

Знакомство Лакана со всеми этими выдающимися умами XX века все равно развивается по одной и той же схеме. Все знают, что Лакан — если не гений, то как минимум очень значимая фигура, но при этом никто его не понимает. Известны замечания и Леви-Стросса, и Хайдеггера по поводу того, что они не понимают ничего из того, что Лакан пишет или говорит.

Например, Леви-Стросс в своем общении с Морисом Мерло-Понти, еще одним собеседником Лакана, сетовал: для того, чтобы понять Лакана, его, наверное, надо читать по пять-шесть раз. Но, как замечал Леви-Стросс, у него просто не было столько времени. Поэтому он просто дружил с Лаканом, совершенно не понимая, в чем суть его идей. С Хайдеггером было то же самое. Когда тот получил копию лакановских „Écrits“, изданных в 1966 году, то признавался одному из своих приятелей, что ничего для себя из этой книжки вынести не смог. А потом еще добавил: похоже, нашему психиатру самому нужен психиатр.

То есть Лакана не понимали. И дело не в том, что люди, которые пытались его понять, сами были недостаточно умными. Нет, его не понимали даже такие люди, как Хайдеггер. А Хайдеггер — это человек, ко-

торого самого достаточно трудно понять. Если даже он не мог понять Лакана, значит, в лакановских текстах действительно было что-то предельно непрозрачное, непонятное, недружелюбное для читателя.

И тут можно поразмышлять о том, почему вообще Лакан так непонятно выражался. Мог ли он выражаться более ясно? В принципе, да, мог. Есть как минимум одно его интервью, которое он дал газете „L'Express", где — не знаю, заслуга ли это журналистки или еще что-то — Лакан ясно, четко формулирует свои идеи: в чем суть психоанализа, учения Фрейда и его личных работ, их значимости для психоанализа. Если кто-то хочет начать знакомство с Лаканом, но не хочет читать какие-то введения или пояснения, то можно начать с этого интервью[1].

Так почему же Лакан так непрозрачно мыслил — по крайней мере, на письме? С одной стороны, можно сказать, что у него, как у гения, разум был устроен специфическим образом. Отсюда столь туманные выражения. Есть еще точка зрения, согласно которой Лакан боялся, что его идеи могут украсть, что вокруг все только и думают о том, как бы украсть его идеи. Соответственно, способ быть непонятным — это способ в некотором смысле замаскировать свои идеи, сделать так, чтобы их не могли украсть. Другое объяснение — к середине XX века психоанализ стал настолько популярен, что почти все были в курсе идей Фрейда, психоанализ перестал быть чем-то загадочным — люди приходили к психоаналитикам и уже наперед знали, что будет происходить, как мыслит их аналитик и к чему все в конечном счете вырулит. Вернуть психоанали-

---

1 Les clefs de la psychanalyse // Entretien avec Madeleine Chapsal paru dans *L'Express* du 31 mai 1957, № 310.

зу непрозрачность, сделать психоаналитическую терапию снова загадочной и непонятной — одна из возможных причин туманности лакановских формулировок. Мышление аналитика должно было снова стать чем-то непредсказуемым.

Но есть и еще одна возможная интерпретация, объяснение того, почему Лакан в своих текстах был настолько непрозрачным — он делал ставку не на письменную речь, а на речь устную. Его способ распространения идей — это передача знания из уст в уста. С 1953 года Лакан начинает вести свой знаменитый семинар, через который прошло огромное количество французской интеллектуальной элиты. Это было знаковое событие, которое посещали многие выдающиеся философы, математики, психоаналитики и т. д. Например, Андре Грин (1927–2021) или Ален Бадью (р. 1937), может быть, самый известный из ныне живущих французских философов.

Почему Лакан выбрал именно форму семинара для распространения своих идей? В 1933–1934 годах он посещал семинар Александра Кожева — известного французского философа русского происхождения — о Гегеле. Здесь стоит также сказать, что Лакан многое взял у Кожева, в частности, его размышления о диалектике раба и господина, о другом, о том, что человек может быть тем, кто он есть, только получив признание в этом качестве в глазах другого. Поскольку семинар Кожева был успешен, то Лакан понял эффективность такой формы взаимодействия с аудиторией. Кроме того, известен и удачный опыт Фрейда, сформировавшего вокруг себя ближайший круг учеников, в котором и происходило первоначальное развитие психоаналитических идей. На основе опыта старших

коллег Лакан предпринял попытку сформировать и вокруг себя круг учеников, собрать лучших из лучших и из уст в уста передавать им свое учение.

Семинар Лакана проходил каждый год до самой его смерти. Сейчас эти семинары активно публикуются, в том числе и на русском языке. Собрания проходили в разных локациях — изначально (с 1953 года) в госпитале Святой Анны, где Лакан делал свои первые шаги в качестве психиатра. С 1964 года семинар перемещается в Высшую нормальную школу (École Normale Supérieure), а с 1969 года — на Факультет права (Faculté de Droit) Парижского университета.

Следующая предельно интересная тема — отношения Лакана с МПА. Выше я уже отчасти про это упоминал. Отношения, мягко говоря, не задались. Они не задались и в том смысле, что не сложились отношения Лакана с его собственным аналитиком, и в том смысле, что его попытка презентовать свои идеи на психоаналитическом конгрессе закончилась неудачно. Это изначально наметившееся отчуждение, непонимание с годами только усугублялось. Отношение к философу, когда его наконец-то заметили, всегда было подозрительными и не самым дружелюбным.

При этом Лакан был значимой фигурой французского психоанализа даже с точки зрения своего статуса — в 1953 году он стал президентом Парижского психоаналитического общества. Но уже через полгода уходит в новосозданное Французское психоаналитическое общество (Société Française de Psychanalyse), которое вскоре встало перед выбором — или они отрекаются от Лакана (и еще одной знаковой фигуры французского психоанализа — Франсуазы Дальто,

1908–1988) и запрещают им проводить обучающий анализ или же ФПО не включают в МПА.

Надо сказать, что Лакан давал основания для начала конфликта. Дело в том, что он начал экспериментировать с тем, что в психоанализе называется кадром или сеттингом. Его самые знаменитые эксперименты касаются проведения коротких сессий, а также сессий с варьирующейся длительностью — то, что в лакановской клинике называется скандированием. Идея тут в следующем — любая сессия уникальна. И в любой сессии есть своя логика. И какая-то сессия в соответствии со своей внутренней логикой должна длиться двадцать минут, а какая-то — пятьдесят минут. Подобное варьирование времени сессии — это возможность для аналитика какие-то вещи подчеркнуть, какие-то вещи лишний раз обозначить, где-то удивить, где-то сбить с толку. Это такой дополнительный инструмент, которым психоаналитик может пользоваться в работе с анализантом.

Лакан считал это очень эффективным методом. В его логике, если анализант знает, что сессия будет длиться, допустим, пятьдесят минут, то он может сорок минут заниматься ерундой и только в конце подойти к каким-то действительно значимым вещам. А в ситуации, когда сессия может в любой момент закончиться, тут уже не пообсуждаешь творчество Достоевского или какие-то аспекты структуралистской философии — здесь уже надо сразу переходить к сути дела.

Он гордился тем, что его подход позволяет гораздо быстрее вывести анализантов на действительно важные с психоаналитической точки зрения темы. Но МПА

и многих психоаналитиков во Франции такое положение дел не устраивало. МПА это не устраивало, в частности, в силу того, что в самом МПА происходили процессы, связанные с регламентацией подготовки психоаналитиков. Чтобы стать психоаналитиком, надо пройти определенный тренинг. А для того чтобы этот тренинг пройти, надо поработать с тренинг-аналитиком определенное количество часов.

Лакан, по сути, всю эту систему пускал под откос, так как он брал учеников, занимался с ними не на протяжении определенного фиксированного количества часов, а столько, сколько считал нужным — например, одна сессия могла длиться десять–двадцать минут. То есть он вносил хаос в систему подготовки аналитиков. А учитывая, что его ученики начали делать то же самое, то в конечном счете все это вызывало сильное беспокойство со стороны МПА.

И тут был еще и политический момент. Он был связан с тем, что Лакан имел возможность благодаря коротким сессиям брать огромное количество учеников. Что я имею в виду? Если обычный тренинг-аналитик, который придерживался стандартного кадра, мог за один час принять только одного человека, Лакан же мог за один час принять, не знаю, десять человек. Соответственно, он мог брать в анализ огромное количество людей. В конечном счете это привело к реальной перспективе того, что со временем большинство новых членов Парижского психоаналитического общества будут учениками Лакана. То есть политическое влияние Лакана увеличивалось. Многих это пугало и заставляло принимать какие-то меры для того, чтобы его как-то сдержать, ограничить.

Но отношение самого психоаналитика к МПА — это, конечно, отношения «любовь-ненависть». С одной стороны, он очень ехидно проходился по мировому психоанализу. Он считал, что то, что там происходит, — это предательство дела Фрейда, что психоаналитики слишком увлечены эго, эго-психологией, что они забыли, в чем была суть фрейдистской революции, что появляется какая-то новая англо-американская версия психоанализа, которая не имеет никакого отношения к тому, чем психоанализ должен быть на самом деле. Это и есть то предательство, о котором он писал, — предательство идеи бессознательного и превращение психоанализа вовсе не в то, чем он должен быть на самом деле.

Но при этом Лакан ни в коем случае не хотел порывать с МПА. Это была перспектива, которой он сопротивлялся до самого последнего момента. Он не хотел выходить из МПА. Для него это был очень сильный удар.

С чем связано такое нежелание? Одна из причин заключалась в том, что Лакан принадлежал к тому поколению французов, которые очень болезненно относились к свойственному для Франции культурному шовинизму. То есть представление о том, что есть какая-то особая французская культура, особые французские традиции, которые лучше всех остальных. Чего нам все это мировое сообщество, у нас великая французская культура, великая французская психиатрия, великий французский психоанализ и нам все это не нужно! Лакан болезненно относился к подобным шовинистическим идеям. Вместо это он руководствовался противоположной установкой: принадлежать

к мировому сообществу, в частности к мировому психоаналитическому сообществу. Поэтому, несмотря на всю свою критику МПА, несмотря на всю свою критику мирового психоаналитического истеблишмента, Лакан до последнего сопротивлялся попыткам своего исключения.

Кульминацией этих процессов стал 1963 год, когда МПА, будучи уже не в силах ничего с Лаканом сделать, решило вынести финальное решение. Это решение оказалось не в пользу психоаналитика — оно привело к тому, что Лакан назвал «отлучением». Как в церкви отлучают еретика, так и его, по сути, отлучили от ортодоксальной МПА. Ему запретили брать учеников, с чем тот не мог согласиться и поэтому вышел из МПА. Дальше он уже шел своим путем.

Так вот, в 1963 году Лакан лично едет в Швецию, в Стокгольм, для того чтобы защитить перед лицом президиума МПА свои взгляды, доказать, что его видение психоанализа, его понимание психоаналитической клиники имеет право на существование. Ученики отговаривали его от этого шага. Они говорили, что не стоит туда ехать, что все кончится плохо. Но Лакан не хотел никого слушать — он чуть ли не обвинял отговаривавших его учеников в предательстве, в том, что они предали его, и что он им этого не простит.

Но ученики оказались правы. Лакан приехал в Стокгольм, начал делать доклад, объяснять суть своих идей. И в определенный момент сложилась такая ситуация, что он, будучи человеком не очень хорошо говорящим по-английски, не смог найти подходящего английского

слова для того, чтобы передать важный для себя французский термин. И он обратился к аудитории, чтобы аудитория помогла ему найти нужное английское слово. Но никто не откликнулся. И это была демонстрация того отчуждения, которое существовало между ним и МПА. Но надо отдать характеру и достоинству Лакана должное — он тут же покинул аудиторию и уехал домой. На этом история этих взаимоотношений закончилась. Лакану пришлось создавать свою собственную школу.

В целом, это очень интересный сюжет. Тут можно задаться вопросом о том, а кто в этой истории противостояния был прав. Сказать, что права была какая-то одна сторона, невозможно, потому что своя логика была у каждого.

Своя правда была у Лакана, который оправданно считал себя гением и считал, что имеет право экспериментировать с кадром и с тем, как он готовил учеников, как он видел психоанализ. Тем более он же не спорил с Фрейдом, он не пытался отринуть какие-то идеи Фрейда. Наоборот, он был вполне себе фрейдистским ортодоксом. Он утверждал, что возвращается к Фрейду, что защищает его революцию от тех, кто пытается эту революцию каким-то образом замолчать или превратить в нечто гораздо менее радикальное и смелое.

Кроме того, Лакан сопротивлялся навязыванию какого-то единого понимания психоанализа, которое происходило благодаря МПА, когда определенная англо-американская версия психоанализа становилась чуть ли не обязательной для всех. Она насаждалась, в том числе и во Франции. Все это воспринималось Лаканом и его последователями как проявление амери-

канского культурного империализма. Мол, они диктуют нам, как понимать психоанализ, при этом сами в психоанализе ничего не понимают.

Вместе с Лаканом из МПА ушло много выдающихся, может быть, самых выдающихся французских психоаналитиков. Например, Франсуаза Дольто — одна из самых крупных французских психоаналитиков XX века. Во многом МПА вместе с Лаканом потеряло для себя Францию. Вообще, это был достаточно плохой звоночек для организации. Например, когда уходил Юнг или Адлер, они уходили потому, что подвергли сомнению какие-то базовые положения фрейдистского психоанализа. А когда уходил Лакан, то это было изгнание вполне себе ортодоксальной фрейдистской школы, которая не сошлась с МПА лишь по некоторым политическим мотивам.

Но надо сказать, что и у МПА тоже была своя логика. Хотя бы в том смысле, что мы видим, к чему в конечном итоге привели лакановские эксперименты. Он систематически нарушал кадр, то есть правила — в том числе этические — проведения психоаналитического сеанса. Сегодня очень популярны чек-листы о том, как распознать неэтичного психолога. Там надо отмечать какие-то пунктики этичности. Так вот, если применить эти чек-листы к Лакану, то запросто может выясниться, что Лакан был очень даже неэтичным психологом. Он делал вещи, которые с точки зрения сегодняшнего дня недопустимы для хорошего терапевта-аналитика.

Он не просто экспериментировал со временем сессий, которые, кстати, в какой-то момент сократились у него до нескольких минут — вплоть до того, что он

принимал по десять человек в час. В какой-то момент он уже принимал людей в порядке живой очереди. Люди приходили к нему: «Кто последний к Лакану?» — и сидели, ждали, когда их запустят. Он анализировал членов одной и той же семьи. Он анализировал своих любовниц. Он выбирал любовниц из своих анализанток, продолжая их анализировать. Он использовал анализ учеников в качестве инструмента контроля над ними. Делал целый ряд вещей, которые с сегодняшней точки зрения являются в высшей степени сомнительными. Лакан смешивал личные отношения и отношения аналитические. Он мог профессионально сотрудничать со своими анализантами, что, с точки зрения современного видения анализа, вообще недопустимая вещь. Конечно, были какие-то пределы, которые Лакан никогда не переступал, но в целом его трудно назвать этичным психологом.

Помимо варьирования времени сессии, его также обвиняли в том, что он оказывает на своих учеников чрезмерное влияние. Что он переступает полномочия тренинг-аналитика, что он в некотором смысле превратился в гуру.

К чему это привело? В конечном счете это привело к тому, что в тот момент, когда у Лакана начались проблемы со здоровьем, его анализанты и ученики перестали понимать, что происходит. Они не могли понять: то, что происходит, — это то, что должно происходить, или же что-то идет не так. Если правил нет, то совершенно непонятно, как оценивать происходящее.

В книге Элизабет Рудинеско приведены очень яркие истории того, что происходило на лакановских

сессиях[1]. Например, он мог завести в кабинет анализанта и обнаружить, что там уже есть человек, который уже находится в процессе анализа. В какой-то момент он начал забывать, кто у него в анализе, кто его коллега, кто просто пришел, я не знаю, вернуть ему книгу. То есть все смешалось.

Более того, есть основания полагать, что психоаналитик мог бить своих анализантов[2]. Так, по воспоминаниям одной из анализанток, однажды Лакан схватил ее за волосы. И любопытно, как эта девушка отреагировала на подобное действие: никто не понимал, что происходит, и она решила обсудить это со своими знакомыми, пытаясь осмыслить произошедшее. Одна из версий была такая: он схватил ее за волосы, а слово «волосы» по-французски созвучно названию того места, из которого эта девушка родом. То есть это была очень хитрая интерпретация или интервенция маэстро, которая должна была этой девушке продемонстрировать что-то важное.

В какой-то момент Лакан перестал слышать, что ему говорят, и так далее. Короче говоря, систематическое нарушение кадра закончилось полным хаосом: границы поплыли и люди, которые с ним общались, перестали понимать происходящее.

Но надо сказать, что при всем при этом Лакан был великолепным аналитиком (как минимум до начала

---

[1] См.: *Roudinesco E.* Jacques Lacan. New York: Columbia University Press, 1997. Глава 29.

[2] Об этом, в частности, говорит Андре Грин: Against Lacanism I. A Conversation with André Green. Sergio Benvenuto // Journal of European Psychoanalysis. №. 2. Fall 1995 — Winter 1996. Режим доступа: https://www.journal-psychoanalysis.eu / against-lacanism-a-conversation-with-andre-green.

проблем со здоровьем). Он хорошо чувствовал многие вещи. Он работал с самыми тяжелыми пациентами, например с людьми, которые проявляли склонность к самоубийству. Он работал с гомосексуалами, что, опять же по меркам достаточно консервативного психоаналитического сообщества того времени, было вполне себе смелой практикой.

Как бы то ни было, кто бы ни был прав в этой истории, все закончилось так, как закончилось. МПА вынесла свой вердикт, принуждая Лакана отказаться от статуса тренинг-аналитика. На это он пойти не мог — это стало причиной его выхода из МПА и началом новой главы жизни, связанной с основанием собственной психоаналитической школы.

Надо сказать, что как только Лакан понял, что не может получить признание у мирового психоаналитического сообщества, он предпринял несколько попыток найти иные аудитории для распространения своего учения. В частности, известны его попытки наладить контакты с католической церковью, в частности через своего брата, ставшего монахом и посвятившего свою жизнь Ватикану. Он просил брата вывести его на папу римского, утверждая, что его учение дружественно христианству и в целом может получиться очень удачное взаимодействие.

Еще одной аудиторией, на которую Лакан хотел распространить свои идеи, был Советский Союз. Лакан хотел приехать в СССР. Особенно он был впечатлен историей с полетом Юрия Гагарина в космос. Он думал, что если Советский Союз так продвинулся в плане технологий, то это значит, что, возможно, СССР готово к тому, чтобы воспринять самое передовое, самое перспективное психоанали-

тическое учение. С этой установкой Лакан налаживал контакты с Советским Союзом. Ему даже удалось встретиться с Алексеем Леонтьевым (1903–1979), одним из самых известных советских психологов, деканом психологического факультета МГУ. У Лакана состоялся ужин с Леонтьевым в Париже, во время которого он думал обговорить возможности своего визита в СССР.

Но как это постоянно было с Лаканом — его не поняли. Они беседовали компанией и разговор зашел о Юрии Гагарине. Кто-то начал рассуждать о космонавтах, на что Лакан заметил в свойственной ему манере, что никаких космонавтов не существует, потому что не существует никакого космоса. Что имел в виду Лакан, выдвигая подобные странные тезисы? Что он хотел сказать? Он хотел сказать достаточно простую мысль: если буквально понимать слово «космос», то это замкнутая гармоничная система. Но с точки зрения современной науки, Вселенная — это не замкнутая гармоничная система. Вселенная — это нечто иное. И слово «космос» для описания этой Вселенной не годится. А раз слово «космос» не годится, значит, не годится и слово «космонавт».

Что-то типа такого Лакан начал Леонтьеву объяснять, но Леонтьев совершенно не понял мысль про то, что космонавтов не существует, потому что не существует космоса. В общем, ужин закончился неудачно. И в Советский Союз Лакан не поехал.

Надо сказать, что такого рода недоразумения с ним происходили постоянно. Например, когда Лакан поехал с циклом лекций в Америку, то среди прочего он имел возможность выступать в ведущих

американских университетах. В частности, он выступал в Массачусетском технологическом институте (MIT). И там собрались американские ученые, в том числе Ноам Хомский (р. 1928), один из крупнейших авторитетов в области лингвистики и исследований языка. В каком-то контексте речь зашла о мозге как о том месте, где находится мысль человека. На это Лакан стал отвечать, что для него эта идея кажется спорной, что он мыслит совершенно не мозгом, что порой он мыслит ногами, а иногда — лбом. Опять же, видимо, за этим стояла некая изящная мыслительная конструкция.

Но американцы, будучи людьми простыми, совершенно не поняли, что имеет в виду французский мудрец. Ноам Хомский, например, остался абсолютно уверенным, что психоаналитик просто приехал поиздеваться над американцами и пытается внушить им какую-то совершенно невероятную идею. В общем, роман между ними не состоялся. Популярность Лакана в США в тот момент так и не вышла за пределы департаментов французской культуры.

В Америке же произошла еще одна забавная история. Она любопытна тем, что хорошо иллюстрирует некоторые идеи самого француза. Лакан очень хотел попасть в «Метрополитен-опера». Считая себя известным человеком, он попросил людей, которые организовали визит, договориться о частном визите. Но так как Лакана в Америке не очень хорошо знали, то организаторы поступили очень хитро. Они позвонили в «Метрополитен-опера» и сказали, что к ним хочет прийти Жан-Поль Сартр. И ради Жан-Поля Сартра,

который действительно был мировой знаменитостью, такой визит был устроен.

За счет того, что Лакан не очень понимал по-английски, все возможные недопонимания сглаживались переводчиком. Например, когда его начали спрашивать про Симону де Бовуар (жена Сартра и сама известный мыслитель), то переводчик сделал так, чтобы француз ничего не понял.

Это очень лакановская история: она иллюстрирует его идею о примате означающего над означаемым[1]. То есть о примате слова над смыслом этого слова. Что произошло? Люди, которые организовывали его визит, по сути, прикрепили Лакана к означающему «Сартр». А дальше это означающее «Сартр» уже начало существовать в том контексте, в котором означающее «Сартр» существует: знаменитость, особый прием, особое отношение, почет, уважение и так далее. Это означающее затмило Лакана, убрало на задний план, но дало ему возможность посетить «Метрополитен-опера» — как он и хотел.

В этом моменте Лакан в некотором смысле перестал быть собой, он утратил себя, был отчужден в языке, став «Сартром». Но это дало ему возможность получить то, что он хотел. Ровно так в лакановском понимании означающее и действует: оно отчуждает субъекта, но за счет этого дает субъекту возможность существовать. Если бы он остался собой, то ему никто не показал бы «Метрополитен-опера». А соединившись с означающим «Сартр», он получил возможность эту «Метрополитен-опера» все-таки посетить.

---

[1] См. лекцию 3.

После неудач с МПА и безуспешных попыток найти иные аудитории для распространения своих мыслей, Лакан приходит к идее основания собственной школы. Это происходит в 1964 году. В день основания школы психоаналитик произносит установочную речь, которую собравшиеся слышат с магнитофонной записи: «Настоящим я — один, как я всегда и был в своем отношении к делу психоанализа, — основываю Ecole Francaise de psychanalyse, чьим руководством я планирую заниматься в ближайшие четыре года и для чего в настоящем я не вижу никаких препятствий. Это название, в моем понимании, отражает организм, в котором должна свершаться работа — работа, в которой в поле, открытом Фрейдом, восстанавливается острие его открытия; работа, которая возвращает оригинальную практику, которую Фрейд учредил под названием „психоанализ“, к задаче, возложенной на нее в нашем мире; работа, которая путем неутомимой критики отвергает отклонения и компромиссы, притупляющие ее прогресс и позорящие ее использование. Эта цель неотделима от обучения, которое будет осуществляться внутри этого движения отвоевывания [наследия Фрейда]. Это значит, что здесь те, кого я сам обучал, будут иметь полноту полномочий и что это приглашение распространяется на всех тех, кто способен вынести суровые испытания этого обучения».

В этой цитате примечательны постоянные отсылки к Фрейду, постоянные заверения в верности его учению. Это была установка Лакана, которая, наверное, лучше всего отражается в его фразе 1980 года, когда он приехал к своим ученикам в город Каракас (Венесуэла):

«Вы можете быть лаканианцами, если хотите. Я — фрейдист»[1].

К Лакану присоединились многие видные французские психоаналитики. В целом, свою школу Лакан позиционировал как противоположность МПА. Он мыслил ее как такую структуру, где не будет никаких жестких правил. Где аналитики получат возможность сами определять то время, которое должна длиться сессия. Где они смогут определять количество сессий в неделю. Где они смогут сами выбирать себе тренинг-аналитиков и тех, кто будет контролировать этот тренинг-анализ. То есть не будет никакого комитета, перед которым надо будет отчитываться. В противовес МПА, которая пыталась выработать жесткий набор стандартных требований, которые предъявляются к аналитикам, Лакан создавал организацию, которая была бы в этом плане максимально свободной.

Школа Лакана начала очень быстро расти. Согласно Рудинеско, в 1960–1970-е годы это была самая быстрорастущая школа психоанализа в мире. В нее входили сотни членов. Тем не менее свобода не спасла школу от внутренних конфликтов, расколов и последующего упадка. Это привело к тому, что Лакан, в конце концов, данную организацию упразднил, создав, по одной из версий, уже перед самой своей смертью новую организацию — «Фрейдово дело» (École de la Cause freudienne) во главе с Жаком-Аленом Миллером.

---

[1] "C'est à vous d'être lacaniens, si vous voulez. Moi, je suis freudien" (*Lacan J.* Le séminaire de Caracas, 12 au 15 juillet 1980 // Séminaire XXVII. Dissolution. http: // www.psychasoc.com /Textes / Seminaire-XXVII-Dissolution-Le-seminaire-de-Caracas-12-au-15-juillet-1980%20).

Очень важное событие для Жака Лакана — публикация его главной книги «Писания», или „Écrits". Это не та книга, которую он специально писал, это собрание его сочинений. По сути, большая часть того, что он за свою жизнь написал. Достаточно мало для человека, который оказал такое влияние на современников и который работал всю свою долгую жизнь. Книга стала возможной благодаря издательству „Seuil" и Франсуа Валю, который выступил редактором издания. Именно он убедил Лакана в том, что такую работу надо издать, став инициатором этого издания. Надо сказать, что Валь сам был анализантом Лакана.

Когда книга была издана в 1966 году, она стала бестселлером. Ее ждал большой коммерческий успех — продано сотни тысяч экземпляров. Что странно — так как читать эту книгу практически невозможно. Вероятно, этот успех был связан с тем, что к тому времени Лакан уже успел стать культовой фигурой для Франции. На фоне этого триумфа психоаналитик даже соглашается на второе издание своей диссертации. То есть, по сути, от него остаются две книги: „Écrits" и диссертация. Для столь знаковой фигуры как Лакан это, конечно, ничто, если сравнить, например, с наследием Фрейда или любого другого видного философа и мыслителя.

Что касается участия Жака Лакана в общественной жизни, то тут можно упомянуть события студенческих волнений 1968 года. С одной стороны, он поддерживал студентов, но с другой — достаточно спокойно, без энтузиазма относился к радикальным студенческим движениям. Элизабет Рудинеско приводит фразу Лакана,

которая, наверное, лучше всего показывает его отношение к политике в целом. Он говорил: «По большому счету, меня интересует только одна политика — политика, связанная с распространением моих собственных идей». При этом сами радикальные студенты испытывали к Лакану большой интерес. Именно из этого круга — через Луи Альтюссера — к нему попадает Жак-Ален Миллер, его самый близкий ученик, которому он впоследствии доверит распоряжение своим интеллектуальным наследием.

На позднем этапе своего творчества Лакан все сильнее увлекается способами формализации собственных психоаналитических идей. В целом, для него всегда был характерен интерес к математике, к кибернетике, к сведению своих интуиций к формулам, к уравнениям. Это проявлялось, в частности, в интересе психоаналитика к топологии, разделу математики, который изучает свойства фигур и их взаимного расположения. Вместе со своими учениками-математиками он исследует торы, ленту Мебиуса, бутылку Клейна, пленку Мебиуса (кросс-кэп) на предмет их использования для иллюстрации и уточнения собственных идей. Действительно, причудливые, парадоксальные геометрические фигуры могут ухватить и визуализировать некоторые нюансы причудливости и парадоксальности, например, человеческого желания с его бесконечным кружением вокруг недостижимого объекта-причины желания[1].

Умер Лакан в 1981 году от болезни. Его последними словами были: «Я упорствую… я исчезаю…»

---

[1] См. лекцию 4.

После смерти философа начинается новый этап в развитии лакановского психоанализа, связанный с освоением его наследия и конфликтах вокруг него.

Конфликты, например, сопровождали публикации семинаров Лакана. Изначально лакановские семинары стенографировали, а затем эти материалы свободно распространялись. Однако уже в 1960-х годах Лакан начинает бояться того, что его идеи могут украсть. Практика распространения материалов семинаров прекращается. Но в 1970-х годах этот вопрос встает снова. Принимается решение начать подготовку лакановских семинаров к публикации. Ответственным за это назначается Жак-Ален Миллер, который начинает публикацию семинаров с одиннадцатого семинара 1964 года «Четыре основные понятия психоанализа»[1]. Это тот год, когда Миллер начал учиться у Лакана. Далее издаются семинары как до, так и после 1964 года.

Кто такой Жак-Ален Миллер? Напомню, что, во-первых, это муж любимой дочери Лакана. Кроме того, это человек, которого Лакан назначил распорядителем своего интеллектуального наследия. И Миллер отнесся к этому с полной серьезностью.

Сам Миллер появился в лакановском кругу в начале 1960-х годов. На тот момент ему было всего девятнадцать лет. Но он очень быстро привлек внимание Лакана, потому что у него была яркая способность: он мог структурировать и доступным языком изложить сложнейшие лакановские концепции. Там, где философ долго и цветасто мыслил, Миллер мог все

---

[1] *Лакан Ж.* Семинары. Книга 11: Четыре основные понятия психоанализа (1964). М.: Гнозис / Логос, 2004.

очень компактно и ясно систематизировать. Это, кстати, к вопросу о том, хотел ли Лакан быть понятным. За этот талант Лакан очень ценил Миллера — что проявилось в решении сделать последнего своим интеллектуальным наследником. Естественно, такая особая роль Жак-Алена не нравилась другим последователям известного психоаналитика.

Если при жизни учителя конфликты еще как-то можно было гасить, то после смерти они выходят из-под контроля.

Миллер начинает публикацию семинаров — и это провоцирует ряд скандалов. Дело в том, что семинары Лакана посещало много людей. И они делали записи. Соответственно, существовало много версий этих семинаров. Но Миллер настаивает на том, что публиковаться могут только те версии семинаров, которые были одобрены лично им. Он активно борется с альтернативными изданиями семинаров, в частности борется с помощью судебных решений. В буквальном смысле — подаются иски в суд, и тиражи изданий семинаров просто изымаются. Естественно, сегодня это уже невозможно делать, потому что все есть в Интернете.

Кроме того, принимается решение публиковать семинары без критического аппарата, без примечаний, без индекса. И самый противоречивый момент — семинары публикуются без исправления ошибок. Лакан совершал ошибки. Не в том смысле, что у него были какие-то неправильные мысли, а в том смысле, что он ошибался в фактах, цитатах: мог цитировать одного писателя, а приписывать эту цитату другому писателю и т. д. Изначально семина-

ры публиковались без исправления даже таких очевидных ляпов. В результате в прессе постоянно появлялись публикации, где перечислялись сотни этих ошибок.

Возьмите, например, русскоязычные издания. Видно, что они публикуются в том виде, в котором они публиковались Миллером. Там нет примечаний. Там нет предисловий и послесловий. Никакой критической работы над текстом проделано не было. Семинары публикуются в том виде, в котором они якобы произносились Лаканом.

Подобная политика вызывала огромное количество споров, вопросов, претензий. Вплоть до того, что некоторые люди вообще не признают эти семинары. Или считают, что автором этих семинаров является не Лакан, а сам Жак-Ален Миллер, который по каким-то причинам не хочет, чтобы его имя было в числе авторов, а вместо этого предпочитает быть указанным скромным редактором. Хотя его вклад в эти тексты превышает то, что может себе позволить простой редактор.

Конфликты связаны и с организациями последователей мыслителя. Как я уже говорил, Лакан перед смертью упразднил ту организацию, которую создал в 1964 году. Далее он учредил новую — во главе с Миллером. Но несогласные с этим утверждают, что это был уже не сам Лакан, а члены его семьи. В связи с этим существуют разные лакановские организации, которые враждуют между собой. Мне бы не хотелось особо погружаться в политические игры, связанные с лакановским наследием. Просто обозначу, что конфликт Лакана с МПА не закончил череду конфлик-

тов, связанных с его учением. Лакановское сообщество само перессорилось и поделилось на кучу группировок, которые плохо между собой взаимодействуют.

Литература для дальнейшего чтения

Дьяков А. В. Жак Лакан: фигура философа / А. В. Дьяков. — М.: Территория будущего, 2010. — 588 с.

Единственная на сегодняшний момент русскоязычная биография Лакана. Имеет много пересечений с книгой Элизабет Рудинеско, иногда прямых. Можно порекомендовать тем, кто читает только по-русски.

Мазин В. Переход к действию и самонаказующая паранойя / В. Мазин // Лаканалия. — 2020. — № 33. — С. 16–35.

Статья, которую стоит прочесть, чтобы более подробно узнать про кейсы Эмэ и сестер Папен.

Миллер Ж.-А. Жизнь Лакана / Ж.-А. Миллер. — М.: Фрейдово Поле; Издательство «Гнозис», 2011. — 32 с.

Очень странная небольшая книга, но любопытная в том смысле, что раскрывает характер отношения Миллера к своему учителю.

В начале автор пишет, что в последнее время появилось очень много клеветников, которые рассказывают про известного психоаналитика всякие порочащие вещи. И Миллер как человек, связанный с Лаканом, считает своим долгом его защитить. Но далее Жак-Ален проводит очень странную мысль — мол, Лакан был гением с неудержимыми желаниями, и кто вы вообще такие, чтобы его осуждать?! Он приводит примеры этой неудержимости, которые действительно раскрывают личность французского психоаналитика. Так, он рассказывает, как Лакан ездил на машине — он не соблюдал правила и постоянно проезжал на красный свет. Более того, когда он ехал в машине с кем-то и этот кто-то останавливался на красный свет, то его это жутко злило — вплоть до того, что он мог просто выйти из машины и дальше пойти пешком. У Лакана была установка — сопротивляться Закону, не подчиняться правилам. Наверное, именно эта установка и отражается в этической максиме

всего его подхода как к анализу, так и к человеку в целом: «не поступаться своими желаниями».

В этом же ключе Миллер рассказывает о грубом обращении Лакана с официантами. И дает очень странную интерпретацию этого невежливого обращения: мол, грубя официантам, он причинял им благо. Потому что официант — это мелкая, ничего не значащая сошка, а тут знаменитый психоаналитик. И когда тот на него рявкает, то тем самым как бы дает понять, что в этом официанте есть что-то ценное. Буквально на секунду в этом официанте появилось что-то такое, что понадобилось самому Лакану. Как будто бы в эту секунду официант исполнил свое жизненное предназначение — однажды что-то полезное сделать для такой глыбы, как Лакан. Все это пишется без всякой иронии, на полном серьезе.

Рудинеско Э. Жак Лакан: Эскиз жизни — история системы мысли / Э. Рудинеско // Логос. — 1999. — № 5. — С. 200–211.

Единственный доступный на русском языке фрагмент обстоятельной биографии Лакана Элизабет Рудинеско.

Bailly L. Lacan in his historical context // Bailly L. Lacan. A Beginner's Guide. — Oxford: Oneworld, 2009. — P. 5–27.

Интересная первая глава доступного введения в Лакана. В главе речь идет о жизни Лакана, а также происходит помещение его творчества в интеллектуальный контекст времени.

Evans D. An Introductory Dictionary of Lacanian Psychoanalysis / D. Evans. — London: Routledge, 1996. — 264 p.

Полезное справочное издание для всех, кто начинает знакомство с Лаканом.

Roudinesco E. Jacques Lacan / E. Roudinesco. — New York: Columbia University Press, 1997. — 496 p.

Великолепная книга, на которую я во многом опирался в своем изложении. Мне близок тот подход, которым руководствуется Элизабет Рудинеско. Ее подход выражен

в эпиграфе, с которого начинается работа: „Robespierristes, antirobespierristes, nous vous crions grace: par pitie, dites-nous, simplement, quel fut Robespierre“ (это цитата из французского историка Марка Блока). То есть не важно — вы за Робеспьера или против Робеспьера, просто скажите — каким он был человеком. Установка Рудинеско понятна — задача не предложить апологию Лакана или же его бескомпромиссную критику с целью разоблачить и показать его негодяем. Задача — увидеть его таким, каким он был: со всеми его противоречиями, с его светлыми и темными сторонами. Лакан был гением и одновременно сложным человеком.

Roudinesco E. Lacan: In Spite of Everything / E. Roudinesco. — London: Verso, 2014. — 160 p.

Набор заметок, в которых раскрываются те или иные стороны лакановской жизни и творчества. Полезное чтение после знакомства с фундаментальной биографией от того же автора.

Лекция 2

СТАДИЯ ЗЕРКАЛА И НАРЦИССИЗМ. ВООБРАЖАЕМОЕ

Данная лекция посвящена разбору, наверное, самой знаменитой лакановской концепции — стадии зеркала, а также связанному с ней одному из трех лакановских регистров: регистру воображаемого.

Можно выделить несколько ключевых дат, связанных с развитием идей о стадии зеркала. Первая дата — 1936 год: конгресс Международной психоаналитической ассоциации в Мариенбаде — первая публичная попытка изложения идей о стадии зеркала, которая закончилась неудачей. Об этом я кратко упоминал в предыдущей лекции. Текст выступления Лакана на этом конгрессе не сохранился.

Через два года — в 1938 году — Лакан публикует статью о семейных комплексах для Французской энциклопедии. Это первое изложение его идей о стадии зеркала на бумаге.

Следующая важная дата — 1949 год, когда выходит его статья, непосредственно посвященная стадии зеркала. Статья так и называется «Стадия зеркала». Она переведена на русский язык и опубликована[1].

---

[1] *Лакан Ж.* Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я // Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954–1955). М.: Гнозис / Логос, 2009. С. 508–517.

Дальше — 1953 год, когда мы видим появление у Лакана трех регистров, одним из которых является регистр воображаемого, к которому непосредственно стадия зеркала и относится.

В 1950-х годах начинается переосмысление автором своей концепции. Если изначально стадия зеркала относилась преимущественно к воображаемому регистру, регистру воображения, регистру образов, то со второй половины 1950-х годов Лакан начинает все более ясно подчеркивать, что воображаемое всегда уже вписано в символическое, что воображаемое и символическое неразрывно связано и, соответственно, в стадии зеркала необходимо фиксировать не только тот аспект, который связан с воображаемым, с образом, но и тот аспект, который связан с символическим (Большой Другой и идеалы Большого Другого).

Зрелое обновленное понимание стадии зеркала можно найти в семинаре 1960 года «Перенос»[1], где оно отчетливо излагается. Обо всех этих нюансах я собираюсь говорить в рамках данной лекции.

Почему Лакан вообще пришел к идее стадии зеркала? Почему он решил, что это важно? То есть, какую потребность внутри психоанализа должна была удовлетворить стадия зеркала? Что он хотел сказать с помощью своих идей? Лакан хотел заполнить ту лакуну, которую он обнаружил у Фрейда. В работе 1914 года «Введение в нарциссизм» Фрейд размышляет о том, что человек не рождается с целостным Я: «Единство личности Я не имеется с самого начала у индивида». Субъект не рождается с Я, он не рождается с какой-то

---

[1] *Лакан Ж.* Семинары. Книга 8: Перенос (1960–1961). М.: Гнозис / Логос, 2019. С. 379–386.

цельной концепцией себя. Это что-то такое, что должно на определенном этапе возникнуть. Как пишет Фрейд, «...должно присоединиться еще кое-что, еще какие-то новые переживания для того, чтобы мог образоваться нарциссизм»[1].

По сути, Фрейд ставит проблему — человек не рождается с «Я», с целостным пониманием себя. Соответственно, это что-то такое, что в какой-то момент должно возникнуть. Размышления Лакана о стадии зеркала — это как раз попытка найти ответ на поставленный Фрейдом вопрос. То есть Фрейд видел проблему, он видел, что в данном конкретном месте психоаналитической теории есть некоторая лакуна, он эту лакуну нашел и обозначил, но не предложил ее решения, не показал, как именно можно ее заполнить.

Лакан попытался сделать именно это. Но, естественно, сделал он это не на пустом месте. Он не из ниоткуда взял свои идеи о стадии зеркала. У него были предшественники, о некоторых из которых речь пойдет ниже.

Эти предшественники сформулировали некоторые интуиции, которые Лакан впоследствии подхватил, превратив их в свою концепцию стадии зеркала. Надо сказать, что он, сильно беспокоясь по поводу авторства собственных идей, сам достаточно легкомысленно относился к признанию заслуг коллег и предшественников. Он мог заимствовать идеи, но при этом никак не ссылаться на тех, кому он этими идеями был обязан. И задача историков, в частности историков психоанализа в том, чтобы восстанавливать эти отсутствующие, утраченные звенья, позволяющие понять,

---

[1] *Фрейд З.* Введение в нарциссизм.

кто у кого что взял. Это нужно, с одной стороны, чтобы отдавать должное людям, несправедливо забытым, а с другой — чтобы лучше понимать генеалогию тех или иных идей. В контексте стадии зеркала упомяну как минимум три имени (хотя на самом деле их было гораздо больше).

Прежде всего, Анри Валлона (1879–1962), французский философ и психолог. Он, собственно, и обратил внимание на этот феномен, когда ребенок узнает себя в зеркале. Обратил внимание и понял важность этого явления. Ребенок, узнав себя в зеркале, очень этому поражается, радуется, он как будто бы захватывается тем образом, который видит в этом зеркале. Именно этой теме была посвящена его статья 1931 года «Как развивается у ребенка понятие собственного тела». Лакан был знаком с этой работой, и его интуиция относительно стадии зеркала, относительно ребенка, узнающего себя в зеркале и испытывающего по этому поводу целый веер переживаний, во многом вдохновлялась или как минимум подпитывалась Анри Валлоном.

При этом понимание Лакана все-таки отличалось от понимания Валлона. Если Валлон просто указал на важность того, что в определенном возрасте ребенок обращает внимание на собственное отражение и постепенно учится с этим отражением взаимодействовать (улыбаться ему, рассматривать его), то Лакан развил эти интуиции до представления о том, что стадия зеркала представляет собой полноценную стадию развития ребенка, которая начинается в возрасте шести–восьми месяцев и продолжается до восемнадцати месяцев. Это стадия, которая, как считал Лакан, приходит на смену предшествующей стадии — стадии отлучения от груди. Когда младенца отлучают от груди, он вынужден продолжать

свое развитие дальше. И это дальнейшее развитие как раз оказывается связанным со встречей со своим зеркальным образом. Через этот зеркальный образ ребенок учится переживать себя как нечто единое, согласованное и поддающееся контролю.

Следующая знаковая фигура, которая помогла Лакану развить свои идеи, — французский философ Роже Кайуа (1913–1978). Среди прочего Кайуа разрабатывал теорию мимикрии. Мимикрия — это способность организма подстраиваться под окружающую среду. Задача мимикрии — сделать так, чтобы особь стала похожей на окружающую среду. Мимикрия — это захват организма окружающей средой путем ее копирования. У мимикрии есть многочисленные примеры из животного мира — например, хамелеон, который может менять расцветку в зависимости от того, какое цветовое окружение вокруг него.

Примечательно тут то, что мимикрия понималась Кайуа не в том банальном смысле, что, например, хамелеон таким образом пытается защитить себя от хищников, слившись с окружающим миром и став более незаметным. Нет, речь тут не об этом. Или не только об этом. Речь тут не о маскировке, не о том, чтобы стать незаметным, речь тут о способности быть захваченным окружающей средой. Окружающая среда способна захватывать организм, вовлекать его в себя, превращать его в свою часть.

Если отвлечься от хамелеонов и животного мира, то человеческий пример этого феномена можно увидеть в фильме Вуди Аллена «Зелиг» (1983). Там показана уникальная способность главного героя подстраиваться под любые обстоятельства, в которых он оказывается. Если он с учеными, то начинает вести

себя как ученый. Если он с раввинами, то начинает вести себя как раввин. То есть он мгновенно захватывается окружающей средой и принимает ее черты.

Кайуа также называл этот феномен «легендарной психоастенией», то есть способностью некоторых животных менять внешний облик под влиянием окружающей среды. Организм становится частью окружения, которое его захватывает. Но не потому, что за счет него он пытается себя обезопасить. Нет. Речь идет именно о захвате окружающей средой, которая делает организм неотличимым от самого себя.

Когда поясняется эта идея о том, что мимикрия или легендарная психоастения не связана с защитой от хищников, то обычно этот тезис подкрепляется ссылкой на исследование, которое в 1930-х годах было проведено в США и которое касалось изучения содержимого желудков птиц. Исследование показало, что насекомые, меняющие свой окрас, встречаются там так же часто, как и насекомые, не меняющие свой окрас. Значит, изменение окраса не способно повысить шансы на выживание. Значит, у него иная цель, иной механизм.

Наконец, еще одна знаковая фигура, достойная упоминания и в этом контексте, — Александр Кожев. Как было сказано ранее, Кожев знаменит прежде всего своим семинаром о Гегеле, который он вел в Париже в 1930-х годах и который посещали многие выдающиеся интеллектуалы, философы Франции первой половины XX века. В предыдущей лекции я уже говорил о том, что, судя по всему, именно у Кожева Лакан заимствовал идею распространять свои идеи не через книги, не через текст, а через семинар, через круг избранных учеников. Кожев показал, что это может быть очень привлекательной рабочей моделью.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831) — немецкий философ XIX века, может быть, один из самых известных философов в человеческой истории. Кожев разъяснял его идеи, показывал их актуальность для понимания того, что происходит в данный момент.

Наиболее примечательны размышления Кожева о диалектике раба и господина, которую можно найти в работе Гегеля «Феноменология духа». В этих размышлениях есть очень важная для Лакана идея: человеку, для того чтобы существовать, чтобы быть кем-то, необходимо признание другого. Основная мысль заключалась в следующем: другой должен признать меня в качестве кого-то, чтобы я мог этим кем-то быть. И другой, соответственно, тоже нуждается в моем признании, чтобы я признал его в качестве кого-то, чтобы он стал кем-то в моих глазах. Субъекту для существования нужен другой. Нет другого и его признания — нет субъекта.

Кожев, вслед за Гегелем, описал отношения конкуренции, борьбы, которые вытекают из этого признания. Есть два индивида, каждый из которых что-то хочет. Но он не просто хочет некий объект, он хочет, чтобы другой признал его право на этот объект. Но другой хочет того же самого, он тоже хочет этот объект, и он тоже хочет, чтобы его право на этот объект было признано. Это вовлекает индивидов в противостояние. Один должен победить, другой — проиграть. То есть один должен получить признание своего права на этот объект, а другому необходимо признать свое поражение. Из этой схватки рождается, с одной стороны, господин, чье право признается, а с другой стороны, рождается раб. Они находятся в диалектических отношениях в том смысле, что без одного нет другого. Господин является

господином только потому, что есть раб, который признает его в этом качестве. Раб является рабом, только потому что он признан в этом качестве господином. И это такая любовь-ненависть, условно говоря. Они не могут друг без друга, потому что без друг друга они утрачивают свою идентичность: один перестает быть рабом, а второй — господином. Но одновременно они ненавидят друг друга, они борются друг с другом. Эти идеи впоследствии использовал Маркс для описания того, что происходит в капитализме — противостояние рабочих и буржуазии. Они ненавидят друг друга, но, с другой стороны, без одного нет другого, без капиталистов нет рабочего класса, без рабочего класса нет капиталистов — они друг друга обусловливают.

Другой и его признание определяет меня. Кто я есть — определяется другим и в отношениях с другим.

Все эти интуиции являются определяющими практически для всего лакановского творчества. И именно в кожевской интерпретации Гегеля все эти моменты могут быть обнаружены.

Соответственно, на этом интеллектуальном фундаменте, а также на фундаменте еще целого ряда психологов и биологов (например, Вольфганга Келера), Лакан и сформулировал свою концепцию стадии зеркала.

Во-первых, Лакан обращает внимание на факт преждевременности человеческого рождения. Человек рождается незрелым, человек рождается в некотором смысле неприспособленным для выживания. То есть для того, чтобы получить возможность полноценно самостоятельно существовать, человеку после рождения необходимо проделать еще достаточно длительный путь развития. Становление человека — это, можно сказать, дозревание после рождения.

Соответственно, стадия зеркала — это этап развития ребенка, который наступает после стадии отлучения от груди, когда ребенок, с одной стороны, выходит из симбиотических отношений с матерью и начинает медленно обретать самостоятельность. Но, с другой стороны, обрести эту самостоятельность он еще до конца не может. Не может потому, что у него нет целостного образа себя, целостного представления о себе, способности себя контролировать, способности к скоординированным действиям, необходимым для самостоятельной добычи пищи, самостоятельного выживания.

Таким образом, для самостоятельного выживания, самостоятельного добывания пищи необходимо сначала обрести целостность, обрести контроль над самим собой. Стадия зеркала — ровно то, что позволяет это сделать. Через что? Через захватывающий субъекта внешний образ. Он видит внешний образ, например свое отражение в зеркале или, например, своего сверстника, очень на него похожего, и этот образ захватывает его, гипнотизирует его; это образ, к которому он стремится, на который он хотел бы быть похожим, с которым он себя отождествляет и который дает ему ощущение целостности (его «телесное Я»).

Ровно тут Лакану и требуются размышления о мимикрии, об этой природной способности принимать внешние особенности и очертания окружающей среды, растворяться в ней. Благодаря этой способности, присутствующей и у человека, ребенок отождествляется с образом вне себя, не важно, является ли это реальным зеркальным образом или же просто образом другого ребенка. Явная завершенность этого образа дает ему новое господство над его телом. У ребенка появляется возможность контролировать собственное тело.

То есть появляется новая психическая инстанция, благодаря которой можно контролировать собственное тело, тем самым обретая способность к самостоятельному существованию и повышая свои шансы на выживание.

Здесь мы подходим к важному лакановскому тезису «Я — это другой». Что здесь имеется в виду? Во многом это уже ясно из вышесказанного. Тот зеркальный образ, с которым субъект сталкивается, который его захватывает, с которым он отождествляется, который он помещает внутрь себя, который становится как бы его идеальным Я, фундаментом, на котором может возникнуть его собственное Я, — это не то, что изначально находилось внутри субъекта. Это то, что возникло где-то вовне, например в зеркале, а затем было помещено субъектом внутрь. И дальше субъект уже отождествил себя с этим изначально внешним объектом. То, что было вовне, оказалось внутри.

Здесь Лакан обращает внимание на интересную особенность детского поведения: ребенок, который наблюдает за другим ребенком, переживает за него так, как если бы это был он сам. Если один ребенок упадет, то другой заплачет так, как будто бы это он сам упал. Если один ребенок будет смеяться, то другой будет смеяться вместе с ним. Ребенок имеет свойство отождествлять себя с другим, с образом другого ребенка.

Однако — и это тоже очень важная для Лакана идея, которая выходит далеко за пределы его размышлений о стадии зеркала, — ничто не дается даром, за все приходится платить. Эту же мысль мы будем повторять позднее, когда будем говорить о символическом регистре, об отчуждении субъекта в языке. С одной стороны, через стадию зеркала субъект получает целостный (телесный) образ себя, переживание целостности, воз-

можность контролировать свое движение, свое тело. Он получает возможность самостоятельно выживать в жестоком мире. Но, с другой стороны, расплатой за это становится отчуждение, утрата себя. Ведь в стадии зеркала субъект отождествляет себя с тем, чем он не является, он буквально теряет себя в другом — другой как бы становится мной, а я становлюсь другим.

Соответственно, здесь как раз и возникает то, что Лакан называл «идеал-Я» или «идеальным я». Это то, что в лакановской алгебре обозначается как i (a): идеал, взятый у другого, идеал другого (autre). Но другого с маленькой буквы. Далее я буду говорить о различении другого с маленькой буквы и Другого с большой буквы[1]. В данный момент достаточно сказать, что другой с маленькой буквы — это другой такой же, как я, равный мне, похожий на меня, другой, в котором я узнаю себя, с которым я нахожусь в некотором смысле в горизонтальных отношениях. Но все равно это — другой. То есть это мой идеал — тот, на кого я бы хотел быть похожим, с кого беру пример, каким я себя вижу, каким бы я хотел быть, если бы мог. Это образ, списанный с другого, образ, взятый у другого, заимствованный извне. И одновременно это нечто чуждое субъекту, что-то, в чем он себя теряет. В некотором смысле это даже можно назвать предательством себя, предательством, которое позволяет выживать, развиваться, контролировать собственное тело.

У Лакана можно даже найти размышления о том, что Я или эго — это симптом, защитное образование, призванное скрыть то, что под ним находится. Что Я скрывает? В некотором смысле оно скрывает определенную истину о субъекте, истину, заключающуюся

---

[1] О Другом с заглавной буквы я буду говорить ниже.

в том, что никакого скоординированного согласованного образа субъекта не существует, что под этим образом находится беспокоящая нехватка этого самого единства. Я — это всегда неаутентичная, ненастоящая сущность, которая функционирует для того, чтобы скрывать беспокоящую нехватку единства. В этом месте Лакан даже вводит такое понятие как *méconnaissance*, которое можно перевести как «ложное узнавание». Что это значит? Субъект узнает в Я или эго самого себя, но это ложное узнавание, это не он, это другой, это внешний объект, который был помещен им внутрь, он себя с ним отождествил, узнал в нем самого себя. Ложное узнавание призвано защитить субъекта от переживания собственной расколотости на куски, раскоординированности, лишенности своего единства.

По сути, человек оказывается зажатым между отчуждающим образом, дающим переживание единства, и телом, расколотым на части. Это то переживание, которое раскрывается перед субъектом в паранойе. Как я уже упоминал, если Фрейд идет к своим идеям от истерии, то Лакан — от паранойи. Лакан видит в паранойе секрет, тайну, ключ к пониманию человеческой личности, к пониманию структуры человеческой субъективности. В некотором смысле все люди параноики, которые защищены от этих паранойяльных переживаний с помощью дополнительных психических сущностей, психических слоев и инстанций, одной из которых как раз и является Я. В этой связи можно говорить о паранойяльной структуре субъекта.

Здесь уместно снова обратиться к образам сюрреалистов, которых Лакан так любил, — например, к образам картин Сальвадора Дали или иных представителей этого художественного направления. На этих картинах человек порой представлен как хаотическое

нагромождение разных органов тела. Это, как считал Лакан, окно, позволяющее увидеть истинную сущность человека. Истина эго раскрывается в безумии, где привычный нам мир растворяется.

Паранойяльный распад на части — это вскрытие механизма образования человеческого Я, его обращение вспять. То есть изначально все субъекты расколоты на части, раскоординированы. Субъект получает целостность благодаря появлению Я через стадию зеркала. Это Я есть иллюзия, которая гарантирует стабильное существование, удерживающее субъекта от распада.

У Лакана можно найти интересные размышления о том, что наше Я — это чуть ли не некая негативная галлюцинация. Это нечто, что своим существованием напоминает процесс негативной галлюцинации. Негативная галлюцинация — это такая галлюцинация, при которой субъект не воспринимает то, что есть. Например, негативные галлюцинации могут возникать в результате внушения. Человеку внушается, что некий предмет отсутствует в комнате, хотя он лежит там на самом видном месте. Когда человек выходит из гипноза, его просят этот предмет найти, но он не может его найти — или же делает вид, что его нет. То есть он его не видит, а предмет есть. Механизм образования человеческого Я напоминает действие этой негативной галлюцинации: человек перестает воспринимать то, что есть на самом деле, то есть расколотость, рассогласованность, раскоординированность. Это те переживания, которые оказываются скрытыми от субъекта. Вместо этого он начинает жить иллюзией собственной целостности, иллюзией целостности собственного образа, целостности собственного Я.

Паранойя раскрывает и еще один любопытный элемент, имеющий самое непосредственное отношение к структуре человеческой субъективности. Это безумие ставит под вопрос принципиальное различение между субъектом и другим: Я — это другой, а другой — это Я. Этот момент был ярко представлен в деле Эмэ, о котором речь шла в предыдущей лекции: случай Эмэ вскрыл механизм проекции себя на другого, показал, что другой вовлечен в собственное функционирование субъекта, что субъект нуждается в этом другом как объекте копирования, подражания, обожания, но одновременно и конкурирования, агрессии, стремления от этого другого избавиться, как-то от него отделаться. То есть ровно та динамика, которая развернулась в истории с нападением Эмэ на французскую актрису: Эмэ видела в последней своего двойника, конкурента, от которого она хотела избавиться. Здесь в предельной, даже экстремальной форме было выражено то, что в некотором смысле есть в любом человеке. Каждый человек вовлечен в проекции себя на другого, вовлечен в отношения конкуренции, подражания, обожания, ненависти по отношению к этим другим, которые являются, повторюсь, важным элементом структуры его субъективности, тем, что обеспечивает стабильность его функционирования.

В свете вышесказанного уже можно открыть текст самого Лакана, в частности его статью 1949 года «Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я», и понять смысл написанного там. Можно понять следующую фразу, которая, возможно, без предшествующих объяснений, так и осталась бы абсолютно эзотерической. Лакан пишет: «Стадия зеркала… представляет собой драму, которая фабрикует для субъекта… череду фантазмов, открывающуюся расчлененным образом те-

ла, а завершающуюся формой его целостности, которую мы назовем ортопедической, и облачения, наконец, в ту броню отчуждающей идентичности, чья жесткая структура и предопределит собой все дальнейшее его умственное развитие»[1]. То есть стадия зеркала — это череда фантазмов, то есть, по сути, череда иллюзий, создающих субъекта.

Вообще, само слово «фантазм» — откуда оно берется? В чем разница фантазмов и фантазий?[2] Почему Лакан предпочитает говорить не «фантазия», а «фантазм»? Дело в специфике французского языка. Когда терминология Фрейда переводилась на французский язык, то встал вопрос, как переводить фрейдовское понятие «фантазия» (phantasie). Во французском языке тоже есть слово «фантазия» (fantaisie), но у этого слова очень конкретные коннотации. Это слово означает что-то легкое, светлое, воздушное, детское. А у Фрейда фантазия — это, например, про убийство отца, про какие-то жуткие вещи, которые совершенно не увязываются со словом «фантазия»: какая-нибудь «фантазия» о расчлененном теле — это уже достаточно проблемная конструкция. А вот фантазм о расчлененном образе тела — фраза, вызывающая куда меньший диссонанс. Соответственно, вместо того чтобы передавать фрейдовское понятие «фантазия» (phantasie) словом «фантазия» (fantaisie), его стали переводить как «фантазм».

---

[1] *Лакан Ж.* Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954–1955). М.: Гнозис / Логос, 2009. С. 512–513. .

[2] *Le Gaufey G.* The fight against psychopathology: why a case is not just a case // Conférence donnée à Londres le 12 février 2005 au CFAR (Darian Leader). Non publié.

Таким образом, в этой цитате Лакан говорит о череде фантазмов. Все начинается с фантазма образа расчлененного тела, который сменяется фантазмом целостности, образом, в котором субъект себя узнает, который дает ему отчуждающую идентичность. Почему отчуждающую? Потому что, повторюсь, это нечто, находящееся вне субъекта, нечто, с чем субъект себя отождествляет, помещает это внутрь себя; нечто, что дает ему идентичность, то есть понимание того, кто он есть, некоторую определенность в отношении «я — это вот это». Идентичность — это буквально тождество: А = А. Я — это я. Впрочем, в любой идентичности есть парадокс: субъект тождественен чему-то. Но это что-то не есть то, чем субъект был изначально, это что-то, с чем субъект себя сознательно или несознательно отождествил. Благодаря идентичности я определено, субъект более не расчлененное нечто, он определен. Жесткая структура этой идентичности предопределяет дальнейшее развитие. Это то, что позволяет развиваться. Это необходимое отчуждение, благодаря которому можно двигаться дальше, благодаря которому можно, наконец, переходить к каким-то иным стадиям, ступеням психического развития.

В цитате еще важно слово «ортопедический», «ортопедическая форма»: то есть такая форма, которая поддерживает, устраняет деформацию, не дает распасться, расплыться, утратить эту форму. То, что держит, позволяя двигаться дальше, не теряя целостности.

Следующая часть моего повествования связана с идеями более зрелого Лакана — например, отчетливо представленными в его семинаре 1960 года

«Перенос»[1]. Условной точкой отсчета может быть назван 1953 год, когда Лакан начинает говорить о трех регистрах. Помимо воображаемого, а стадия зеркала относится, прежде всего, к воображаемому регистру, то есть к пространству образов, Лакан активно продвигает еще два — символический регистр и регистр реального. Особый акцент теперь делается на символический регистр — это приводит к тому, что стадия зеркала начинает постепенно переосмысливаться. К своим идеям о стадии зеркала Лакан добавляет новые. Суть нововведения в том, что символический регистр начинает все больше выдвигаться на первый план. Говоря о стадии зеркала, невозможно ограничиваться исключительно воображаемым регистром, необходимо всегда принимать во внимание и регистр, связанный с символическим.

Почему? Зачем вводить в стадию зеркала еще один регистр? Почему необходимо добавлять символическое измерение в концепцию стадии зеркала? Дело в том, что, если стадию зеркала понимать исключительно в воображаемом регистре, исключительно в смысле взаимодействия со зрительными образами, с зеркальными отражениями, в которых становящийся субъект узнает себя и с которыми он себя отождествляет, на которых он хочет быть похожим или с которыми он начинает конкурировать, по отношению к которым он испытывает агрессию, то это все наталкивается на очень простую и очевидную критику. Данная критика неоднократно звучала и продолжает звучать в связи с концепцией стадии зеркала.

---

[1] *Лакан Ж.* Семинары. Книга 8: Перенос (1960–1961). М.: Гнозис /Логос, 2019.

Например, в книге английского философа Рэймонда Таллиса «Не Соссюр»[1], посвященной критическому осмыслению постсоссюровской теории[2], есть логичные размышления о том, что если стадию зеркала понимать буквально, то есть как взаимодействие со зрительными образами, то в таком случае это все элементарно эмпирически опровергается. Если брать людей, которые являются слепыми от рождения, то получается, что у них нет возможности формировать собственное Я и тем самым проходить путь развития. Но это очевидным образом не так. На основании этого Таллис утверждает ложность идей Лакана.

Однако критику Таллиса можно парировать указанием на то, что Лакан не ограничивал понимание стадии зеркала исключительно воображаемым регистром, исключительно измерением образов. В своих поздних работах Лакан все сильнее выводил на первый план именно символический регистр.

Если раньше я говорил просто о ребенке перед зеркалом, то теперь — в рамках более позднего понимания стадии зеркала — перед нами уже не просто ребенок перед зеркалом, перед нами ребенок перед зеркалом, а за его спиной стоит взрослый — родительская фигура. Речь теперь идет не просто о визуальном отражении, но и об отражении словесном, символическом. Взрослый словами как бы описывает отражение ребенка. Например, он может сказать: «У тебя дедушкины уши» или «Ты выглядишь так же, как твой папа».

---

[1] *Tallis R.* Not Saussure: A Critique of Post-Saussurean Literary Theory. Palgrave Macmillan, 1987. P. 131–163.

[2] Фердинанд де Соссюр (1857–1913) — известный швейцарский лингвист, на идеи которого Лакан в очень большой степени опирался. См. лекцию 3.

Здесь есть два важных момента. Во-первых, появление взрослого — это указание на то, что принимаемый образ принимается не просто так. Действительно, можно спросить: почему конкретно этот образ принимается, а другой образ не принимается? Ответ: он принимается потому, что получил подтверждение, одобрение в глазах этой новой инстанции — инстанции родительского взгляда, родительского одобрения. То есть появляется новая инстанция, которую можно назвать Большим Другим. Это инстанция, в которой становящийся субъект видит одобрение того образа, с которым себя отождествляет.

Если в случае воображаемого регистра я говорил об идеальном Я, о некоем идеальном образе, с которым субъект себя отождествляет, через который он обретает ту самую целостность, которой ему не хватает, то здесь появляется необходимость ввести еще одно важное лакановское понятие — Я-идеал. Это те идеалы, которые восприняты, взяты у Большого Другого. Идеалы, воспринятые и почерпнутые у Большого Другого. Соответственно, если идеал-Я в лакановской алгебре передается как i (a), то есть идеалы другого с маленькой буквы *a*, то «Я-идеал» обозначается так же, только все буквы большие — I (A). Идеалы, взятые, воспринятые от Большого Другого, от *A*.

Соответственно, второй момент — помимо момента появления этой самой новой инстанции, инстанции родительского взгляда, взгляда Большого Другого, удостоверяющего какой именно образ необходимо принять — связан с появлением символического измерения как измерения, связанного со словами. То есть речь идет об образе не только визуальном, не только о том образе, который буквально созерцается в зеркале или в другом человеке, но и образе символическом:

отражение становящегося субъекта в конкретных словах: «ты такой красивый», «ты такой хороший», «у тебя бабушкины глаза», «ты весь в отца» или «когда ты так смотришь, то похож на маму» и т. д. Соответственно, помимо зрительного образа возникает еще и словесный образ, словесное описание, с которым субъект себя отождествляет.

Отсюда идея Лакана о том, что символическое переписывает воображаемое и что нарциссизм имеет не только зрительный, но и символический аспект. Отношение к тому образу, который субъект видит в зеркале или в другом человеке, структурируется языком. То есть если классический нарцисс глядит в воду и видит свое отражение в воде, то лакановский нарцисс смотрит в воду и видит там не только свой визуальный образ, но еще и те слова, которые нанесены поверх этого визуального образа. Символическое исписывает/переписывает/надписывает воображаемое.

Соответственно, на критику Таллиса можно ответить следующим образом: лакановскую стадию зеркала нельзя понимать буквально. Даже если ребенок является слепым, это не значит, что он не будет отражен. Он будет отражен словами, какими-то символическими средствами через присутствие этого самого Большого Другого, через появление Я-идеала, то есть той инстанции, которая закладывает усваиваемую субъектом систему координат. Идеалы — хорошо, плохо, правильно, неправильно, можно, нельзя, — которые как раз определяют тот образ, то идеальное я, которое будет воспринято, усвоено, схвачено становящимся субъектом.

Говоря об Я-идеале, необходимо подчеркнуть, что это не просто отдельные слова и выражения, это прежде всего система координат, размечающая параметры,

делающие тот или иной образ себя приемлемым или неприемлемым. Можно проиллюстрировать разницу идеал-Я и Я-идеала (или Большого Другого) на примере Лакана, обожающего быструю езду на автомобиле. Лихой водитель, который носится по Парижу, пренебрегая правилами, — это идеал-Я, тот образ, которому условный Лакан хотел бы соответствовать. Но какая система координат делает подобный идеал-Я привлекательным (можно даже визуально представить этот вопрос — чей именно взгляд пытается поразить лихой водитель, кого он представляет смотрящим на себя в момент лихой езды)? Та система координат, которая задается специфическим Я-идеалом: быть законопослушным плохо, а незаконопослушным — хорошо. Очевидно, что система координат, где нарушать правила хорошо, правильно, приемлемо, это далеко не единственная возможная система координат. Можно представить себе другой Я-идеал, который будет диктовать иное идеальное Я: человек, уважающий правила, ограничения, понимающий опасность лихачества на дорогах для безопасности людей. Впрочем, тут уместна и иная трактовка — поведение Лакана как бунт против той системы координат, которая задана идеал-Я, как протест против Большого Другого. В таком случае идеал-Я выстраивается через отрицание, сопротивление системе координат Я-идеала.

В свете того, что было сказано выше, можно понять фразу Лакана из его семинара 1960 года «Перенос»: «…чтобы заработало то, что может сделать нарциссические отношения плодотворными, в отношения между Я и маленьким другим должна вмешаться третья инстанция, Большой Другой»[1]. То есть стадия зеркала может

---

[1] *Лакан Ж.* Семинары. Книга 8: Перенос (1960–1961). М.: Гнозис / Логос, 2019. С. 382.

состояться, дать возможность субъекту развиваться дальше, только если в отношениях между эго и другим с маленькой буквы *a*, в отношениях субъекта и образа, в котором он себя узнает, с которым он хочет отождествиться, появится третья сторона, то есть этот самый Другой с большой буквы A, то есть Большой Другой, отвечающий за появление Я-идеала, определяющий ту систему координат, в которой формируется идеальное я, понимаемое в качестве образца, на который необходимо ориентироваться.

Стадия зеркала связана с появлением образа себя, подразумевающего в том числе и телесный образ себя. Понимание значимости символического измерения этого процесса позволяет заключить, что тело субъекта также исписывается, переписывается, надписывается символическим. Слова (точнее, означающие[1]) в буквальном смысле вписываются в тело. И не просто слова — а целая символическая система координат. Что здесь имеется в виду? Например, представление о том, что есть телесный верх и телесный низ, что есть грязные органы тела и чистые, что какие-то части тела красивые, а какие-то — некрасивые, что глаза напоминают бабушку, уши — дедушку, нос — отца. То есть образ тела исписан означающими. Это важный момент для понимания лакановского механизма возникновения симптомов[2]. Этот момент вторжения символического в тело настолько важен для философа, что у него даже есть рассуждения о том, что тело невротика, то есть тело человека, достаточно далеко прошед-

---

[1] О том, что такое «означающие» и чем они отличаются от «означаемых», я буду говорить в следующей лекции.

[2] См. лекцию 3.

шего по пути психического становления[1], мертво — оно умерщвляется символическим.

Рассуждения о стадии зеркала я бы хотел проиллюстрировать конструкцией с двумя зеркалами (рисунки 4 и 5). Эту конструкцию можно достаточно часто встретить в работах Лакана. При этом он несколько по-разному ее представлял. В частности, я бы хотел разобрать две вариации этой конструкции. Различия между этими двумя вариациями будут отражать ту эволюцию, которую Жак Лакан проделал в своих размышлениях о стадии зеркала.

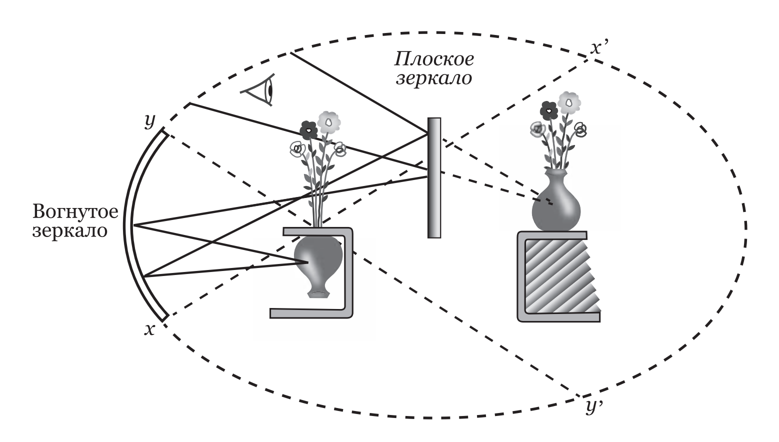


Рисунок 4. Конструкция с двумя зеркалами (1953, Семинар I)[2]

На рисунке 4 видна конструкция с двумя зеркалами, представленная Лаканом на первом семинаре в 1953 году. На первый взгляд, эта конструкция может пугать. Кажется, что ничего непонятно — какие-то линии, какие-то фигурки и т. д. Вообще ничего непонятно.

[1] См. об этом лекции 4 и 5.

[2] *Лакан Ж.* Семинары. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953–1954). М.: Гнозис / Логос, 1998.

Но если внимательно присмотреться, то окажется, что это достаточно понятная, ясная иллюстрация лакановских идей.

Что мы видим на рисунке? Мы видим схематическое изображение визуальной иллюзии, которую можно воспроизвести в реальности[1]. Есть два зеркала: одно зеркало плоское, другое — вогнутое. Есть человек, который смотрит. Можно увидеть взгляд в левом верхнем углу. Взгляд направлен на зеркало. Далее — в левой половине рисунка есть странная конструкция — цветы и под цветами закрепленная ваза. Благодаря зеркальным отражениям в зазеркальном пространстве плоского зеркала (правая половина рисунка) возникает иллюзия — цветы, находящиеся в вазе.

Почему пространство называется зазеркальным? Если смотреть в зеркало, то как бы внутри него возникает отражение — некий визуальный образ реальности. Но этот визуальный образ реальности носит иллюзорный характер — вместо цветов, отделенных от вазы, возникает иллюзия того, что цветы находятся в вазе. То есть на самом деле цветы и ваза не соединены, ваза находится под цветами, а цветы находятся над вазой. Но благодаря зеркальной иллюзии возникает впечатление, будто бы цветы находятся в вазе. То есть ничего, на самом деле, сложного в этой схеме, в этой конструкции нет. Это иллюзия, которую Лакан не придумал сам, а заимствовал.

Зачем вообще понадобилась эта конструкция? Что философ хотел проиллюстрировать с ее помощью? Он хотел проиллюстрировать стадию зеркала. Стадия зеркала легко ложится на эту конструкцию.

---

[1] См.: “Jacques Lacan’s double mirror device”. Режим доступа: https: //www.youtube.com/watch?v=HmsFv24LaDg.

Что такое цветы? Это раскоординированные, частичные влечения человеческого тела, переживаемые как расколотость, отсутствие целостности, раскоординированность. Что такое ваза? Это тот самый целостный образ. Мы видим, что на самом деле они не связаны друг с другом. Отдельно раскоординированные частичные влечения, отдельно — некий образ, некая целостная форма. Мы видим, что они располагаются отдельно друг от друга. Но на стадии зеркала благодаря иллюзии у субъекта возникает ощущение, будто бы эти раскоординированные влечения объединены в целостную форму. Возникает впечатление целостного образа — иллюзия цветов в вазе, иллюзия связывания, вмещения разрозненных, раскоординированных частичных влечений в единую форму. Возникает чувство, что субъект не расколот на части, не раскоординирован, но представляет собой нечто цельное, гармоничное, неразрушаемое. Цветы оказываются в вазе.

Но реальность остается невидимой — глаз, смотрящий в зеркало, не видит левую часть. Он не видит того, что цветы не находятся в вазе, что влечения не связаны, не упорядочены. Это и есть то, что называется негативной галлюцинацией. Вместо реальности возникает иллюзия целостности, возникает ложное узнавание, ложный образ того, что цветы находятся в вазе, хотя на самом деле — они не в вазе.

Система зеркал, создающих эту иллюзию, символизирует происходящее искажение реальности за счет действия определенных внутренних психических механизмов, делающих возможным переход от раскоординированности, расколотости, разрозненности к иллюзии целостности, к единому образу себя.

Теперь можно двигаться дальше и обратить внимание на ту конструкцию с двумя зеркалами, которая возникает уже в более поздних работах Лакана. В частности, рисунок 5 взят из его работы 1966 года. Похожую картинку можно найти в его семинаре про перенос. С одной стороны, эта иллюстрация сильно напоминает то, что мы уже видели. Но здесь уже в рисунок вписан символический регистр, который обозначается символом A, то есть Большой Другой.

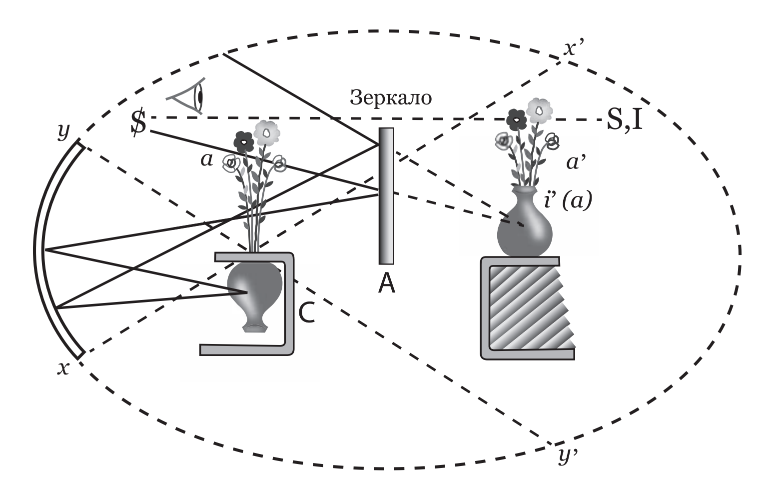


Рисунок 5. Конструкция с двумя зеркалами (1966)[1]

Что это значит? Что именно хотел добавить Лакан в эту конструкцию за счет введения символического регистра? Он хотел подчеркнуть значимость Большого Другого, значимость Я-идеала, который в рамках данной иллюзии может, например, задавать угол наклона плоского зеркала (на самом деле, и вогнутого зеркала тоже), что будет определять, какой именно образ возникнет в этом зазеркальном пространстве —

[1] *Lacan J.* Écrits. Paris: Seuil, 1966. P. 675.

как именно будут соединены цветы и ваза (то есть раскоординированные влечения и тот образ, форма, в которую эти влечения должны вместиться). В зависимости от того, как это плоское зеркало будет расположено, будет меняться и то, что мы будем видеть. В зависимости от того, как именно отражает Большой Другой, зависит то, что возникнет в зазеркальном пространстве (идеал-Я)[1].

На этой же иллюстрации видно, насколько прочно символическое вплетено в субъекта. В левом верхнем углу появляется символ: перечеркнутая S — это обозначение отчужденного субъекта, субъекта, потерявшего себя в языке, в символическом, субъекта, кастрированного, лишенного полноты, который может эту полноту увидеть, представить только в этом, можно сказать, утопическом пространстве зазеркалья (S неперечеркнутая в правом верхнем углу)[2].

Возьму еще один конкретный пример — селфи (рисунок 6). Все знают, что такое селфи — это когда человек сам себя фотографирует. В частности, на рисунке 6 приведен пример такого селфи: девушка фотографирует себя в зеркале. Я бы хотел показать, как в структуре селфи можно узнать всю ту же самую конструкцию с двумя зеркалами и, соответственно, всю ту же самую логику, которая прослеживается в стадии зеркала.

У меня на эту тему есть большая статья. Если кто-то хочет углубиться в феномен селфи, в то, как на селфи можно смотреть с помощью лакановской оптики, то

---

[1] Более подробный разбор данной темы см.: *Узланер Д.* Невыносимый взгляд Другого: «селфи» сквозь призму лакановского психоанализа // Логос. 2016. № 26 (6). С. 189–218.

[2] См. лекцию 3.

я отсылаю к этой статье, опубликованной в журнале «Логос». Когда я печатал эту статью на английском языке, то оба рецензента обратили внимание на то, что та часть статьи, которая посвящена разбору конструкции с двумя зеркалами, представляется наиболее сложной, непонятной и вообще рождает желание эту статью закрыть и больше не читать. Я решил здесь этот момент еще раз объяснить, проговорить для того, чтобы он стал более понятным.

Рисунок 6. Селфи девушки

На рисунке 7 видно, как все те элементы, которые мы разбирали в связи с конструкцией с двумя зеркалами, присутствуют на селфи. Чтобы спроецировать селфи на конструкцию, надо это селфи как бы развернуть. Представьте, что ту девушку, которая делает селфи, мы разворачиваем против часовой стрелки, то есть она как бы стоит боком, и мы видим ее взгляд, мы видим телефон, который она держит в руках, мы видим то зеркало, перед которым она стоит. То же самое, только в профиль. И мы сразу же начнем узнавать в этой конструкции иллюзию с двумя зеркалами. С одной стороны, мы видим взгляд девушки, направленный на телефон, в этом телефоне, в этом зателефонном/зазеркальном пространстве она видит тот самый чаемый образ, который она и запечатлевает. Это тот образ, которым она потом делится с окружающими, потому что это именно тот образ, который она хочет предъявить, тот образ, через который она хочет себя узнавать и через который она бы хотела, чтобы ее узнавали другие.

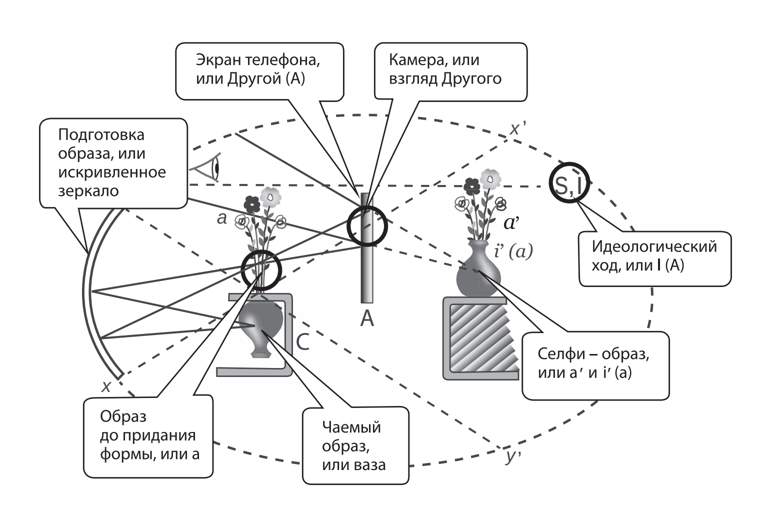


Рисунок 7. Селфи как конструкция с двумя зеркалами

А где тут Большой Другой? Большой Другой иллюстрируется как раз плоским зеркалом телефона. Ведь смотря в телефон, девушка предполагает, что из этого объектива камеры на нее кто-то смотрит. И этот кто-то оценивает ее, исходя из определенной системы координат, исходя из того, что именно он хочет видеть: именно такую прическу, именно такую верхнюю одежду, именно такие сапоги, именно такую улыбку, именно такую позу, именно такие сережки и т. д. То есть взгляд из объектива задает определенную систему координат — I (A). Если бы этот взгляд был немножко другой, то, наверное, она бы по-другому встала и в целом по-другому бы себя предъявляла. Почему именно этот образ, возникающий в зателефонном, зазеркальном пространстве, является для нее привлекательным? В соответствии с какой системой координат он оказывается привлекательным, в чьих глазах он является привлекательным? Кто задает параметры привлекательности этого образа? Большой Другой. Именно Другой задает те параметры, которыми руководствуется героиня селфи, выбирая именно этот образ, именно это совмещение себя и того образа, которому она хотела бы соответствовать.

Здесь на этой иллюстрации мы видим символ I — в контексте селфи это идеологический код. Почему идеологический? Потому что это определенная идеология, связанная в современной культуре, например, с демонстрацией собственной успешности. То есть субъект должен делать селфи, и на этом селфи он должен демонстрировать определенные идеологические знаки. Богатство, успешность, хорошее настроение, счастье, на фоне должно происходить что-то интересное, что-то доказывающее, что у него интересная жизнь, что у него есть телефон, что у него есть время

делать селфи. Существует определенный идеологический код, которому делающий селфи субъект пытается соответствовать. Код, определяющий систему координат, внутри которой данный конкретный образ становится желанным.

Дальше этот селфи-образ выставляется в Интернет, то есть превращается в некотором смысле в социальный образ — в то, что субъект предъявляет другим и через что он с другими взаимодействует. Это его аватарка, например. Когда кто-то с этой девушкой коммуницирует в Интернете, то коммуницирует он с ней через этот образ, то есть через то, как она хотела бы, чтобы ее видели. А почему она хотела бы, чтобы ее видели такой? Потому что существует система координат, заданная Большим Другим, которая определяет то идеальное я, которому героиня селфи хочет соответствовать и к которому она пытается приблизиться через это самое селфи.

Дальше можно порассуждать о динамике взаимоотношений с этим идеальным образом себя, представленным селфи. С одной стороны, этот образ вызывает обожание субъекта, его любование собой. С другой стороны, этот образ является и проклятьем — ему практически невозможно соответствовать, он подавляет своей идеальностью. Он рождает страх разоблачения — когда выяснится, что в реальности субъект выглядит вовсе не так, как на селфи.

Размышления о противоречивой динамике взаимоотношений Я субъекта со своим идеальным образом выводит меня на вопрос о том, как выстраиваются отношения в воображаемом регистре. Это принципиально важный вопрос для лакановского понимания клиники.

Что такое отношения в воображаемом регистре? Это отношения с другим с маленькой буквы, с маленьким другим. Он такой же как я. Это отношения на уровне двух Я, то есть мое Я и его Я. Соответственно, если он такой же как я, то это, например, любовь. А если он не такой как я, то это — ненависть. Динамика отношений в воображаемом регистре — это динамика или позитивная, и тогда это любовь, обожание, копирование, или негативная, и тогда это агрессия, конкуренция, попытка устранить соперника, его опередить.

На рисунке 8 дана иллюстрация из книги Брюса Финка, замечательного аналитика, внесшего колоссальный вклад в систематизацию лакановских идей. Он показывает уровень этих отношений на примере детей. Есть два ребенка и есть родительская фигура (одна и та же или разные). Каждый из детей находится в вертикальных отношениях с родительской фигурой и в горизонтальных отношениях с равным себе, со своим ровесником. Горизонтальный, воображаемый уровень — это уровень взаимоотношений на уровне двух Я, на уровне двух маленьких *a*, это отношения двух других с маленькой буквы *a*. Параметры этих отношений задаются через участие родительских фигур, которые способны влиять на то, как эти отношения будут выстроены. Например, если другому оказывается больше внимания, если на него больше смотрят, то это может рождать желание субъекта с этим другим конкурировать (в соответствии с теми стандартами, которые заданы родительской фигурой), устранить его, чтобы получить то родительское внимание, которое нужно. Либо может возникать какой-то другой формат отношений. Даже на этом небольшом примере видно, как регистр воображаемых отношений, отношений с другим с маленькой буквы

a, все равно задается отношениями с Другим с большой буквы *A*.

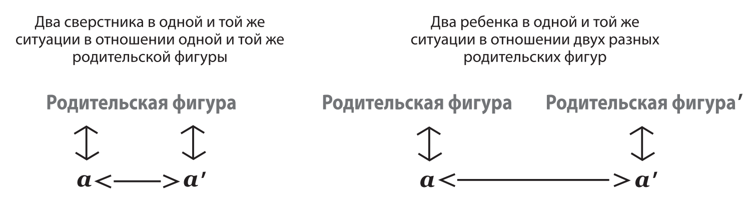


Рисунок 8. Отношения в воображаемом регистре[1]

Сплетенность воображаемого и символического выводит меня на идею Лакана о трех регистрах — воображаемом, символическом и реальном. Связь трех регистров философ передавал через символику Борромеева узла (изначально — узел, изображенный на гербе итальянского семейства Борромео).

В Борромеевом узле есть три кольца, соединенных между собой так, что при попытке вынуть любое из этих колец вся конструкция распадется. Соответственно, воображаемое подобно одному из колец этого узла неразрывно сплетено с символическим[2]. Почему это так, мы увидели на примере стадии зеркала. То есть воображаемое — это, с одной стороны, отдельный регистр, который можно рассматривать отдельно, но с другой — это то, что неразрывно сплетено с другими регистрами: с регистром реального и с регистром символического.

1 *Fink B.* The Lacanian Subject. Between Language and Jouissance. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1997. P. 85.

2 Здесь появляется еще и третий регистр — реальное, но про реальное речь пойдет в следующих лекциях.

Рисунок 9. Упрощенная иллюстрация трех регистров Лакана через Борромеев узел[1]

В чем специфика воображаемого регистра? Это регистр образов, регистр чувственного опыта. Это пространство иллюзий, которые очаровывают, соблазняют субъекта, вовлекают его в динамику воображаемых отношений — отношений конкуренции, агрессии, желания подражать, любви, обожания и т. д.

В развитие темы о том, как соединяется воображаемое и символическое, я бы хотел поговорить о лакановской схеме L, которая, по крайней мере для Лакана 1950-х годов, иллюстрировала то, что должно было происходить в рамках взаимодействия аналитика и анализанта. Схема была вдохновлена, с одной стороны, Леви-Строссом и его работой «Элементарные структуры родства», а с другой — кибернетикой.

---

[3] См. в частности: *Лакан Ж.* Семинары. Книга 20: Еще (1972–1973). М.: Гнозис / Логос. 2011. С. 156.

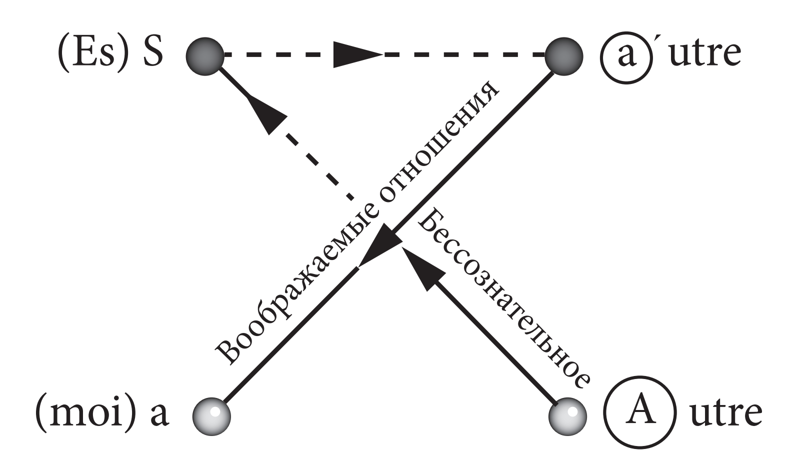


Рисунок 10. Схема L[1]

На этой схеме (рисунок 10) снова видна достаточно странная конструкция, в которой есть четыре угла. В левом нижнем углу находится маленькое *a* (то есть Я или эго); в правом верхнем углу находится *a* в смысле другого с маленькой буквы а; в верхнем левом углу находится значок бессознательного, субъект бессознательного, то есть та часть субъекта, которая остается по ту сторону Я. В психоанализе человек не сводится к своему Я, Я — как показывал Лакан — это чужеродная часть внутри меня, которая, с одной стороны, дает субъекту возможность функционировать, а с другой — его же отчуждает, заставляет не замечать многое из того, что внутри него происходит и к нему относится. Наконец, в правом нижнем углу находится А большое, то есть Большой Другой.

Что Лакан пытался иллюстрировать этой схемой? Он пытался показать с помощью схемы L, как вообра-

[1] *Lacan J*. Écrits. Paris: Seuil, 1966. P. 54.

жаемые отношения блокируют отношения символические.

Что такое воображаемые отношения? Повторюсь, это отношения на уровне Я. Два эго встретились и вступили в какие-то отношения: либо отношения любви, обожания, подражания, либо в отношения конкуренции, агрессии, зависти, стремления вытеснить, избавиться от другого, каким-то образом отделаться от него. Как считал Лакан, в рамках аналитической работы одна из задач заключается в том, чтобы этот уровень воображаемых отношений преодолеть.

Что имеется в виду? Например, когда анализант приходит, то он может начинать вступать с аналитиком именно в воображаемые отношения. То есть — есть Я анализанта, есть Я аналитика — и между этими двумя полюсами развертывается динамика отношений. Анализант может любить аналитика как человека, пытаться ему подражать, стремиться стать таким же как он/она или, например, сравнивать себя с ним/ней: «А умнее ли я его/ее? А больше ли я знаю, чем он/она сам? Кто из нас лучше понимает? А если бы я был сам аналитиком, я бы большего добился, я был бы умнее или был бы таким же?» Анализант может вступать в отношения агрессии, конкуренции, зависти с аналитиком. Со стороны аналитика возможно такое же отношение — он может пытаться доказывать, что он умнее, лучше, состоятельней, чем тот анализант, который к нему пришел.

Как считал Лакан, уровень воображаемых отношений — это препятствие для анализа. Вместо того, чтобы циклиться на этих воображаемых отношени-

ях, необходимо сделать так, чтобы они ушли на задний план. На передний план должно выйти то, что психоаналитик называл символическими отношениями.

На этой схеме L мы видим ровно это. С одной стороны, отношение по оси воображаемого, которое тут представлено линией, которая идет от верхнего правого угла к левому нижнему углу. С другой стороны, отношение по оси символического, которое тут представлено линией, которая идет от нижнего правого угла к верхнему левому углу. И видно, как диагональ воображаемых отношений блокирует диагональ символических отношений — диагональ от A к S, то есть от Другого к бессознательному.

Как связано бессознательное и Другой? Как писал Лакан, бессознательное — это «дискурс или речь Другого». Это многослойная фраза, которую можно развертывать слой за слоем. Что такое речь Другого? Это, например, оговорки, когда в речь субъекта как будто бы вторгается нечто чужеродное — он хотел сказать одно, а сказал другое. Как будто внутри субъекта есть кто-то Другой, кто вместо него говорит или же говорит параллельно с ним. То же самое со снами — во сне возникает некоторое желание, за которое сознательный субъект, проснувшись, никогда не возьмет ответственность. Снова как будто бы внутри субъекта действует кто-то Другой — кто во сне желает эти неприемлемые желания. Но речь Другого это еще и те слова, которыми субъект, например, характеризует себя или каких-то значимых для себя людей. Откуда эти слова взялись? Скорее всего, это были слова кого-то из прошлого субъекта, которые были им усвоены и восприняты в качестве чего-то своего. В этом контексте роль аналитика — подсвечивать, обращать внима-

ние на эту речь Другого, не давать заболтать моменты, когда речь Я прерывается вторгающейся в нее речью Другого. Изначально субъект не видит своей бессознательной части, располагая ее вовне — в Другом и, в частности, в аналитике.

Как понимать ось символических отношений в лакановской схеме L? Это, прежде всего, отношения с Большим Другим, с теми идеалами, которые задаются Большим Другим, с той системой координат, которая задается Большим Другим. Эти идеалы определяют поведение субъекта по ту сторону любых отношений по оси воображаемого. Почему он преследует те цели, которые преследует? Почему одни пути в его жизни открыты, а другие, наоборот, закрыты? Почему он идет по определенному пути, но идет так, чтобы ничего на этом пути не добиться? Как субъект в целом обращается с идеалами Большого Другого? Он их воплощает? Он их воплощает с некоей фигой в кармане? Он их не воплощает на зло кому-то?

Символические отношения не относятся к воображаемому уровню, однако они могут определять параметры воображаемых отношений. Например, почему анализант вступает в конкуренцию с аналитиком, почему ему так важно понять, что он умнее, успешнее или, наоборот, хуже, глупее аналитика. В рамках какой системы координат подобное выстраивание отношений на воображаемом уровне является рациональным и неизбежным?

Преодолев ось воображаемых отношений, аналитик, по мысли Лакана, помогает анализанту понять формат своих отношений с идеалами Большого Другого и, соответственно, изменить его.

В свете того, что было сказано про схему L, про воображаемые и символические отношения, про стадию зеркала в целом и т. д., уже можно понять, почему Лакан так критично относился к эго-психологии. Почему он считал эго-психологию предательством дела Фрейда. Почему он критиковал видных представителей этого направления — например, Анну Фрейд и своего собственного аналитика Рудольфа Левенштейна.

Эго-психология уделяет основное внимание эго, человеческому Я. Задача такой терапии — адаптация этого Я к внешнему миру, к реальности. Знаковой работой для эго-психологии является труд Анны Фрейд «Эго и механизмы защиты» (1936)[1]. Какие-то зачатки эго-психологии можно найти у самого Фрейда — то есть это определенный способ развития некоторых фрейдистских интуиций. Но для Лакана подобная интерпретация психоанализа была неприемлемой. Он считал ее предательством: в рамках нее акцент смещается с бессознательного, с тех частей субъекта, которые находятся по ту сторону Я, на само это Я, на эго. Весь анализ, по сути, сводится к тому, чтобы укреплять эго, например, за счет копирования эго аналитика. То есть слабое эго пациента копирует сильное эго аналитика, и за счет этого само становится более сильным, адаптивным и приспособленным для взаимодействия с окружающей внешней средой.

Подобная установка совершенно не вписывается в лакановскую концепцию, потому что для него сама драма возникновения человеческого Я — это

---

[1] *Фрейд А.* Эго и механизмы защиты / А. Фрейд. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016.

драма утраты себя, потери себя в другом, в некоем отчуждающем образе. Субъект принимает себя за то, чем он не является. Если акцент смещается на Я, то в таком случае это приводит к тому, что субъект просто коснеет в этом отчуждении, все плотнее и плотнее закрываясь от тех аспектов собственной субъективности, которые находятся по ту сторону эго.

Смещением акцентов с бессознательного на Я — это ядро тех содержательных претензий, которые Лакан предъявлял многим своим коллегам, это то, что провоцировало его конфликт с мировым психоаналитическим истеблишментом, все сильнее попадавшим в зависимость от англо-саксонских интерпретаций, в которых возрастающую роль играла эго-психология. Отсюда и посыл Лакана о необходимости вернуться к Фрейду, защитить его от тех искажений, которым он подвергается. Собственно, именно этот посыл звучит в манифесте Лакана, когда он в 1964 году провозглашает возникновение своей собственной школы.

Литература для дальнейшего чтения

Лакан Ж. Семинары. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953–1954) / Ж. Лакан. — М.: Гнозис/Логос, 1998. — 432 с.

Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции «Я» // Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954–1955) / Ж. Лакан. — М.: Гнозис / Логос, 2009. — С. 508–517.

Статья, в которой формулируются основные положения стадии зеркала. В отличие от многих других лакановских текстов статья написана вполне доступным и понятным языком.

Лакан Ж. Семинары. Книга 8: Перенос (1960–1961) / Ж. Лакан. — М.: Гнозис / Логос, 2019. — 432 с.

Семинар, в котором дается изложение зрелых взглядов Лакана на стадию зеркала.

Мазин В. Введение в Лакана / В. Мазин. — М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2004. — 201 с.

Мазин В. Стадия зеркала Жака Лакана / В. Мазин. — СПб.: Алетейя, 2005. — 160 с.

Единственное из известных мне русскоязычных изданий, посвященное детальному разъяснению лакановских идей о стадии зеркала.

Фрейд З. Введение в нарциссизм / Режим доступа: https://psychic.ru/articles/classic21.htm.

Fink B. Lacan's critique of the ego psychology troika: Hartmann, Kris, and Loewenstein // Fink B. Lacan to the Letter. Reading Écrits Closely. Minneapolis, Minn., London: University of Minnesota Press, 2004.

Статья Брюса Финка, посвященная лакановский критике эго-психологии: за что он ее критиковал и как. В целом, Финк — тот автор, которого я настоятельно рекомендую тем, кто читает по-английски. Это один из лучших систематизаторов Лакана. Он — автор нескольких книг, прочтение которых очень способствует пониманию Лакана.

Homer S. The imaginary // Homer S. Jacques Lacan. London: Routledge, 2005. — P. 17–32.

Глава, специально посвященная регистру воображаемого, в простом хорошем введении к Лакану.

Leader D. Introducing Lacan / D. Leader, J. Groves. — Duxford: Icon Books, 2000. — 176 p.

Книга, иллюстрирующая идеи Лакана, в том числе его идеи относительно стадии зеркала, с помощью картинок. Многие идеи действительно очень хорошо схвачены визуально — особенно те, что касаются регистра воображаемого.

Nobus D. Life and death in the glass: A new look at the mirror stage // Key Concepts of Lacanian Psychoanalysis. — New York: Other Press, 1995. P. 101–138.

Обстоятельная статья, предлагающая системный обзор эволюции идей Лакана относительно стадии зеркала. В частности, там дан весь контекст возникновения лакановской теории — откуда и что им было заимствовано. Показано, как теория Лакана развивалась и что она может значить сегодня.

Haute P. van. Against Adaptation. Lacan's «Subversion of the Subject» / P. van Haute. — New York: Other Press, 2001. — 360 p.

Книга Филиппа ван Хойте — одно из лучших и самых доступных введений в Лакана. С одной стороны, это введение является обстоятельным, с другой — написано так, что его можно читать и понимать. В принципе, данная книга относится скорее к теме четвертой лекции. Я ее включил

в список использованной литературы для этого раздела из-за названия — «Против адаптации». Название как бы подчеркивает, что подход Лакана направлен не на адаптацию, не на усиление человеческого «Я» и его адаптированности к реальности.

Лекция 3

ТЕОРИЯ ЗНАКА. СИМВОЛИЧЕСКОЕ, РЕАЛЬНОЕ

Данная лекция будет посвящена двум оставшимся регистрам — регистру символического и регистру реального. Символический регистр был отчасти затронут в предшествующей лекции, когда я говорил про стадию зеркала, про то, что в поздней версии стадии зеркала символическое все больше выходит на первый план. В рамках данного раздела я бы хотел поговорить о том, что такое символическое, более подробно. В отличие от стадии зеркала, символическое — гораздо более непонятная и сложная тема.

Прежде чем переходить непосредственно к символическому регистру, я бы хотел немного рассказать про структурализм. Почему это необходимо? Потому что Лакан, когда развивал свои идеи о символическом, находился под сильным влиянием структурализма. Собственно говоря, некоторое время он был одним из ключевых представителей данного направления во Франции.

Структурализм — философское течение, которое начинает расцветать во Франции с конца 1940-х годов. Здесь особую роль сыграла публикация книги Клода Леви-Стросса «Элементарные структуры родства»,

которая вышла в 1949 году. 1950–1960-е годы — это период расцвета структурализма.

Структурализм возникает как реакция на другие философские подходы. В частности, как оппозиция гуманизму и экзистенциализму. И гуманизм, и экзистенциализм настаивали на человеческой свободе, на человеческой ответственности. В противовес этим экзистенциалистским, гуманистическим установкам, структурализм выдвигает совершенно другую идею. Структурализм говорит о значимости структур и о том, что человек определяется структурами. В частности, человек определяется тем местом, которое он занимает в структуре. И то, что с человеком происходит, соответственно, определяется тем, каким именно элементом и в какой именно структуре он является. В каких отношениях этот элемент находится с другими элементами, с какими элементами он может взаимодействовать, с какими элементами он не может взаимодействовать и так далее. То есть человек определяется структурами, символическими системами.

Это ключевая идея для Лакана, по крайней мере в средний период его творчества. Именно это я и собираюсь разбирать в рамках данной лекции. Однако перед этим необходимо сказать несколько слов о тех людях, на которых Лакан опирался и которые сформулировали важнейшие положения, которые впоследствии философ разовьет, привнесет в психоанализ и на основании них создаст свою уникальную концепцию — структуралистский психоанализ. В рамках этого структуралистского психоанализа он и сформулирует свой знаменитый тезис о том, что бессознательное структурировано как язык.

Первая фигура, которую следует упомянуть, — это Фердинанд де Соссюр (1857–1913), выдающийся швей-

царский ученый, занимавшийся лингвистикой. Он прежде всего известен своей работой «Курс общей лингвистики» (1916). Соссюр разработал очень важные для Лакана концепции. Во-первых, он разработал теорию знака, в частности, показал, что знак состоит из означаемого и означающего. Что это значит, я разберу ниже.

Кроме того, Соссюр обратил внимание на различение языка и речи. Если язык — это универсальная структура, лежащая в основании всех конкретных языков, некая общая система знаков и правил их объединяющих, где каждый знак зависит от другого знака и где структура определяет смысл каждого знака. А если перенести принцип устройства языка на общество в целом, на культуру, то структура определяет и смысл каждого элемента социальной структуры. Речь же, в отличие от языка, — это конкретные индивидуальные высказывания, которые можно делать, опираясь на эту универсальную языковую структуру.

Таким образом, есть общие принципы, по которым язык устроен, и есть конкретная речь, то есть конкретные высказывания. На основании универсальных принципов, по которым устроен язык, люди, которые языком владеют — или он владеет людьми, тут еще можно поспорить, — имеют возможность производить конкретные высказывания.

Вторая знаковая фигура, оказавшая влияние на Лакана, человек, у которого он позаимствовал целый ряд своих важнейших тезисов, — ученый русского происхождения Роман Якобсон (1896–1982). Якобсон разработал те понятия, которые, как мы позднее увидим, очень важны для лакановского подхода. Он разработал учение о метафоре и метонимии. Якобсон говорил о том, что язык устроен как бы по двум осям.

Первая ось — это ось селекции, то есть ось выбора слов, и это соответствует метафоре. Вторая ось — это ось комбинации слов, которой соответствует метонимия.

Что здесь имеется в виду. В частности, у самого Якобсона можно найти такой пример, который, с моей точки зрения, достаточно четко дает понять, о чем здесь идет речь.

Допустим, я хочу сказать фразу: «Папа плохо себя чувствует». Где здесь ось селекции? Ось селекции — это выбор слов. Например, я могу сказать слово «папа». Но я могу также сказать «родитель», «отец», «предок», «фазер», «папан» и т. д. То есть я в принципе могу выбрать огромное количество слов, каждое из которых может мне помочь передать то, что я хочу сказать. В зависимости от того, какие у меня могут быть предпочтения, я выберу то или иное слово. Это ось селекции.

Ту же самую ось селекции можно увидеть применительно к «плохо себя чувствует». Я могу сказать «болеет», «хворает», «слег», «давно не вставал». То есть можно придумать огромное количество разных слов, каждое из которых в принципе исполнит ту роль, которая мне нужна. То есть это ось селекции. Я подбираю те слова, которые мне нужны, из многочисленных вариантов.

Таким образом фраза «папа себя плохо чувствует» может быть передана миллионом способов. Я могу использовать самые разные слова в самых разных сочетаниях. И то, какие это слова, это и есть ось селекции, которому, как считал Роман Якобсон, соответствует метафора (об этом ниже).

Ось комбинаций уже несколько другая. Здесь мы уже соединяем слова. Мы не выбираем слова, мы их со-

единяем. Есть определенные правила, как эти слова соединяются: «папа плохо себя чувствует». Мы слово «папа» соединили со словом «плохо» и с ним слово «чувствует». Мы их соединили — и это уже комбинация, которая соответствует метонимии (об этом ниже).

Все это — важные для Лакана идеи в контексте его тезиса о том, что «бессознательное структурировано как язык». Потом мы увидим, как по этим осям выстраивается метафора, которой соответствует сгущение Фрейда, и метонимия, которой соответствует смещение Фрейда. Сгущение и смещение — это те принципы работы бессознательного, которые были выделены Фрейдом в работе «Толкование сновидений» (1900).

Наконец, третья важная фигура, которую необходимо упомянуть, — это французский антрополог Клод Леви-Стросс (1908–2009). Я уже неоднократно упоминал его книгу «Элементарные структуры родства» как начало эпохи расцвета структурализма во Франции.

Что сделал Леви-Стросс? По сути, Леви-Стросс применил лингвистику для изучения социальных структур — он показал, как структуры определяют реальность, например реальность человеческих отношений. В зависимости от того, какая перед нами структура родства и, соответственно, того, каким элементом этой структуры родства является субъект, будет зависеть то, в каких отношениях этот субъект находится с людьми вокруг него. Кто ему брат, отец, мать, кузен, кто ему еще кто-то. И, соответственно, то, что для него/нее возможно, и то, что для него/нее невозможно. Например, с кем субъект может заключать брачные союзы, а с кем — нет.

В рамках структуралистского видения мира структура определяет реальность. Структура переписывает реальность. Можно даже сказать, что структура

создает реальность. Реальность создается символическим.

Что имеется в виду под этим важным для Лакана тезисом о том, что реальность задается символически? Давайте посмотрим на символическую систему, которая в данном конкретном случае представляет собой обыкновенное расписание электричек (рисунок 11). Что тут происходит?

	ВЫХОДНЫЕ, В ДЕПО								
Станции / *Дни месяца*	*нчт*	*нчт*	*все*	*все*	*все*	*все*	*чт*	*чт*	*нчт*
Раменки	**5:56**		**10:46**	**14:46**	**18:34**	**21:30**	**0:15**	**0:34**	**0:55**
Ломоносовский проспект	**5:59**	**5:59**	**10:49**	**14:49**	**18:37**	**21:33**	**0:18**	**0:37**	**9:58**
Минская	**6:02**	**6:02**	**10:52**	**14:52**	**18:40**	**21:36**	**0:21**	**0:40**	**1:01**
Парк Победы (путь АПЛ)	**6:06**	**6:06**	**10:56**	**14:56**	**18:44**	**21:40**	**0:25**	**0:44**	**1:05**
Киевская	**6:10**	**6:10**	**11:00**	**15:00**	**18:48**	**21:44**	**0:29**	**0:48**	**1:09**
Смоленская	**6:12**	**6:12**	**11:02**	**15:02**	**18:50**	**21:46**	**0:31**	**0:50**	**1:11**
Арбатская	**6:14**	**6:14**	**11:04**	**15:04**	**18:52**	**21:48**	**0:33**	**0:52**	**1:13**
Площадь Революции	**6:16**	**6:16**	**11:06**	**15:06**	**18:54**	**21:30**	**0:35**	**0:54**	**1:15**
Курская	**6:20**	**6:20**	**11:10**	**15:10**	**18:58**	**21:34**	**0:39**	**0:58**	**1:19**
Бауманская	**6:23**	**6:23**	**11:13**	**15:13**	**19:01**	**21:57**	**0:42**	**0:01**	**1:22**
Электрозаводская	**6:26**	**6:26**	**11:16**	**15:16**	**19:04**	**22:00**	**0:45**	**0:04**	**1:25**
Семёновская	**6:28**	**6:28**	**11:18**	**15:18**	**19:06**	**22:02**	**0:47**	**0:06**	**1:27**
Партизанская	**6:31**	**6:31**	**11:21**	**15:21**	**19:09**	**22:05**	**0:50**	**0:09**	**1:30**

Рисунок 11. Расписание электричек

В этой системе есть определенные клеточки. Клеточки, которые занимают поезда. И при этом любой поезд, который от станции отъезжает в одиннадцать часов, автоматически становится одиннадцатичасовым поездом. При этом, если, например, расписание поменяется, то этот одиннадцатичасовой поезд станет, например, двенадцатичасовым поездом. Или станет десятичасовым поездом. То есть идентичность этого поезда будет определена тем местом в рамках символической системы, которую он занимает.

При этом парадоксальным образом этот элемент символической системы, этот символ, этот знак, в некотором смысле перечеркивает, упраздняет какие-то индивидуальные черты, которые есть у поезда. Например, можно себе представить, что в депо у нас десять поездов под соответствующими номерами — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10. Допустим, я начальник этого депо, и я ставлю поезд № 2 на одиннадцать часов. И этот поезд № 2 автоматически становится одиннадцатичасовым. Но, допустим, на следующий день я ставлю поезд № 5 на это время, и он тут же превращается в одиннадцатичасовой поезд. То есть он тут же становится точно таким же одиннадцатичасовым поездом, как вчера, хотя это два совершенно разных поезда. И пассажир, который на этом одиннадцатичасовом поезде едет, для него, по большому счету, это один и тот же поезд.

Поезд определяется не какими-то своими уникальными особенностями, не тем, что мы бы назвали воображаемым этого поезда, но местом этого поезда в символической системе. И один и тот же поезд, если его пустить в одиннадцать часов, станет одиннадцатичасовым поездом, а если его пустить в восемь часов, то он станет восьмичасовым поездом. А если тот поезд, который должен был идти в восемь часов, убрать, а вместо него поставить совсем другой поезд на те же самые восемь часов, то этот совсем другой поезд тут же превратиться опять же в восьмичасовой поезд.

То есть какие-то индивидуальные различия этих поездов — физические различия, какие-то внешние различия, их уникальность, особость — будут исчезать, потому что они будут прикрепляться к определенным элементам в рамках символической системы

и, соответственно, уже жить по законам этой символической системы. Быть одиннадцатичасовым поездом, а не двенадцатичасовым поездом. Быть восьмичасовым поездом, а не девятичасовым поездом. Быть поездом на Рязань или быть поездом на Воронеж.

Например, восьмичасовой поезд на Воронеж. И неважно, это поезд под номером 1, 2, 3, 4 — любой поезд, сколько бы у нас поездов ни было в депо. Какой бы поезд мы не выбрали и не поставили, он бы все равно тут же превратился бы в тот самый восьмичасовой поезд на Воронеж или в восьмичасовой поезд на Рязань, в зависимости от того, какая эта символическая система и к какому конкретному элементу этот конкретный поезд прикрепляется.

Но как символическое может создавать реальность? Разве реальность — это не то, что существует само по себе? С точки зрения структурализма — нет. Нет никакой реальности самой по себе. То, что мы считаем реальностью, задается символически. Упорядочивается, создается некоторой символической системой, которую мы на эту реальность набрасываем, как бы создавая ее.

Например, мужчина и женщина. В принципе, никаких в реальности мужчин-мужчин и женщин-женщин не существует. Это идеальные типы. Есть некоторый континуум. Одни ближе к этому идеальному типу, другие ближе к другому идеальному типу. Но в принципе, каждый находится где-то на этом континууме. Но задавая такую символическую систему, где есть только два варианта — или мужчина, или женщина, мы в некотором смысле создаем реальность. Ту реальность, под которую затем все субъекты вынуждены подстраиваться, — ты или мужчина, или женщина. Здесь именно символическое создает

реальность. Не описывает реальность, а именно создает реальность.

Сегодня мы видим, как эта символизация начинает в некоторых контекстах ломаться. То есть появляются огромное количество еще каких-то промежуточных идентичностей, в которых человек может себя познать, с которыми он может себя идентифицировать, отождествить. То есть на этом континууме появляются какие-то новые отметки. И можно спросить: а какая именно классификация является реальностью самой по себе — там, где только две отметки, или там, где пять отметок — мужчина, женщина и еще, допустим, три или тридцать каких-то промежуточных звеньев. Какая из этих классификаций, какая из этих символических систем, структур больше соответствует реальности?

В принципе, можно сказать, что никакая. Это просто разные способы того, как символическое творит эту реальность. И в некотором смысле можно сказать, что без символического переписывания реальности никакой реальности нет. По крайней мере, для человека. Мы символические существа. Мы живем внутри символических систем, которые как раз и задают нашу реальность.

То же самое поясняется и на других примерах. Например, можно представить себе человека, который пошел учиться на сомелье, то есть человека, который разбирается — или якобы разбирается — во вкусах вина. Для того чтобы быть сомелье, надо сначала освоить некую новую символическую систему, которая бы размечала вкус этого самого вина. У обычного человека размечание этого вкуса сводится, допустим, к двум элементам — оно кислое, например, или сладкое.

Но люди, которые учатся на сомелье, осваивают двадцать–тридцать новых понятий, обозначающих вкус. И опять можно спросить: какая именно классификация точнее описывает реальность? Та, в которой есть только два элемента, или та, в которой есть тридцать элементов? Можно сказать, что это та, в которой тридцать элементов. Но тогда можно спросить, а почему не сорок элементов? Почему не пятьдесят элементов?

Любая классификация, любая символическая система не столько описывает реальность, сколько ее создает. Символическое создает реальность, и любая человеческая реальность носит символический характер.

Абсолютно то же самое у нас получится, если мы, например, зададимся вопросом о структурах родства. Например, я рождаюсь и, если я мальчик, становлюсь сыном. То есть я уже становлюсь определенным элементом внутри существующей структуры родства. Соответственно, если я сын, у меня есть, допустим, мать. Значит, у меня, возможно, есть брат или сестра или, например, отец. Но, опять же, все будет зависеть от того, какая именно это структура родства. То есть элементом какой конкретно структуры, какой конкретно символической системы я являюсь.

Допустим, если это понятная, знакомая нам структура, то тогда там будут мама, папа. А если, например, это структура родства, отличная от нашей, то там, как я говорил в первой лекции, папы может не быть. А роль мужской фигуры будет выполнять брат матери — дядя. То есть это уже совершенно другая структура родства и другие отношения.

Здесь принципиально не просто то, что есть некоторая структура, а то, что каждый элемент этой

структуры не существует сам по себе. Он определяется своими отношениями с другими элементами. То есть смысл данного конкретного элемента вытекает из его отношений со всеми другими элементами. То есть я могу быть сыном только там, где я могу различить, отличить себя от того, кто сыном не является. Кто является, например, дочерью, или кто является моим двоюродным братом, или троюродным дядей. Или кто вообще не является членом моей семьи.

То есть возникает символическая реальность, в которой у меня есть определенная прописка. Прописка, которая дается мне с момента рождения. Я сразу помещаюсь в определенную структуру, где я нахожусь в отношениях с другими элементами этой структуры, где на меня распространяются определенные правила, которые касаются регулирования отношений между элементами этой структуры. Кто мне ближе, кто мне дальше, с кем я могу сближаться, а с кем не могу, кто часть моего круга, а кто нет, с кем я могу что-то делать, а с кем не могу что-то делать. В зависимости от того, какой элемент структуры я занимаю, это определяет меня, мое движение, мое существование, что мне можно, что нельзя. И попадая в структуру, субъект тут же сталкивается с идеалами Большого Другого: его ожидания от субъекта, его надежды, связываемые с субъектом. Например, ребенок, который рождается в семье династии врачей, уже попадает в систему, где на него проецируются определенные идеалы, с которыми ему всю жизнь придется иметь дело.

Символическое создает реальность. И это действительно такая, можно сказать, почти магическая способ-

ность символической системы и элементов этой символической системы. Казалось бы, вот два человека стоят рядом. С точки зрения их физического облика, они ничем друг от друга не отличаются. Но тем не менее они оба вписаны в определенную символическую систему. И уже оказывается, что один, например, сын очень знатного отца, а второй — сын раба. То есть два человека, неотличимых друг от друга, стоящих рядом друг с другом в физическом пространстве, в символической реальности находятся друг от друга на недосягаемом расстоянии. Они вписаны в символическую систему, жестко определяющую характер их взаимодействия.

Но для того, кто не имеет способности считывать символическую реальность, для него совершенно не понятно, почему одному оказываются почести, а ко второму обращаются с таким пренебрежением. И поэтому, например, животные, у которых нет совершенно никакого доступа в эту символическую реальность, могут абсолютно равно относиться что к одному, что к другому — безотносительно того, какое именно место в этой самой структуре, в этой самой символической системе занимает тот или иной индивид.

Еще один пример того, как символическое создает реальность и как реальность исписана символическим, можно найти в работе самого Лакана, в частности в его тексте «Инстанция буквы, или Судьба разума после Фрейда»[1], где он приводит картинку с двумя туалетами (рисунок 12).

---

[1] *Лакан Ж.* Инстанция буквы, или Судьба разума после Фрейда / Пер. с фр. А. К. Черноглазова, М. А. Титовой (Значение фаллоса). М.: Русское феноменологическое общество / Логос, 1997.

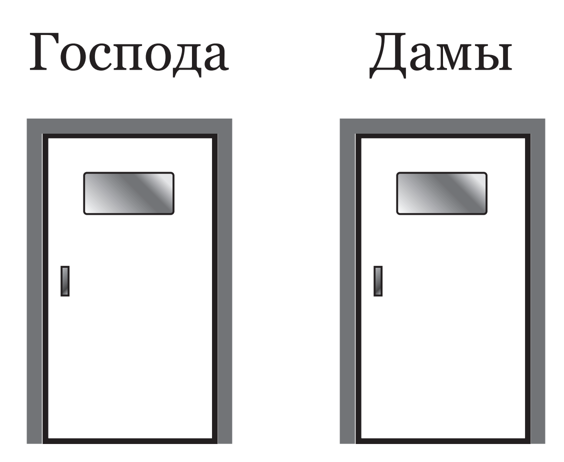


Рисунок 12. Иллюстрация с двумя дверьми[1]

Что мы видим? Две абсолютно одинаковые двери и над одной из них написано «господа», а над другой — «дамы». То есть что получается? Есть некая физическая реальность — две абсолютно одинаковые двери, за которыми находятся две абсолютно одинаковые комнаты, которые по своим физическим свойствам вообще друг от друга не отличаются. Они абсолютно идентичны. Но достаточно над одной дверью повесить значок «мужчина» или слово «мужчина», а над другой повесить значок «женщина» или слово «женщина», как тут же эти две совершенно одинаковые двери, две совершенно одинаковые комнаты преображаются. То есть физически в них ничего не изменилось, но они преобразились. Одна комната стала мужским туалетом, другая комната стала женским туалетом. Две эти комнаты как бы оказались вписаны в некоторую символическую систему. Они оказались подчинены целому ряду правил. И уже стали в некотором

---

[1] *Лакан Ж.* Инстанция буквы, или Судьба разума после Фрейда. С. 59.

смысле не совместимы между собой. То есть приобрели какое-то совершенно новое качество, какие-то совершенно новые свойства. И уже в одну, например, дверь кому-то можно зайти, а кому-то нельзя. И, соответственно, наоборот. Тот, кто может зайти во вторую дверь, уже в первую дверь не зайдет.

Более того, если эти таблички с этих дверей перевесить на какие-то другие двери, то внезапно данные конкретные двери и данные конкретные комнаты тут же потеряют свои новоприобретенные свойства, хотя ничего физически в этих комнатах не изменится. А если эти таблички опять вернуть, то опять мгновенным образом эти двери и комнаты, которые за ними находятся, преобразуются. То есть они как будто бы будут снова вписаны в эту самую символическую реальность.

У Лакана, в том месте, где он эту картинку приводит, есть описание эпизода про то, как «подходит к вокзалу поезд. В одном из купе, друг против друга, сидят мальчик и девочка, глядя в окошко на расположенные вдоль перрона здания. “Смотри, — говорит мальчик, — мы приехали в Дамы”. — “Дурень, — отвечает сестренка, — ты что, не видишь, это мы приехали в Господа?”»[1] Дальше Лакан через несколько страниц ехидно добавляет: «Господа и дамы станут для этих детей двумя родинами, к которым окрыленно устремятся их души и примирить которые им тем более не удастся»[2]. То есть мальчик зайдет через одну дверь, девочка зайдет через другую дверь. Мальчик свяжет себя с одним знаком (означающим), девочка свяжет себя с другим знаком (означающим), и это по-

---

[1] *Лакан Ж.* Инстанция буквы, или Судьба разума после Фрейда. С. 60.

[2] Там же.

местит их в определенную систему отношений, которая определит их судьбу[1].

Поняв это, можно двигаться дальше и переходить к разговору о тех элементах, из которых состоит символическая система, о тех элементах, из которых состоит символическое. Для того чтобы понять это, необходимо сначала выяснить, что такое знак, необходимо разобрать теорию знака. Я начну с теории знака Соссюра, потому что Лакан опирался на Соссюра и его собственные идеи о знаке были переосмыслением именно данного подхода.

Что такое знает? Знак — это то, что занимает место чего-то. Что является указанием на что-то. Если я, например, хочу указать на собаку, то я могу принести живую собаку и указать на нее, но я же могу заменить эту собаку неким знаком, который будет репрезентировать эту собаку в отсутствии самой этой собаки. Как устроен знак, согласно Соссюру (рисунок 13)? Например, языковой знак. Он состоит из двух принципиальных элементов — из означающего и означаемого, которые, в свою очередь, соединившись, отсылают к тому, на что этот знак указывает. В частности, на некий референт, то есть на некоторый объект внешнего мира, который с помощью этого знака обозначается.

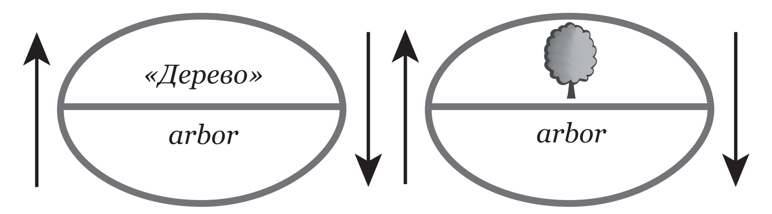


Рисунок 13. Знак согласно Соссюру

[1] См. об этом лекцию 4, там в том числе речь кратко пойдет о сексуации.

Что это за два элемента — означающее и означаемое? Что такое означаемое? Означаемое — это идея, концепт, это то, что именно, какую именно идею этот знак передает. Что такое означающее? Это материальная форма знака. Это, если говорить, например, об устном слове, том слове, которое я говорю, это само звучание этого слова. То есть как бы материальная форма этого слова, его акустический образ.

Допустим, у нас есть слово «собака». Собака — это знак, с помощью которого мы указываем на некое животное с хвостом. Мы на него показываем пальцем и говорим: «Собака». Собака — это, соответственно, знак. Где в этом знаке означающее, где в этом знаке означаемое?

Означаемое, очевидно, это некое животное с определенными признаками, то есть та идея собаки, которая возникает у нас в голове, когда мы думаем о собаке, когда мы произносим слово «собака». Это означаемое. А что такое означающее? Означающее — это материальная форма этого знака. То есть, если я говорю слово «собака», то означающее тут — это само звучание этих букв, то есть звуки «со-ба-ка». Это материальная форма или акустический образ. Если я пишу слово «собака» на доске, то означающее тут — сами буквы в их материальности. Эти буквы — буквальные объекты, то есть их можно даже потрогать.

Согласно Соссюру, в знаке главное — означаемое. То есть главное — это идея, концепт. А означающее — это что-то вторичное.

Лакан, когда заимствует соссюровскую теорию знака, внешне сохраняет структуру знака, однако он ее существенно трансформирует (рисунок 14) — буквально переворачивает. На рисунке 14 видно,

что если у Соссюра означаемое находится наверху, а означающее находится внизу, под чертой, то у Лакана — совершенно обратная последовательность. Наверху, над чертой находится означающее, а означаемое, соответственно, находится под этой самой чертой. То есть, если у Соссюра означаемое, то есть смысл — главнее, а означающее как бы вторично, то у Лакана ситуация прямо противоположная. Означающее доминирует над означаемым. Означающее главнее, чем означаемое. Соответственно, означающему в лакановском психоанализе уделяется гораздо больше внимания, чем означаемому.

$$\text{Saussure} : S = \frac{\text{signifié (означаемое)}}{\text{signifiant (означающее)}} \qquad \text{Lacan} : S = \frac{\text{signifiant (означающее)}}{\text{signifié (означаемое)}}$$

Рисунок 14. Знак у Соссюра (слева) и знак у Лакана (справа)

Соответственно, формула для описания знака (рисунок 15) выглядит как: S большое над чертой, а под чертой — s маленькое. S большое — это как раз обозначение означающего, а s маленькое — обозначение означаемого.

$$\frac{S}{s}$$

Рисунок 15. Формула знака у Лакана

На что еще обратил внимание Лакан, когда размышлял об означающих? Он обратил внимание на то, что означающие скорее связаны друг с другом, нежели чем с означаемыми. То есть та черта, которая разделяет

означающее и означаемое, $\frac{S}{s}$, это не просто нечто малозначимое, что-то такое, что мы добавляем просто для того, чтобы на бумаге как бы для большей иллюстративности отделить одно от другого. Это действительно некоторый барьер, который не так-то просто преодолеть. Одно означающее отсылает скорее к другому означающему, чем к означаемому. Означающее и означаемое можно представить как два потока, которые движутся до определенной степени независимо друг от друга.

То есть, когда я говорю, когда я произношу какие-то звуки, то есть использую эти самые означающие, то под этими означающими происходит некое движение означаемых — происходит их скольжение друг по отношению к другу. И эти два потока вовсе необязательно всегда соотнесены друг с другом. До определенной степени можно говорить о свободе означающих по отношению к означаемым. Мы не можем говорить о том, что в рамках знака означающее навечно, навсегда как бы неким суперклеем приклеено к какому-то фиксированному означаемому (в лакановской логике подобная приклееность — маркер психотической речи). Нет. Если соссюровский знак был спаян (на рисунке 13 он обведен внешними границами, подчеркивающими его спаянность), то лакановский знак лишается подобной монолитности, это всегда знак как бы на грани распада, где каждый элемент связан с системой других элементов своего потока (поэтому на рисунке лакановский знак лишен внешних границ, отграничивающих его от других знаков и подчеркивающих его цельность).

Чтобы это понять, можно привести простейшие примеры. Например, давайте возьмем означающее

«звезда». Есть означающее «звезда». Есть ли у этого означающего какое-то фиксируемое означаемое? В принципе нет. Если я скажу слово «звезда» сейчас и попрошу вас сказать, какое означаемое, какую идею, какой концепт передается с помощью означающего «звезда», то, я думаю, что вы не сможете дать один правильный ответ на этот вопрос.

Потому что, как видно на рисунке 16, любое означающее в принципе может быть связано с огромным количеством означаемых. И наоборот. Какие означаемые могут быть у означающего «звезда»? Например, небесный объект, конкретная звезда на небе — один вариант. Другой вариант — популярный человек, которого все знают. Третий вариант — обозначение некоторого состояния, когда человек зазнался. Такое состояние внутренней психологической прелести. «Звезда» еще может быть в том смысле, когда человека сильно ударили по голове, у него как бы звезды перед глазами, он какую-то звезду видит. В мультфильмах так часто бывает: персонажа бьют по голове и у него звезды вокруг глаз плывут.

То есть есть означающее, оно одно и то же, но у него множество означаемых. И понять, с каким именно означаемым это означающее связано в данный конкретный момент в живой речи, зачастую так просто невозможно.

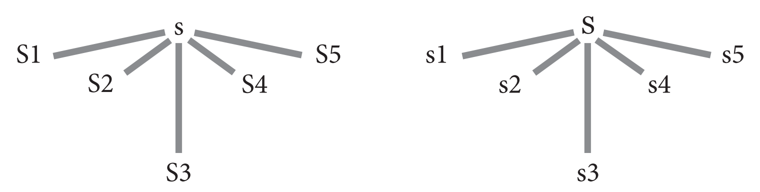


Рисунок 16. Связь одного означаемого с множеством означающих (слева) и наоборот (справа)

Соответственно, обратное точно так же верно. Можем себе представить, что одно и то же означаемое можно передать с помощью множества означающих. То есть некоторую идею, некоторый концепт я могу передать с помощью самых разных означаемых. То есть если я, например, хочу сказать о каком-то знаменитом человеке, которого все знают, на которого все обращают внимание, то я могу использовать для вот этого означаемого целый ряд означающих. Могу сказать «звезда», «знаменитость», «селебрити», «селеб». То есть в принципе могу подобрать достаточно большое количество разных означающих, которые более-менее будут передавать то самое означаемое, которое я хочу выразить.

Подведем некоторый итог: с точки зрения лакановского подхода, означающее и означаемое не связаны между собой неразрывно. В некотором смысле это как будто бы два порядка, которые до определенной степени существуют независимо друг по отношению к другу. Как будто бы это два потока. С одной стороны, поток означающих, которые связаны между собой, одно означающее отсылает к другому означающему. А с другой стороны, под этой чертой находится означаемое, то есть смысл, который тоже в некотором смысле движется свободно от означающих или нежестко привязанным к этим самым означающим.

Тут можно задаться вопросом: неужели потоки означающих и означаемых совсем никак друг с другом не связаны? Неужели речь идет о каком-то бесконтрольном скольжении означаемого под означающим? Безусловно, нет. Если бы все обстояло именно так, то мы бы имели дело с бредом. С бредом, где означающие существуют отдельно от означаемых. Там, где речь существует отдельно от смысла этой речи. Соот-

ветственно, отличие бреда от осмысленной речи заключается в том, что в этой последней присутствует то, что Лакан называл точками пристежки (рисунок 17).

Рисунок 17. Точка пристежки[1]

Точку пристежки можно представить через образ обитого кожей дивана. Вот есть диван, обитый кожей. Но эта кожа прицеплена к дивану не везде, но лишь в определенных местах — в этих местах она прицеплена такими пуговицами, защепками, благодаря которым диван становится чем-то единым с кожей, она не просто лежит на нем отдельно. Соответственно, этот образ Лакан переносит и в свою рефлексию относительно того, как выстроено символическое.

В этом скольжении двух уровней, двух потоков — потока означающих и потока означаемых — в определенных местах возникают эти самые точки пристежки, то есть то, что соединяет означающее с означаемым или фиксирует смысл. То есть нам становится понятным, о чем идет речь. Сначала мы не понимаем смысл речи, но как только эта точка пристежки возникает, мы тут же начинаем понимать этот смысл. Означающие соединяются с означаемыми.

---

[1] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 94.

Можно снова привести пример с той же самой звездой. Допустим, я рассказываю кому-то или кто-то слышит обрывок моей речи. Я говорю: «Вчера я видел звезду, и она так меня манит, и я хотел бы ее снова увидеть, я хотел бы к ней прикоснуться, я хотел бы… Завтра я обязательно снова пойду, может быть, у меня будет шанс на нее посмотреть». Если брать этот обрывок речи, то так в принципе до конца и не понятно, о чем речь.

Для того, чтобы смысл появился, должна возникнуть точка пристежки, то есть какое-то означающее, которое будет играть роль этой самой точки пристежки. То, что соединит одно с другим, — поток означающих с потоком означаемых. В зависимости от того, какое это будет означающее, смысл будет меняться.

Например, если я в этом потоке речи использую означающее «обсерватория», то смысл сразу станет фиксированным. Сразу станет понятно, о чем идет речь: я сходил в обсерваторию, в телескоп увидел звезду, и так меня это зрелище поразило, что я хожу под впечатлением и завтра обязательно снова пойду. Совершенно другой смысл будет зафиксирован, если я произнесу слово, например, Монеточка. Сразу станет понятно, что я говорю о звезде в совершенно другом смысле. Что я ходил на концерт, видел там популярную исполнительницу, и так она меня поразила, что я хожу и делюсь своими впечатлениями и, вообще, завтра снова пойду.

Появление точки пристежки фиксирует смысл. До того, как она появилась, можно только гадать, о чем идет речь. Так часто бывает, например, если в общественном транспорте случайно подслушать разговор соседей. Они могут говорить о каких-то вещах и, слушая обрывок этого разговора, в голове начинают возникать

всякие непонятные и порой пугающие картины, образы — и вообще не знаешь, о чем идет речь. А потом кто-то из собеседников произносит какое-то ключевое означающее, вводит точку пристежки, и сразу становится все понятно. Например, оказывается, что это хирурги едут и обсуждают операцию. Или кто-то фильм пересказывал. Или еще что-то.

А бывает так, что обрывок разговора так никогда и не проясняется — и ты выходишь на своей остановке, так и не поняв, о чем шла речь. То есть поток означающих с потоком означаемых не соединился. Получается речь, лишенная для тебя смысла, потому что не прозвучала эта самая точка пристежки. Не произошло этого самого соединения. Не был зафиксирован смысл.

Теперь, разобрав базовые идеи, можно непосредственно перейти к разбору того, как Лакан понимал бессознательное. В частности, нам предстоит расшифровать знаковый лакановский афоризм: бессознательное структурировано как язык. Что это значит?

Начнем с вопроса о том, с каким пониманием бессознательного Лакан порывает? Если открыть его работу «Инстанция буквы», то практически в самом начале он пишет: «По ту сторону речи, в бессознательном, психоаналитический опыт обнаруживает цельную языковую структуру». И дальше он продолжает: «Представление о бессознательном как некоем седалище инстинктов придется, возможно, пересмотреть»[1]. По сути, Лакан отказывается от широко распространенной концепции, согласно которой в бессознательном находятся некие инстинкты/влечения.

---

[1] *Лакан Ж.* Инстанция буквы, или Судьба разума после Фрейда. С. 60.

По мнению Лакана, психоаналитический опыт обнаруживает в бессознательном языковую структуру. То есть бессознательное состоит не из инстинктов, а из неких языковых структур. Надо сказать, что эти идеи Лакана, с одной стороны, были достаточно новаторскими для психоанализа. Но с другой стороны, можно обратить внимание на то, что у самого Фрейда в его работах есть похожие рассуждения: рассуждения, которые указывают именно в этом направлении.

В знаменитой статье Фрейда «О бессознательном» 1915 года есть фрагмент, где Фрейд рассуждает о вытеснении. Он рассуждает о том, что может вытесняться и что, соответственно, может находиться в бессознательном. В частности, Фрейд задается вопросом о том, возможно ли бессознательное влечение? Возможен ли бессознательный аффект? И приходит к выводу, что, наверное, все же нет. Он пишет: «В бессознательном влечение может быть отражено не иначе как при помощи представления. Если бы влечение не связывалось с каким-нибудь представлением и не проявлялось как состояние аффекта, то мы не могли бы о нем ничего знать. И если мы все-таки говорим о бессознательном влечении или о вытесненном влечении, то это только безобидная небрежность выражения. Под этим мы можем понимать только такое влечение, которое отражено в психике бессознательным представлением, и ничего другого под этим не подразумевается»[1].

То есть нет никакого бессознательного влечения. Нет никакого вытесненного влечения. А что вытесняется и что помещается в бессознательное? В бессознательное помещается представление, то есть — есть

[1] *Фрейд З.* Бессознательное (1915) / Режим доступа: https://psychic.ru/articles/classic01.htm.

некий аффект, некое переживание, некое влечение, которое для того, чтобы мы о нем имели какое-то представление, должно быть как-то представлено. Должно быть некое представление влечения, благодаря которому мы, собственно говоря, только о нем и узнаем. И когда происходит вытеснение, то происходит как бы разрывание связи между этим самым влечением, аффектом и его представлением. Это самое представление уходит в бессознательное. И, соответственно, за счет этого разрыва это влечение, этот аффект может существовать как бы анонимно, инкогнито, в неузнанном виде. Он может проявляться в симптомах, в каких-то непонятных и не расшифровываемых для самого субъекта форматах. Потому что влечение отсоединилось от своего представления. Это представление оказалось бессознательным.

То есть, согласно этой цитате Фрейда, в бессознательном находится не влечение, не какие-то переживания, не аффекты, а представления этих влечений, представления этих аффектов.

Как считал Лакан, даже то понятие, которое Фрейд использовал для того, чтобы передать вот эту идею представления, репрезентации влечения, аффекта, свидетельствует о том, что Фрейд в принципе понимал бессознательное так же, как его пытался понимать Лакан. Какое понятие использовал Фрейд для того, чтобы передать эту идею представления влечения? Он использовал понятие *Vorstellungsrepräsentanz*. На разные языки это понятие переводилось по-разному — на английский оно переводилось как *ideational representative*, то есть «идейная репрезентация». На французский переводилось как *représentant-représentation*. Лакан переводил этот термин как *représentant de la représentation*, то есть репрезентация репрезентации. Здесь принципиально именно вот это удвое-

ние в словах — не просто репрезентация, но репрезентация репрезентации. Кстати, в русском переводе этот смысловой нюанс оказывается потерянным: *Vorstellungsrepräsentanz* переводится просто как «представление».

Но почему недостаточно просто сказать «представление влечения» или «представление аффекта»? Зачем нужно это самое удвоение? Какой дополнительный смысл оно привносит? Этот дополнительный смысл становится понятным, если вспомнить приведенную выше структуру знака по Лакану. Мы видим в нем как раз два элемента — означающее и означаемое.

Соответственно, что такое означающее в данном контексте? Это репрезентация, представление. Чего? Некой идеи, которая, в свою очередь, является репрезентацией вот этого самого влечения или аффекта. То есть, если помнить про знак как состоящий из двух элементов, то в таком случае наше удвоение становится понятным. Репрезентация репрезентации — это означающее. То есть в самом понятии Фрейда *Vorstellungsrepräsentanz* содержится намек на то, что в бессознательном находятся означающие. Не означаемое, не сам аффект, а именно означающее, то есть репрезентация репрезентаций.

Например, есть грусть. С одной стороны, это аффект — переживание, грусть. С другой стороны, можно говорить о знаке, который этот аффект обозначает. И в рамках этого знака можно говорить об означающем и означаемом. Означаемое — это идея того, что значит грустить. А означающее — непосредственно само слово, сама его материальная форма, то, как это слово звучит, непосредственное сочетание букв и звуков. Чтобы понять, что я грущу, мне необходимо найти необходимые означающие,

которые могли бы эту грусть выразить. В противном случае этот аффект останется анонимным — не подлежащим расшифровке.

С точки зрения Лакана, в бессознательном находятся именно означающие — то есть ровно то, что Фрейд и имел в виду, когда использовал такое странное понятие, как *Vorstellungsrepräsentanz*. Просто Фрейд писал тогда, когда структурная лингвистика еще не была настолько развита, и еще никто не догадался применить ее к психоанализу. Фрейд, будучи гением, смутно догадывался относительно того, что там на самом деле происходит. И только после того, как была разработана структурная лингвистика, после того как была разработана теория знака, интуиции Фрейда оказалось возможным выразить в более правильном, полном и исчерпывающем виде. Что, собственно говоря, и сделал Лакан.

Итак, бессознательное состоит из означающих, с которыми что-то в этом бессознательном происходит. Но что именно? Для ответа на этот вопрос необходимо вернуться к загадочному выражению Лакана: бессознательное структурировано как язык. А как, в свою очередь, структурирован язык? Поняв, как структурирован язык, можно понять и как структурировано бессознательное, и что в нем происходит.

Лакан обращается к творчеству Романа Якобсона, о котором я упоминал выше. Речь идет о двух осях языка, что, в свою очередь, есть развитие идей Соссюра о различении языка и речи. Соответственно, есть ось речи, которая называется синтагматической осью, и есть ось языка, которая называется парадигматической осью (рисунок 18).

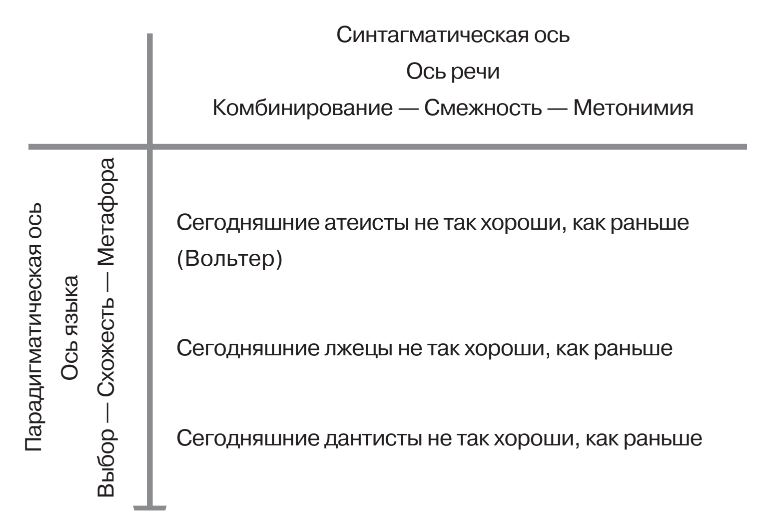


Рисунок 18. Парадигматическая и синтагматическая оси[1]

Ось речи, горизонтальная ось, также может быть названа осью комбинации слов, смежности между словами или метонимией. А, соответственно, метафорическая ось, вертикальная, это ось выбора слов, подобия между словами и, соответственно, метафоры. Простой и убедительный пример был приведен мной выше — если я хочу сказать фразу «папа болен», то я могу по оси парадигматической выбрать любое слово, описывающее «папу», — «папа», «отец», «предок», «родитель». И то же самое, выбрать любое слово, описывающее «болен», — «плохо себя чувствует», «хворает» и так далее. И дальше я их могу совместить друг с другом. Это совмещение уже будет осью комбинирования.

Соответственно, на рисунке 18 даны несколько фраз. У них одинаковая структура, но просто использованы разные слова. В первой фразе написано: «Сегодняшние

[1] *Dor J.* Introduction to the Reading of Lacan. Other Press, 2013. P. 33.

атеисты не так хороши, как раньше». Дальше фраза с точно такой же структурой, просто там слово «атеисты» заменено на «лжецы» или на «дантисты» (как в самой нижней фразе). То есть мы выбираем то слово, которое хотим сказать. Если мы говорим про атеистов, мы говорим «атеисты». Если мы хотим сказать про лжецов, мы говорим «лжецы». Если мы хотим сказать про этих самых дантистов, мы говорим «дантисты». То есть мы выбираем то слово, которое нам нужно, которое нам подходит. А дальше мы уже комбинируем это слово с другими словами для того, чтобы выразить тот смысл, который мы хотим выразить.

С точки зрения Лакана и его подхода, принципиальным являются два понятия из этого рисунка. Они принципиальны, если мы хотим понять, что происходит в бессознательном.

Первое понятие — метонимия, второе понятие — метафора. Соответственно, ниже я буду разбирать, что такое метонимия и что такое метафора. А также то, почему метонимия относится именно к синтагматической оси, к оси, которая касается комбинирования слов, смежности между словами. А, соответственно, ось метафоры касается выбора слов и схожести между словами.

Сначала разберем, что такое метафора. Метафора — это такой прием, который мы можем использовать в речи для того, чтобы вместо одного слова использовать другое. Например, я могу сказать «он дрался храбро». Но я могу также сказать, «он дрался как лев». В данном случае «дрался как лев» — это метафора «дрался храбро». Вместо слова «храбро» мы используем слово «лев» — то есть заменяем одно слово другим. В метафоре принципиально то, что одно слово заменяет другое, причем эти два слова в принципе никак

друг с другом не связаны. То есть это слова из абсолютно разных сфер. И они соединены только через какое-то подобие, через какую-то связь, схожесть, которую мы между этими словами обнаруживаем.

И в качестве примера метафоры, относящейся к истории психоанализа, можно вспомнить те самые знаменитые слова, которые Фрейд сказал Юнгу и которые Юнг передал Лакану. А Лакан передал эти слова всем нам. Когда Фрейд с Юнгом причаливали к Америке, первый сказал: «Мы принесли в эти края чуму». Фрейд мог сказать: «Мы принесли в эти края психоанализ», но вместо этого он сказал: «Мы принесли в эти края чуму». То есть в данном случае он использовал слово «чума» как метафору слова «психоанализ».

Давайте разберем, что в данном случае произошло. У нас есть первый знак — «психоанализ». Этот знак мы, в соответствии с лакановской теорией знака, можем разбить на две составляющие — на акустический образ, то есть на материальную форму, на само слово «психоанализ», на звучание слова «пси-хо-анализ». Абстрагируйтесь совершенно от смысла и просто воспринимайте это слово как какой-то материальный объект — «психоанализ». Это означающее (S1).

Дальше — см. рисунок 19 — под чертой находится означаемое. Означаемое — это идея психоанализа (s1), что мы имеем в виду, когда используем этот акустический образ «психоанализ». То есть это идея, которая соответствует акустическому образу.

И у нас есть второй знак — «чума». Опять же, у нас есть акустический образ — «чума» (S2), и у нас есть та идея, тот концепт, который выражается этим означающим. То есть означающее «чума» и означаемое — идея чумы (s2).

Что происходит в метафоре? В метафоре два этих знака соединяются. Знак «психоанализ» и знак «чума» соединяются вместе. Возникает третий знак, который сочетает в себе первые два. При этом из получившегося нагромождения что-то исчезает. Исчезает s2. Что такое s2? Это идея чумы.

То есть в третьем получившемся знаке S2 («чума») становится означающим (см. рисунок 20). Но означаемым «чумы» становится знак «психоанализ». То есть я говорю «чума», но имею в виду «психоанализ» в смысле психоанализа, идеи психоанализа. В получившейся метафоре означающее «чума» как бы выбивает означающее «психоанализ» — и психоанализ оказывается под чертой. Психоанализ оказывается тем, что подразумевается в рамках метафоры.

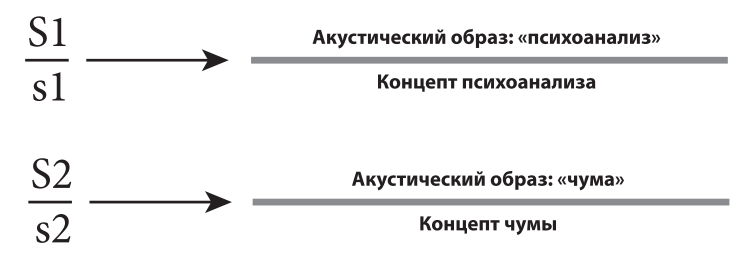


Рисунок 19. Структура знаков «психоанализ» и «чума»[1]

Я сказал, что в третьем получившемся знаке исчезает означаемое второго знака. Почему исчезает s2? Оно исчезает, так как когда Фрейд говорит, что мы привезли в Америку «чуму», он же не имеет в виду в буквальном смысле, что мы привезли в Америку смертельную болезнь, которая всех тут убьет. Если бы он такое имел

[1] *Dor J.* Introduction to the Reading of Lacan. Other Press, 2013. P. 46.

в виду, то, во-первых, он вряд ли бы стал с кем-то этим делиться, а во-вторых, мы, конечно, имели бы совсем другую историю Америки. То есть идею чумы в данном случае мы можем удалить, ее больше нет. Ее место занимает психоанализ, знак психоанализа.

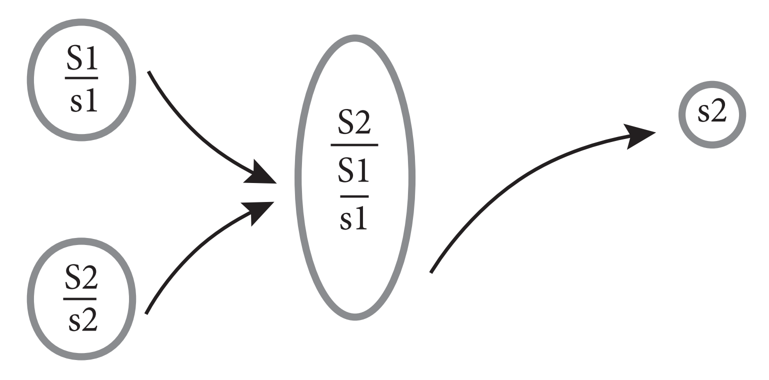


Рисунок 20. Формула метафоры[1]

Таким образом, в рамках получившегося метафорического знака у нас есть чума в качестве означающего, а означаемым становится психоанализ. Говорим «чума», имеем в виду «психоанализ». То есть одно слово заменено другим. Было одно слово, которое по каким-то причинам оказалось неуместным, неугодным. И оно было заменено другим словом, по принципу метафоры, по принципу сходства между словами из абсолютно разных сфер. Там, где было слово «психоанализ», там теперь стало слово «чума». Означаемое «чумы» исчезло. А сам «психоанализ» и означаемое «психоанализа» оказался как бы означаемым «чумы». Это метафора.

Теперь можно идти дальше и спрашивать о том, что такое метонимия. В принципе, метонимия похожа

---

[1] *Dor J.* Introduction to the Reading of Lacan. Other Press, 2013. P. 46.

на метафору, потому что она тоже касается подбора слов. Но в случае с метонимией, в отличие от метафоры, слова соединяются или заменяют друг друга не через их схожесть, подобие, а через их смежность. То есть это слова, которые находятся в едином смысловом ряду. Они смежны друг другу.

В качестве примера можно привести слова «анализ» и «кушетка». Я могу сказать: «Я прохожу анализ». Но я же могу сказать: «Я лежу на кушетке». В принципе, смысл более-менее один и тот же. Но слова использованы разные. Вместо «анализа» использовано слово «кушетка». То есть слово «анализ» было смещено словом «кушетка».

Если обратить внимание на рисунок 21, то опять у нас есть акустический образ, «анализ», и идея быть в анализе. Означающее наверху, означаемое внизу. И у нас есть второй знак. Есть акустический образ — «кушетка», и есть идея кушетки, то есть означающее и означаемое.

Рисунок 21. Структура знаков «анализ» и «кушетка»[1]

Дальше в метонимии оба знака соединяются в третий. Но в отличие от метафоры одно означающее не выбивает другое под черту. Оно находится где-то

---

[1] *Dor J.* Introduction to the Reading of Lacan. Other Press, 2013. P. 51.

рядом. Оно находится где-то рядом потому, что в принципе слово «анализ» и слово «кушетка» перекликаются между собой. Это смежные слова, которые можно поместить в один смысловой ряд, — анализ, кушетка, разговор, «лечащий разговор»[1].

Здесь нет такого перескока, как в случае с метафорой, — например, «психоанализ-чума». В метонимии слова находятся в одном ряду (см. рисунок 22). Поэтому в новом получившемся знаке означающее «кушетка» (S2) используется вместо означающего «анализ» (S1). Но означающее «анализ» не исчезает под чертой, оно находится где-то рядом. То есть чтобы от «кушетки» дойти до «анализа», не надо проделывать никаких хитрых смысловых ходов: эти означающие находятся где-то рядом друг с другом. А означаемым «кушетки» становится означаемое «анализа» (s1), то есть идея быть в анализе.

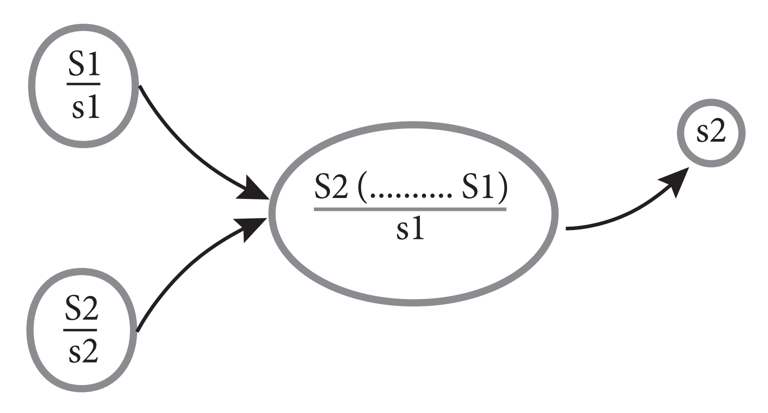


Рисунок 22. Формула метонимии[2]

[1] Имеется в виду выражение «talking cure», которым одна из пациенток Фрейда и Йозефа Брейера назвала новаторский метод своего врача.

[2] *Dor J.* Introduction to the Reading of Lacan. Other Press, 2013. P. 52.

А что исчезает в этом третьем знаке? Опять исчезает s2, то есть означаемое второго знака или идея «кушетки». Когда я говорю «кушетка» в данном конкретном примере, то — в рамках метонимии — я имею в виду именно то, что имеется в виду под означаемым «анализ», а вовсе не то, что имеется в виду под означаемым «кушетка». То есть я говорю «кушетка» не в том смысле, что это диван, на котором лежат люди. Я говорю «кушетка» в том смысле, что это определенный процесс терапии, называемой психоаналитической. Означающее «кушетка» встает на место означающего «анализ», но означаемым тут является именно означаемое «анализа».

Если понять разделение любого знака на означающее и означаемое, то тогда не будет никаких проблем с пониманием того, как все эти метафоры или метонимии работают. Одно означающее может отсоединяться от своего означаемого и заменять другое означающее, получая его означаемое. В случае метафоры речь идет о том, что вытесняемое означающее уходит как бы под черту, уходит вниз, а в случае метонимии мы видим, что оно как бы находится рядом, оно под эту черту не уходит, потому что оно находится где-то в смысловой досягаемости.

Помимо метафоры и метонимии можно еще назвать синекдоху. Это тоже определенный принцип замены слов, где, например, вместо целого используется часть. Например, я могу сказать: «На горизонте я увидел тридцать кораблей». Но я могу слово «корабль» заменить на «парус» и сказать: «На горизонте я увидел тридцать парусов». То есть вместо означающего, которое относится к целому, я использую слово, которое относится к части этого целого, при этом имея в виду целое. То есть, когда я говорю «тридцать парусов»,

я имею в виду не буквально тридцать парусов (не означаемое), а то, что появилось именно тридцать кораблей. Просто вместо означающего «корабль» я подставляю другое означающее — возможно, есть причины, по которым я не хочу использовать означающее «корабль». Это синекдоха.

Или, например, фраза «рука бойца колоть устала». Понятно, что не рука устала колоть, устал колоть сам боец. Но в данном случае снова вместо означающего целого было использовано означающее части.

В целом, метафора, метонимия, синекдоха и т. д. — это такие базовые приемы, которые позволяют нам комбинировать, сочетать слова в речь. Это делает речь невероятно богатой, насыщенной и вариативной.

Как считал Лакан, принцип работы языка совпадает с тем, как работает бессознательное. В частности, он обращает внимание на работу «Толкование сновидений» (1900) Фрейда, где последний описывает, как в сновидениях возникают образы.

Фрейд говорит, что образы в сновидениях возникают либо через сгущение, либо через смещение. Сгущение — это когда соединяются несколько образов в один; смещение — это когда вместо одного образа используется другой образ, близкий, связанный с ним. Лакан обращает внимание на то, что сгущение и смещение очень напоминают, а, по сути, функционируют по тем же принципам, по которым действует метафора (в случае сгущения) и метонимия (в случае смещения).

Можно привести пример. Давайте возьмем последовательность слов. С одной стороны, последовательность слов по горизонтали. Например, психоанализ, кушетка, молчание, лежание. С другой стороны, последовательность слов по вертикали. Например, вепрь, ураган, чума, психоанализ (рисунок 23).

В случае с горизонтальной последовательностью слов мы видим замену слов по принципу метонимии. То есть эти слова смежны друг другу — психоанализ, кушетка, молчание, лежание. Все это слова из одного смыслового ряда. Психоанализ подразумевает кушетку, подразумевает молчание, лежание и т. д.

Можно вместо «психоанализ» сказать «кушетка», «молчание», «лежание». И все это будет психоанализ. Можно себе представить, как эти слова двигаются, сменяя друг друга. В случае с вертикальной последовательностью, с осью метафор, опять же, может происходить замена слов. Вместо «психоанализа» может быть «чума». Вместо «чумы» можно сказать «ураган». Вместо «урагана» можно сказать «вепрь», например, как образ урагана: можно сказать, что ураган промчался как дикий кабан или вепрь.

Вепрь			
Ураган			
Чума			
Психоанализ	Кушетка	Молчание	Лежание

Рисунок 23. Горизонтальные (метонимические) и вертикальные (метафорические) цепочки означающих

И можно себе представить бесконечную продолжительность этих цепочек означающих, как они двигаются и по оси метафоры, и по оси метонимии. Можно представить себе, что каждое слово может осуществлять движение. Нечто подобное, как считал Лакан, происходит в бессознательном. Постоянное движение означающих, где одно означающее заменяется другим

или по принципу метафоры, или по принципу метонимии. Или, как это называл Фрейд, по принципу сгущения или смещения.

Соответственно, те образы, которые возникают в сновидениях, это результат действия механизмов метафоры или метонимии (или всего вместе). То есть по каким-то причинам какое-то означающее не может проявиться напрямую. Вместо этого в сновидении возникает другое означающее, то означающее, которое связано с тем означающим, которое по каким-то причинам невозможно предъявить напрямую. Оно с ним связано или по принципу метафоры, то есть через сгущение, или по принципу метонимии, то есть через смещение. Не то самое означающее напрямую, но какие-то означающие с ним смежные, каким-то образом с ним связанные.

Соединение этих означающих может быть любым, оно может принимать самые странные, безумные, нелепые, абсурдные, сюрреалистические формы. В нашем примере мы можем соединить любые слова и получить: «чумное молчание», «ураганное лежание», «молчащий вепрь» и т. д. Можно себе представить, какими образами в сновидениях будут сопровождаться такого рода сцепления означающих и как, соответственно, будет происходить процесс интерпретации, расшифровки этих образов и тех означающих, которые за ними скрываются.

Вот конкретные примеры из Фрейда. Они помогут еще точнее увидеть, почему сгущение работает как метафора, а смещение как метонимия. В «Толковании сновидений» Фрейд приводит свой сон. Он пишет: «Содержание сновидения. Я написал монографию о некоем растении. Книга лежит передо мной, я перелистываю содержащиеся в ней цветные таблицы.

К каждому экземпляру приложено засушенное растение, как в гербарии»[1]. И дальше он комментирует: «„Монография“ в сновидении относится опять-таки к двум темам — к односторонности моих занятий и к дороговизне моих увлечений»[2].

Получается, что в образе «Монографии» совмещаются две идеи — односторонность занятий и дороговизна увлечений. Это метафора (рисунки 24, 25, 26, 27). Можно этот кусок сна проинтерпретировать, проанализировать по принципу метафоры. Как это сделать?

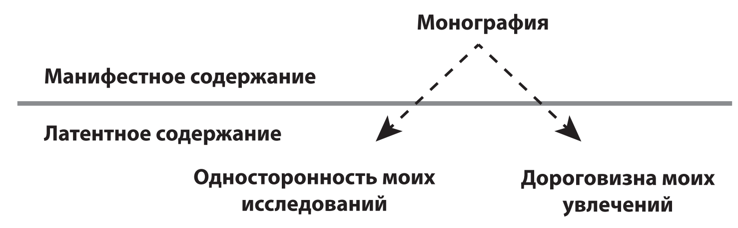


Рисунок 24. Структура сна о монографии Фрейда[3]

Пусть $\frac{S3}{s3} =$ Ботаническая монография

$\frac{S1}{s1} =$ Односторонность моих исследований

$\frac{S2}{s2} =$ Дороговизна моих увлечений

Рисунок 25. Знаки, составляющие сон о монографии[4]

---

[1] *Фрейд З.* Толкование сновидений / Пер. А. М. Боковиков. М.: ООО «Фирма СТД», 2005. С. 292.

[2] Там же.

[3] *Dor J.* Introduction to the Reading of Lacan. Other Press, 2013. P. 58.

[4] Ibid.

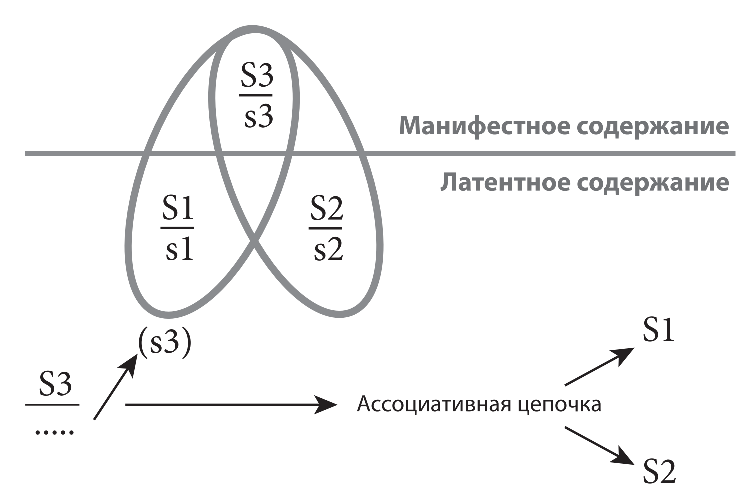


Рисунок 26. Сгущение/метафора в сне о монографии[1]

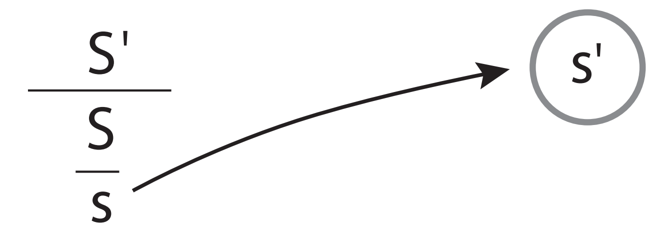


Рисунок 27. Формула метафоры

С одной стороны, есть манифестное содержание, то есть «Монография» (рисунок 24). С другой стороны, есть некоторое латентное содержание, то есть эти самые две идеи, которые напрямую не могут быть выражены. Первое — это односторонность исследований. Второе — это дороговизна хобби.

Таким образом, получаются три знака (рисунок 25). С одной стороны, ботаническая «Монография», которая, как и любой знак, состоит из двух элементов —

[1] *Dor J.* Introduction to the Reading of Lacan. Other Press, 2013. P. 58.

означающее и означаемое. В случае с ботанической «Монографией», «Монография» — это означающее (S1). А означаемое у «Монографии» — некая умная книга (s2). Односторонность исследований — это следующий знак, здесь уже означающее — это односторонность исследований (S2). И означаемое — идея того, что мои исследования односторонни (s2). В случае с «дороговизной моих любимых хобби» то же самое — есть означающее и означаемое. Означающее — это акустический образ (S3), а означаемое — идея о том, что мои хобби дороги (s3).

Дальше все эти три знака соединяются в новый — метафорический сгущенный образ (рисунок 26). На манифестном уровне есть «Монография». Это означающее нового знака. А на латентном уровне — два других знака. Первый знак — односторонность исследований, второй знак — дороговизна хобби. Латентный уровень — это уровень означаемого. Что вылетает из этого нового знака? Из этого знака вылетает означаемое «Монографии». То есть у нас остается означающее «Монография», но означаемым этой «Монографии» оказывается не его привычное означаемое (идея ученой книги), а два новых знака. То есть в новом знаке оказываются сгущены несколько других знаков (монография, дороговизна увлечений и односторонность занятий).

Если посмотреть на получившуюся формулу сгущения, то она окажется полностью идентичной формуле метафоры (рисунок 27).

Можно привести еще два примера из «Толкования сновидений», которые будут устроены точно так же.

Во-первых, сон об инъекции Ирме[1] (рисунок 28). В этом сне есть некий доктор М, и Фрейд говорит, что этот образ доктора М соединяет образы двух людей — реального М и старшего брата Фрейда. На выходе получается некий новый доктор М. То есть доктор М становится новым знаком. В этом знаке есть означающее «доктор М». У этого означающего по идее должно быть свое означаемое, но это означаемое, то есть идея некоего отдельного доктора по имени М, вылетает.

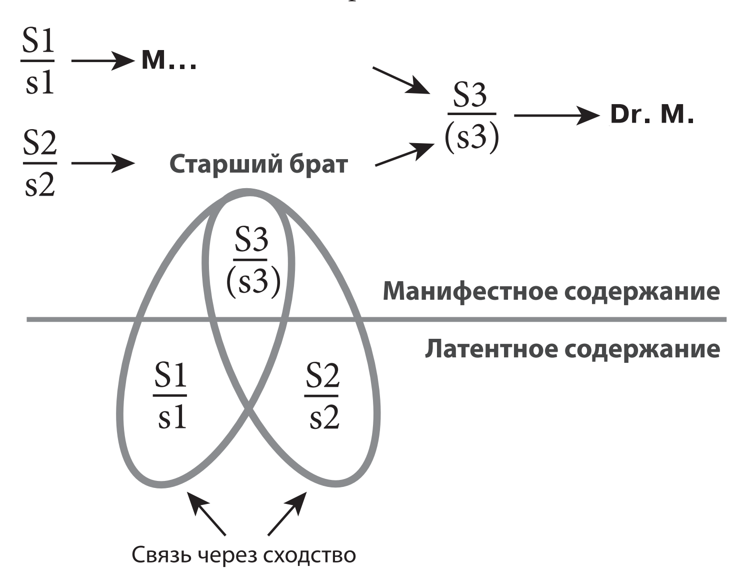


Рисунок 28. Пример доктора М как метафоры[2]

Вместо него в качестве латентного содержания или в качестве означаемого появляются два новых знака. С одной стороны, некий реальный М, а с другой —

[1] См.: *Фрейд З.* Толкование сновидений / Пер. А. М. Боковиков. М.: ООО «Фирма СТД», 2005. С. 125 и далее.

[2] *Dor J.* Introduction to the Reading of Lacan. Other Press, 2013. P. 59.

старший брат Фрейда, которые чем-то друг на друга похожи. Они соединяются в новый знак, новый образ, который сон и визуализирует. То есть мы видим некоего доктора М, который при попытке расшифровать, что же он значит, распадается как минимум на две фигуры. Снова тот же самый принцип, что и в прошлом примере. Это метафора — используем одно означающее, но означаемым у него становится нечто совершенно другое.

Во-вторых, другой пример из этого же сна (рисунок 29). В этом сне фигурирует некое лекарство «пропилен». И Фрейд анализирует его и понимает, что оно распадается на два слова — «амилен» и «пропилеи». Эти два слова вместе сгущаются и превращаются в тот самый «пропилен». Новый знак «пропилен»: у него есть означающее, то есть «пропилен», и означаемое — сразу два знака (амилен и пропилеи), которые в нем соединяются, сгущаются. Опять тот же самый принцип. Опять метафора.

А как работает смещение? Почему смещение напоминает метонимию? Данный ниже пример — это пример уже не из Фрейда. Этот пример из одной из книг, посвященных введению в Лакана[1]. Речь идет о сне одного анализанта. Он описывает, как во сне идет по улицам Софии со своей гувернанткой: «Я иду вдоль по улице туда, где бордели. Я француз, и я там как француз. И я вижу друга, с которым недавно произошел лыжный инцидент. И я ему говорю, что я француз, и показываю свой французский паспорт».

---

[1] Ibid. P. 64–66.

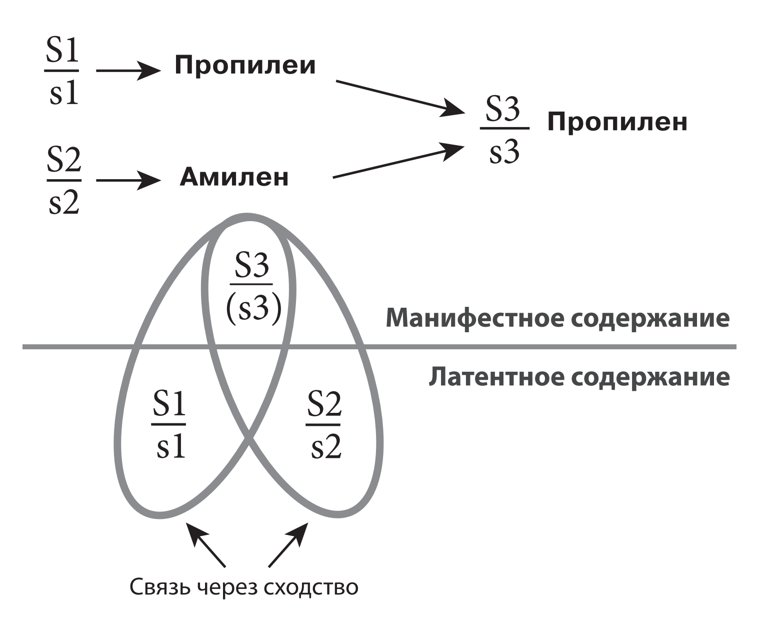


Рисунок 29. Пример пропилена как метафоры[1]

Далее через ассоциации и интерпретации этот анализант говорит, что «порой ему кажется, что он не заслуживает того, чтобы быть французом, потому что он недостаточно храбрый. А история Франции — это история храбрых действий. В стране, откуда он родом, все еще существуют очень сильные французские влияния, Франция там имеет репутацию страны любви. Согласно ассоциациям этого анализанта, быть французом — значит быть храбрым в любви. То есть иметь генитальные отношения и преодолевать все те страхи, которые делают его импотентным. Тот друг, который встречается в этом сне, это тот друг, который участвует в интим-

[1] *Dor J.* Introduction to the Reading of Lacan. Other Press, 2013. P. 61.

ных отношениях со многими женщинами. И лыжный инцидент, это тот инцидент, который действительно имел место с этим другом какое-то время назад. Но в уме пациента это вызывает в памяти другой инцидент — гонорею, которую недавно подцепил брат этого друга. Соответственно, лыжный инцидент в манифестном содержании сна — это очевидное смещение, которое представляет латентную идею возможных инцидентов во время сексуальных отношений»[1].

Что, судя по всему, происходит в этом сне (рисунок 30)? В манифестном содержании используется означающее «быть французом». Но латентное содержание иное — на самом деле подразумевается иное означающее, означающее «иметь сексуальные отношения с женщинами». По каким-то причинам это означающее является неприемлемым, поэтому оно смещается, и вместо него возникает означающее «быть французом». Но означаемым у этого «быть французом» оказывается не то означаемое, которое мы ожидаем у означающего «быть французом», а означаемым у него оказывается то означаемое, которое есть у означающего «иметь сексуальные отношения с женщинами». То есть перед нами метонимия.

То же самое с «риском сексуального инцидента». То есть, с одной стороны, «лыжный инцидент», но на самом деле это смещение с того означающего, которое на самом деле имеется в виду — «сексуальный инцидент». У означающего «лыжный инцидент» означаемое от S1’, то есть от «риска сексуального инцидента».

---

[1] *Dor J.* Introduction to the Reading of Lacan. Other Press, 2013. P. 65.

S1 — иметь нормальные сексуальные отношения с женщинами
S2 — быть французом

S1´ — риск сексуального инцидента
S2´ — лыжный инцидент

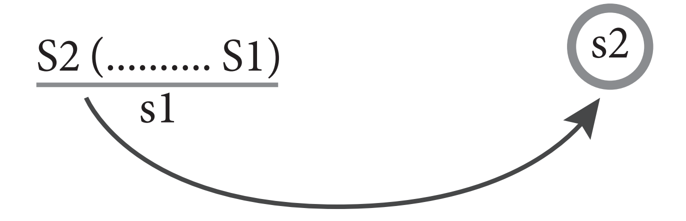


Рисунок 30. Сон про «быть французом» как метонимия[1]

Короче говоря, перед нами сон про желание быть активным в сексуальных отношениях с женщинами и страх, соответственно, тех рисков, с которыми это связано. Данный сон через механизм метонимии-смещения превращается в сон о том, что герой сна француз и он встречает друга, у которого был лыжный инцидент.

Выше мы разбирали примеры, где было смысловое сближение разных означающих. Но Лакан считал, что означающие могут замещаться не только по смыслу, но и по принципу схожести звучания. Если два слова звучат похоже, то одно может вполне быть заменой другого.

Самое интересное, что по принципам метафоры и метонимии работают не только сновидения. Симптомы работают точно так же. Симптом Лакан считал метафорическим процессом. Симптом состоит из означающих, а тело — это полотно, холст, на который

---

[1] *Dor J.* Introduction to the Reading of Lacan. Other Press, 2013. P. 65.

эти означающие наносятся в виде разных телесных или поведенческих проявлений. Например, в литературе можно найти пример ребенка, у которого развился странный симптом: его периодически тошнило[1]. При этом врачи не могли дать никакого медицинского объяснения этого процесса. Попытка понять, что этот симптом значит, привела аналитика к мысли, что есть что-то такое, что этот ребенок не может проглотить. Судя по всему, этот симптом возник в тот момент, когда родители этого ребенка разводились. Те означающие, которые должны были выразить это травмирующее событие, были вытеснены, а на их месте образовался симптом, который проявился в физическом, в телесном проявлении приступов тошноты, которые буквально выражали это состояние — не могу проглотить, что-то лезет наружу. Когда эти необходимые потерянные, вытесненные означающие были найдены, озвучены, проговорены, в этот момент симптом, как уверяется, исчез. На рисунке 31 как раз представлен этот механизм — видно, что он устроен ровно так же, как и все прочие примеры метафор, разобранных выше.

Лакан подчеркивал словесную составляющую симптомов, их связь с означающими. Зачастую это буквальная реализация, материализации этих означающих, например, в рамках какой-то метафоры. Неспособность что-то принять через метафору превращается в физические приступы, когда субъект в буквальном смысле не может принять нечто внутрь себя, начинает выталкивать это наружу. Во сне эти метафоры превращаются в странные образы, в симпто-

---

[1] Пример взят из: *Bailly L.* Lacan. A Beginner's Guide. Oxford: Oneworld (Oneworld beginner's guides), 2009.

ме — в странные проявления, в которых сама плоть оказывается материалом для симптомотворчества.

S1 — не мочь принять
s1 — не мочь принять
S2 — не мочь проглотить
s2 — не мочь проглотить

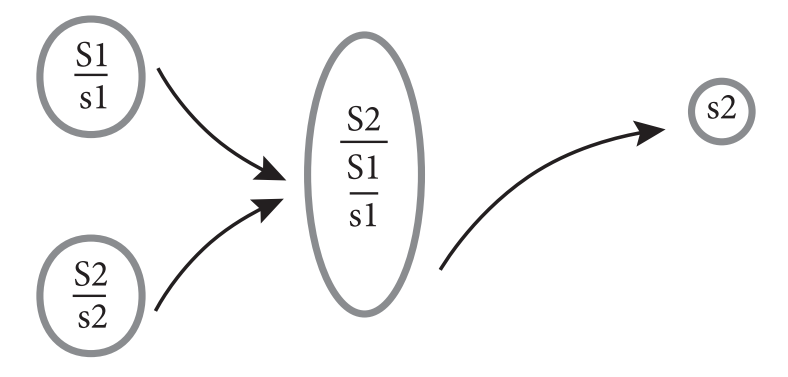


Рисунок 31. Симптом как метафора

В рамках такого понимания аналитическая работа заключается в поиске потерянных, вытесненных означающих. Тех означающих, которые подверглись процессу вытеснения. Предполагается, что обнаружение этих означающих позволяет анализанту избавиться от того симптома, который его мучает, не дает покоя.

Исходя из вышесказанного, уже можно понять следующие цитаты Лакана. Так, в частности, он пишет: «Симптом целиком разрешается в анализе языка, потому что и сам он структурирован как язык; он, другими словами, и есть язык, речь которого должна быть освобождена»[1]. Или еще одна цитата: «…он представляет собой

[1] *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе / Пер. с фр. А. К. Черноглазова. М.: Гнозис, 1995. С. 39.

метафору, включающую плоть или функцию в качестве означающего элемента»[1]; «Слова „симптом есть метафора“ сами метафорой отнюдь не являются, как не является ей и утверждение, что желание человека есть метонимия»[2].

Следующая тема, имеющая отношение к символическому, — это место субъекта в этом символическом регистре. Что происходит с субъектом в воображаемом регистре, мы разобрали в предыдущей лекции. Для того чтобы развиваться, чтобы выжить, приходится пройти стадию зеркала. Приходится обрести некоторый образ себя, который, с одной стороны, дает, но с другой — забирает. Забирает в том смысле, что субъекту приходится отождествиться с чем-то, чем он не является. То есть потерять себя в другом, стать другим. Но это необходимо. Без этого невозможно развиваться.

В символическом регистре происходит то же самое. Только на этот раз субъект захватывается не образами, но означающими. За счет этого он получает прописку в символической системе. То есть он получает привязку к определенному элементу, у которого есть легитимное место в этой символической системе.

Например, имя, которое человек получает при рождении. Ведь имя человек не сам себе выбирает. Кто-то выбирает ему имя. Кто-то решает как его/ее назвать. И это имя вписывает субъекта в определенную систему. Например, в ряде случаев имена даются не случайно. Имена даются, например, в определенной последовательности. Допустим, есть несколько имен, которые даются через поколение всем членам данной

---

1 *Лакан Ж.* Инстанция буквы, или Судьба разума после Фрейда. С. 75.

2 Там же. С. 84.

семьи. Или имя дается в честь какого-то человека, может быть, трагически погибшего, или в честь какого-то родственника, или в честь какого-то предка. Тем самым ребенок, родившись, уже получает определенную прописку, но такую прописку, которую он сам не выбирал. А вместе с этой пропиской и судьбу. Он становится элементом конкретной сложной системы отношений, где с ним связан целый ряд ожиданий, где он уже находится с кем-то во взаимодействии. Может быть, он оказывается связанным с тем, с кем он быть связанным не хочет (например, с дедушкой или бабушкой через имя). Но это необходимо, потому что если у ребенка нет имени, то в таком случае ему будет трудно существовать. Можно даже спросить, существует ли человек, пока у него нет имени.

Каждый субъект определенным образом прописан в символическом порядке. Он прописан благодаря тому, что получает целый набор означающих, с которыми он соединяется. Например, мужчина, женщина, русский, немец, брат, сестра и т. д.

С людьми — так же как в моем примере с расписанием поездов: поезд может быть любым с точки зрения своих индивидуальных качеств, но он определяется тем, куда он попадает в структуре под названием «расписание». Попадет в одну клеточку — будет десятичасовым поездом, попадет в другую — будет двенадцатичасовым поездом. При этом какие-то уникальные личные особенности этого поезда как будто бы не имеют никакого значения — зеленый это поезд или, например, красный. Если он стоит на одиннадцать часов, то он будет одиннадцатичасовым поездом. Если он стоит на восемь часов, то он превратится в восьмичасовой поезд.

С субъектом то же самое. Он получает прописку в символической системе, получает некоторое место, которое его определяет. Оно позволяет ему существовать, но за это приходится платить. Платить потерей себя. Поэтому Лакан, когда говорил о субъекте в символическом регистре, писал о том, что это субъект перечеркнутый (рисунок 32). Это кастрированный субъект, субъект, который что-то потерял. Он потерял себя, какую-то свою уникальность. А получил прописку в символическом пространстве.

Рисунок 32. Символ перечеркнутого, кастрированного субъекта

Почему он потерял себя? Хотя бы потому, что не он выбирал ни свое имя, ни то, каким элементом и в какой структуре он станет. Он попадает в пространство Другого, в то пространство, которое возникло до него и существует вне и помимо него. Субъект вынужден жить по тем правилам, по правилам той структуры, внутри которой он оказался. Собственно говоря, можно даже задаться вопросом: а есть ли что-то в субъекте помимо его места в структуре? Это вопрос, к которому я вернусь, когда буду говорить о регистре реального.

Даже язык, даже вхождение в языковое пространство — это потеря себя. Почему? Субъект не изобретал язык. Субъект не изобретал слова. Субъект не изобретал значение слов. Это то, что было ему навязано. Это то, чем он вынужден пользоваться для того, чтобы быть понятным для окружающих. Одновременно это полез-

ный инструмент. Но пользуясь языком, субъект одновременно себя теряет. Почему? Хотя бы потому, что язык все стандартизирует. В языке есть ограниченное количество слов. Соответственно, ограниченное количество выразительных способностей. Какую-то свою невероятную уникальность субъект может выразить исключительно с помощью очень скудного, очень ограниченного стандартизированного перечня слов. Это приводит к тому, что субъект в некотором смысле теряет свою уникальность. Он вынужден стандартизировать себя, стандартизировать свои переживания.

Допустим, он переживает какие-то уникальные состояния. Но для их выражения есть, может быть, десять-двадцать слов. Но это ровно те же слова, которыми пользуются сто сорок миллионов человек (если говорить о России). Все эти миллионы вынуждены свои уникальные переживания, свою уникальность выражать через одни и те же десять-двадцать слов. В итоге возникает ощущение невозможности до конца выразить то, что хотел выразить. Что слова услужливо вертятся на языке, но это все не то. Это слова, которые не способны выразить то, что хочется сказать. И как будто бы выражая себя через них, отождествляя себя с этими словами, как будто бы себя теряешь.

Здесь мы подходим к тому, что в лакановской логике называется «символической кастрацией». Символическая кастрация — это когда субъект, по сути, редуцируется до тех означающих, которые якобы его выражают. Опыт символической кастрации вполне можно испытать любой человек: например, вы куда-то приезжаете, вам надо выступить. Вас представляют и говорят: «Вот такой-то, он тот-то, тот-то и тот-то». И слушая это, можно поймать себя на мысли: неужели я действительно вот это то-то, то-то, и все? Я же гораздо больше, чем это…

То есть ощущение, будто бы вас кастрировали, будто бы от вас что-то важное отсекли, свели к каким-то формальным должностям или формальным признакам. То есть, с одной стороны, все верно, но с другой — сохраняется ощущение, как будто бы что-то важное относительно вас было упущено. Вы чувствуете себя отчужденным в этих идентичностях. А когда это все усугубляется, когда к вам относятся исключительно исходя из этих идентичностей, то может назреть настоящий бунт, протест против всех этих идентичностей — крик «Я больше, чем это».

Можно привести пример символической кастрации — пара приходит на закрытую вечеринку. Девушка Катя из этой пары знакома с организаторами. Последние спрашивают у нее, показывая на ее компаньона: «Кто это?» Она говорит, что это ее бойфренд. Организаторы кивают и пропускают их внутрь. Компаньон Кати получил прописку — он бойфренд. Но на самом деле он не просто бойфренд Кати, а выдающийся поэт. Но на этой вечеринке он всего лишь бойфренд Кати, и все. Его величие было редуцировано до скромного места рядом с Катей. Таким образом, он был символически кастрирован, низведен до простого компаньона. Но это дало ему возможность попасть на вечеринку — в противном случае он бы на этот праздник не проник.

У Славоя Жижека есть пронзительные слова про эту способность символического порядка умерщвлять человека: «Смерть — это сам символический порядок, который, подобно паразиту, колонизует живые существа»[1]. Или: «Для человеческого существа быть

[1] *Жижек С.* Чума фантазий. Харьков: Гуманитарный центр, 2012. С. 163.

„мертвым пока ты жив“ это значить быть колонизованным „мертвым“ символическим порядком»[1].

Опыт символической кастрации может сегодня испытать любой человек. Но, по сути, это ровно то, что претерпевает любой субъект, входя в язык, входя в символическое. Отсюда знаменитое выражение Лакана: «Я мыслю там, где я не есмь, следовательно, я есмь там, где я не мыслю»[2]. Или: «Я или не мыслю, или не есть»[3]. То есть там, где я начинаю мыслить, там, где я начинаю выражать себя через слова, там я исчезаю. А есть я только там, где я не мыслю. Почему? Потому что смысл, который мы пытаемся с помощью слов получить, это всегда слова, которые находятся как бы в поле Другого, — ведь не мы эти слова изобретали. Не мы изобретали правила, по которым эти слова связаны друг с другом. Мы вынуждены этими словами пользоваться, несмотря на то что не мы их придумали. Но если я не буду этими словами пользоваться, то я не смогу быть понятным для окружающих. То есть субъект может, конечно, как это делают некоторые дети, придумать свой собственный язык, который будет только его. Но в таком случае его не смогут понять. Он станет абсолютно никому не понятным.

Подобное вхождение в язык, в символическое пространство Лакан передавал через идею ложного выбора, когда вроде бы выбор дан, но на самом деле никакого выбора нет.

---

[1] Там же.

[2] *Лакан Ж.* Инстанция буквы, или Судьба разума после Фрейда. С. 74.

[3] *Лакан Ж.* Семинары. Книга 17: Изнанка психоанализа (1969–1970). М.: Гнозис / Логос, 2008. С. 128.

Например, представьте, что вы идете по подворотне и на вас нападает бандит (рисунок 33). Он наставляет на вас пистолет и говорит: «Кошелек или жизнь». Вроде как он дает выбор. То есть вы можете выбрать жизнь, или вы можете выбрать кошелек. Как будто бы вы действительно можете что-то выбрать. На самом деле это, естественно, ложный выбор. Потому что вы можете выбрать кошелек, но в таком случае бандит вас убьет, вы лишитесь жизни, а потом он заберет ваш кошелек. Поэтому это такой выбор, который оставляет вам, на самом деле, только один выбор — выбрать жизнь и отдать кошелек.

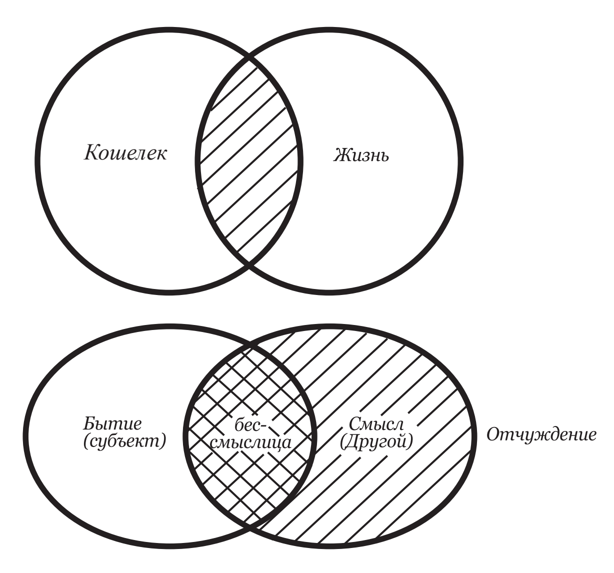


Рисунок 33. Выбор без выбора[1]

То есть это такой выбор, в результате которого у нас все время есть только одна реальная опция, и мы в любом случае чего-то лишимся. Вхождение в язык, вхож-

[1] *Лакан Ж.* Семинары. Книга 11: Четыре основные понятия психоанализа (1964). М.: Гнозис / Логос, 2004. С. 226–227.

дение в пространство Большого Другого — это как раз такой выбор без выбора. Нам как будто бы дается возможность выбирать: вы можете остаться собой или же вы можете перестать быть собой, потерять себя в языке, то есть потерять себя в пространстве Другого, в языке как в Другом. То есть вы, конечно, можете не принять, не войти в это символическое пространство. Но в таком случае что с вами происходит? Если выражаться с точки зрения клиники, то это будет психотическая структура, которая характеризуется как раз неспособностью войти в символическое пространство. Человек с психотической структурой как никто другой сохраняет свою уникальность (свое Бытие), даже порой свой язык, но при этом его никто не способен понять.

Таким образом, становление субъекта — это череда отчуждений. Череда утрат себя, которые что-то дают, но при этом за это что-то приходится расплачиваться. В случае со стадией зеркала это была потеря себя в зрительном образе. В данном случае это потеря себя в языке. Потеря себя в маленьком другом (стадия зеркала), потеря себя в Большом Другом (символическая кастрация). В случае с вхождением в символический регистр субъект утрачивает свою уникальность, собственное уникальное бытие. Но зато получает возможность существовать в языке, получает прописку в Большом Другом, получает возможность коммуницировать с другими людьми, то есть находиться в том пространстве, в котором находится смысл.

Таким образом, я разобрал два из трех ключевых регистров Лакана — воображаемый и символический. Остается последний регистр — самый загадочный, самый непонятный. Это регистр реального. Наравне с двумя другими регистрами он является частью того самого Борромеева узла, которым Лакан любил иллюстрировать свои идеи (рисунок 34).

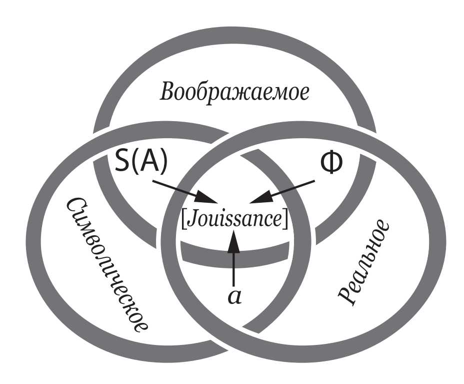


Рисунок 34. Борромеев узел

Именно наличие реального регистра не позволяет нам в полной мере отнести Лакана к структуралистам. Структуралисты считали, что человек полностью сводится к структурам, полностью растворяется в символических, знаковых системах, растворяется в языке, в тех элементах структуры, с которыми он отождествляется, с которыми он соединяется.

Однако Лакан — особенно на последних этапах своего творчества — все отчетливее говорил о том, что находится по ту сторону символического. Вплоть до того, что до некоторой степени отошел от своих предшествующих построений. В частности, от своего чрезмерного увлечения лингвистикой, от своего чрезмерного увлечения метафорами, метонимиями. Он стал все больше говорить о реальном, об этом третьем, самом загадочном регистре. О том, что остается после того, как мы учли и символический, и воображаемый регистры.

Что такое реальное? Во-первых, самое главное и принципиальное, что надо понять, это то, что реальное не равно реальности. Реальное не тождественно реальности. Если реальность — это то, что нераз-

рывно связано с символическим, о чем я писал выше, когда разбирал тезис о том, что символическое переписывает, описывает, структурирует, даже творит, создает реальность. То реальное — это как раз то, что остается по ту сторону так понимаемой реальности. Это то, что остается по ту сторону символического измерения.

Это некий несимволизируемый остаток, нечто такое, что не может быть выражено никакими символами. Нечто, что остается как бы по ту сторону. Никакими словами, никакими означающими оно выражено быть не может. Оно остается как бы по ту сторону любых наших символических способностей. То, что не получается никак символизировать.

Как может быть так, что что-то остается несимволизируемым? Можно представить себе такой пример: допустим, у нас есть ведро и ковш. И мы этим ковшом пытаемся вычерпать воду из ведра. В какой-то момент мы столкнемся с тем, что внутри этого ведра все равно, как бы мы ни старались, останется какая-то вода. Просто таковы конструктивные особенности и ведра, и ковша, что всегда останется что-то, что не может быть вычерпнуто. Любая символизация, то есть вмещение чего-то в символическую систему, устроена именно таким образом: всегда остается что-то такое, что не может быть с ее помощью выражено. То есть всегда остается какой-то несимволизируемый остаток. Это и есть реальное.

Обычно реальное от субъекта скрыто, но оно может переживаться им, например, во время психотических эпизодов, когда как будто бы весь этот крепко завязанный Борромеев узел распадается, кольца разлетаются, и человек оказывается в каком-то пространстве по ту сторону символической и воображаемой реальности.

В качестве примера подобного несимволизируемого остатка, в качестве того, что остается по ту сторону символической системы и что в принципе не может быть с помощь этой символической системы выражено, можно привести небольшую математическую игру, которую придумал Лакан. Я ее подсмотрел в книге Брюса Финка[1]. Это феномен, который Лакан называл Caput mortuum. На русский это можно перевести как «мертвая голова» или как бесполезный, ничего не стоящий, никчемный остаток.

Рисунок 35. Игра в орла и решку[2]

Представьте себе игру (рисунок 35), где мы кидаем монетку — орел или решка. Если у нас решка, то мы пишем плюсик. Если у нас орел, то мы пишем минус. Один раз бросили и получили решку, то есть плюсик. Мы бросили второй раз, опять решка. Мы бросили третий раз, у нас получился орел. Мы бросили четвертый раз, у нас снова получился орел. Мы бросили пятый раз, у нас получилась решка. Мы бросили

[1] *Fink B.* The Lacanian Subject. Between Language and Jouissance. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1997. P. 16–19.

[2] Ibid.

так девять раз. Теперь у нас получилась некоторая последовательность плюсов и минусов.

Дальше мы объединим последовательности плюсов и минусов и обозначим их определенными цифрами. Если у нас два плюса, две подряд решки, то это единичка. Если у нас два орла подряд, то это тройка. Если у нас или решка-орел, или орел-решка, то это двойка.

И теперь мы видим, что последовательность этих цифр уже не может быть любой (третья колонка). То есть, если мы кидаем монетку и, например, у нас два плюса, то есть единичка, то после единички уже не может быть тройки. Дальше, если у нас выпадает следом минус, значит дальше может быть или еще одна двойка, или еще одна тройка, но единичка тут невозможна. То есть у нас получается уже определенная система, внутри которой есть четкие правила. И эти правила делают появление некоторых цифр невозможными.

Где-то не может быть тройки, где-то единички и т. д. Получается, что эти тройки и единички оказываются как бы несимволизируемыми в рамках данной системы. Они становятся тем самым несимволизируемым остатком. Это то, что остается по ту сторону символизации. Это и есть реальное, тот самый несимволизируемый остаток, который есть в любой символической системе.

Реальное — это то, что остается по ту сторону символизации. Важная специфика реального в том, что оно имеет свойство возвращаться. Когда реальное возвращается, то зачастую это имеет разрушительные последствия для символической системы. Когда мы построили красивую символическую систему, все учли,

все посчитали, и вдруг происходит что-то совершенно в рамках этих правил не предусмотренное. И все ломается — символическая система ломается. Это и есть то, что называется «вторжением реального». То, что в символической системе не может быть учтено, то, что остается по ту сторону символизации, то, что таится в реальном, может в какой-то момент вернуться. Это возвращение реального разрушает все красивые построения, правила, последовательности.

Реальное зачастую связано с травматическим. То есть с некоторым травматическим опытом, который не был символизирован, но который вторгается в реальность субъекта, внося в нее страдание и беспорядок. Задача терапии в рамках такого подхода заключается во многом в том, чтобы помочь символизировать несимволизируемое, найти означающее для выражения несимволизируемого. Выразить то, что остается по ту сторону имеющихся символизаций, то, что в рамках имеющих символизаций не находит своего выражения.

Реальное — это во многом скрытое измерение. В основном субъект имеет дело с символическим и воображаемым регистром. Но иногда можно раскрыть и реальное измерение привычных явлений, плотно размещенных в символической реальности. Например, слов. Если долго-долго в какое-то слово всматриваться или долго-долго его произносить (на работе или при заучивании текста), то в какой-то момент это знакомое слово может перестать быть знакомым, буквы в этом слове перестают быть знакомыми, они становятся как будто бы какими-то незнакомо пугающими. Как будто бы осмысленная символизированная реальность в какой-то момент

на мгновение отступает и из-под нее показывается какое-то совершенно иное измерение — измерение реального. Это раскрытие странной, незнакомой и даже немного пугающей стороны привычных вещей. Это просвет реального.

Литература для дальнейшего чтения

Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан; пер. с фр. А. К. Черноглазова. — М.: Гнозис, 1995. — 192 с.

Лакан Ж. Инстанция буквы, или Судьба разума после Фрейда / Ж. Лакан; пер. с фр. А. К. Черноглазова, М. А. Титовой (Значение фаллоса). М.: Русское феноменологическое общество; Логос, 1997. — 184 с.

Лакан Ж. Семинары. Книга 11: Четыре основные понятия психоанализа (1964) / Ж. Лакан. — М.: Гнозис/Логос, 2004. — 304 с.

В этом семинаре Лакан, в частности, говорит о том самом «выборе без выбора», о потере, об отчуждении себя в Другом.

Фрейд З. Толкование сновидений / З. Фрейд. — СПб.: Азбука-классика, 2006 (СПб: Печатный двор им. А. М. Горького). — 509 с.

Фрейд З. Бессознательное (1915) / Режим доступа: https: // psychic.ru/articles/classic01.htm.

Жижек С. Чума фантазий / С. Жижек; пер. с англ. Е. Смирновой. — Харьков: Гуманитарный центр, 2012. — 388 с.

Dor J. Introduction to the Reading of Lacan / J. Dor. — New York: Other Press, 2013. — 296 p.

В своей интерпретации лакановского тезиса про бессознательное, структурированное как язык, я во многом опирался на данную разъясняющую работу. В частности, в первой части данной работы подробно разбираются идеи Лакана о метафоре, метонимии, структуре знака. Даются понятные примеры, иллюстрирующие многие сложные положения лакановской теории.

Fink, B. The Lacanian Subject. Between Language and Jouissance / B. Fink. — Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1997. — 240 p.

Лучшая англоязычная монография о лакановском субъекте. В целом, могу рекомендовать к прочтению любые работы Брюса Финка — от его теоретических работ до практических введений для практикующих клиницистов.

Лекция 4

СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТА: ЖЕЛАНИЕ, НАСЛАЖДЕНИЕ, ВЛЕЧЕНИЕ И ИМЯ-ОТЦА. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС

В данной лекции я разберу такие ключевые лакановские концепции, как желание, наслаждение, влечение, а также Имя-Отца. Для того, чтобы не рассматривать эти идеи в отрыве друг от друга, чтобы связать их воедино, чтобы была некоторая логическая последовательность, чтобы было понятно, как все эти понятия между собой перекликаются, я решил объединить эти сюжеты в рамках более общего повествования, касающегося процесса становления субъекта.

Согласно Лакану, все начинается в момент рождения, в момент появления нового человека, в момент рождения младенца. Но младенец в тот момент, когда он только родился, еще абсолютно беспомощен. Он нуждается в том, чтобы кто-то о нем заботился. Заботился хотя бы в смысле удовлетворения его самых базовых нужд. Но в чем именно эти нужды заключаются, понять невозможно, потому что младенец говорить не может. То есть младенец чего-то требует, он демонстрирует наличие у него некоторой нужды, но объяснить, в чем именно эта нужда заключается, то есть сформулировать некоторое внятное требование — я хочу вот это или я хочу вот это — он еще пока не может. Потому что он

пока не владеет языком, который способен сформулировать ту нехватку, с которой этот младенец сталкивается; нехватку, которая должна быть удовлетворена через озвучивание некоторого требования к миру, к Другому, который должен эту нехватку, эту нужду каким-то образом удовлетворить.

Соответственно, здесь принципиальную роль играет Другой, язык Другого, задача которого в том, чтобы проинтерпретировать, в чем именно эта нужда заключается. Что именно требует младенец в тот момент, когда кричит или каким-то образом демонстрирует, что с ним что-то не то. Но проинтерпретировать Другой это может исходя из каких-то своих собственных представлений, исходя из тех опций, которые подсказывает ему язык, которые подсказывает ему его собственное представление о том, что этот младенец вообще может хотеть. Ребенок может хотеть есть, он может хотеть пить, он может хотеть, чтобы его взяли на руки, погладили или еще что-то. Другой вынужден формулировать за младенца, что именно тот хочет. Другой дает, обозначает, вводит те означающее, которые обозначают нужду этого младенца, через которые этот младенец учится понимать, в чем именно заключается его требование и что именно способно дать ему удовлетворение в тот или иной момент.

Например, когда младенец кричит, то мама или кто-то, кто о нем заботится, может дать ему бутылочку с питательной смесью. При этом жажда или голод могли вовсе не быть причиной для этого крика, однако отныне этот крик будет всякий раз связываться младенцем с идеей получения бутылочки. То есть есть некоторая нужда, демонстрируемая младенцем, и есть реакция со стороны Другого, который своими действиями и реакциями устанавливает связь между нуждой и сим-

волизацией этой нужды. Другой должен проинтерпретировать заявляемую нужду — как необходимость покормить, взять на руки или еще что-то. Тем самым формируется некоторый перечень, некоторая символизация того, что именно этот младенец хочет.

Но, повторюсь, понять, что именно он хочет, невозможно: он может хотеть есть, пить, он может хотеть вообще чего-то такого, чего на свете не существует. То есть всегда существует некоторый зазор между невыразимой нуждой и символизацией этой нужды, той символизацией, которая исходит от Другого, использующего язык для того, чтобы каким-то образом эту нужду символизировать, выразить с помощью каких-то базовых означающих — «мама», «бутылочка», еще что-то. И принципиальный момент — это как раз не тождество, не равенство между нуждой, испытываемой младенцем, и символизацией этой нужды. Всегда есть некоторый зазор — то, что мне предлагается, то, как другой интерпретирует, то, что я хочу, не тождественно тому, что я на самом деле хочу. Никто не знает, чего на самом деле хочет младенец. В некотором смысле он вынужден принимать то, что ему предлагается, потому что у него нет выбора. Однако при этом всегда остается зазор между нуждой и символизацией этой нужды.

Еще раз: ты получаешь что-то, но не факт, что ты хочешь именно этого. Это можно представить следующим образом — как будто бы ты приходишь, допустим, в столовую и ты, например, хочешь утку по-пекински или что-то в этом роде. Но в меню есть только сосиски и пюре с горошком, ну и капуста какая-нибудь. И в некотором смысле ты вынужден принимать, выбирать

что-то из того, что тебе предлагается. Да, это удовлетворяет твои потребности, твой голод, но одновременно остается еще какое-то ощущение что что-то не то, что вроде как нужда была удовлетворена, но что-то еще осталось, остался еще какой-то несимволизированный остаток. Тут мы возвращаемся к теме предыдущей лекции: это отсылка к реальному, к тому, что не может быть символизированно, что не было удовлетворено, потому что нет ничего такого, что, возможно, могло бы это удовлетворить.

Сказанное выше позволяет понять следующую цитату Лакана: «Первичная идентификация происходит на основании материнского всемогущества — а именно: она не просто делает удовлетворение нужд зависимым от означающего аппарата, но она также фрагментируется, фильтрует и моделирует эти нужды через узкое горлышко структуры означающих»[1].

То есть, что именно нужно ребенку, определяется, символизируется Другим. В частности, Другим, представленным матерью, которая использует доступный ей язык, доступную ей систему означающих для того, чтобы каким-то образом структурировать, что же именно ребенок хочет. То есть удовлетворение нужд определяется, структурируется, ставится в зависимость от означающего аппарата, который находится на стороне Другого, который контролируется Другим, и через это происходит фрагментация, фильтрация и моделирование вот этих самых нужд, их удовлетворение. Здесь важно подчеркнуть это выражение «узкое горлышко» — не все может через это означающее пройти, все время остается что-то, что не может в полной

---

[1] *Lacan J.* Écrits. Paris: Seuil, 1966. P. 619.

мере быть выражено, что-то, что ускользает от символизации.

Я говорю о зазоре между нуждой и требованием как выражением этой нужды. Мне чего-то не хватает, я формулирую требование, что именно мне не хватает — в данном случае это требование формулируется за меня Другим, который должен назвать то, что именно я требую, — но между нуждой и этим требованием всегда существует некоторый зазор. Этот зазор принципиально важен для Лакана, потому что он выводит нас на следующий принципиальный сюжет, который касается темы желания.

Желание как раз и возникает в этом зазоре между нуждой и символизацией этой нужды, между нуждой и требованием. Желание как невозможное требование, желание как то, что не может быть выражено, как некоторый несимволизируемый остаток, как то, что не может быть заполнено никаким объектом.

Как пишет Лакан: «…желание начинает оформляться в том зазоре, в котором требование отрывается от нужды»[1]. То есть да, есть какое-то сформулированное требование — причем зачастую сформулированное Другим, — но оно не может полностью эту нужду покрыть: всегда остается что-то непокрытое, всегда остается какая-то тайна, некоторый несимволизируемый остаток. И вот в этом пространстве как раз и может возникать желание как пример такого невозможного требования, как требование того, что невозможно получить. Примером такого невозможного требования для Лакана является требование любви. Любовь — это не то, что можно дать, это то, как ты это даешь, это что-то невыразимое. И отсюда знаменитая фраза Ла-

---

1 *Lacan J.* Écrits. Paris: Seuil, 1966. P. 814.

кана, которую он постоянно повторял из семинара в семинар: «Любовь — это давать то, чего у тебя нет»[1].

Любовь — это невозможное требование. Можно потребовать любовь, но невозможно ее получить, потому что совершенно непонятно, в чем же именно заключается объект этой любви, как эту любовь можно дать. В одной из книг, которые комментируют труды Лакана, как раз есть пример с двумя любовниками, и они пытаются доказать друг другу безусловность, бескомпромиссность своей любви. Вопрос — как именно это можно сделать? В конечном счете, финальным проявлением, доказательством этой любви может быть только совместная смерть, готовность пойти на гибель ради доказательства этой самой любви[2]. То есть любовь — это какое-то невозможное требование, это то, что не может быть удовлетворено, потому что совершенно непонятно, в чем именно она заключается. Но при этом это такое требование, которое заложено в любом другом требовании. В отличие от любого другого требования, это требование является неосуществимым, то есть его невозможно удовлетворить. В этом зазоре, собственно говоря, как раз и существует желание.

В этом плане можно противопоставить объект *нужды* и объект *желания*. Объект нужды — это некоторый объект, получив который, эта нужда исчезает. Например, речь может идти о биологических нуждах — например, если это жажда, то вода оказывается тем самым объектом нужды, и, получив эту воду, биологическая нужда как бы уходит, затихает. Объект желания, в свою

---

[1] *Lacan J.* Écrits. Paris: Seuil, 1966. P. 618; см. также: *Лакан Ж.* Семинары. Книга 8: Перенос (1960–1961). М.: Гнозис / Логос, 2019. С. 41.

[2] Мысль заимствована у Славоя Жижека.

очередь, получить невозможно. Объект желания невозможен. То есть невозможно получить то, что удовлетворит желание. В частности желание любви. И чем старше становится субъект, тем этот зазор становится больше, чем тяжелее ответить на вопрос, в чем именно этот объект желания заключается, что именно способно это желание удовлетворить.

То пространство, в котором желание развертывает себя в полной мере, во всем своем масштабе, то пространство, которое поддерживает желание, не дает этому желанию угаснуть, — это пространство влечения. По-немецки *Trieb*, по-французски *pulsion*. Это очень важное для Лакана понятие. Если давать ему какое-то определение, то вот одно из возможных: «Влечение — это то, что заставляет организм выполнять некоторую функцию, в рамках которой часть организма воздействует на объект»[1]. В лакановском понимании понятия влечения принципиально то, что речь идет о части организма, которая воздействует на объект. То есть, с точки зрения Лакана, все влечения являются частичными.

Так он выделял четыре частичных влечения: оральное, анальное, скопическое, или связанное со взглядом, и голосовое. Соответственно, каждое из этих влечений связано с каким-то своим органом, с какой-то своей зоной — с губами, с анусом, с глазами, с ушами. Соответственно, каждое из этих влечений направлено на свой частичный объект: на грудь, на фекалии, на взгляд или на голос. И, соответственно, связано со своими действиями: сосать, испражняться или кон-

[1] *Bailly L.* Lacan. A Beginner's Guide. Oxford: Oneworld (Oneworld beginner's guides), 2009.

тролировать процесс испражнения/расставания с чем-то, видеть и слышать.

Влечение можно противопоставить нужде. В отличие от нужды влечение удовлетворено быть не может. Объект нужды, как я писал выше, может быть найден, предъявлен и в этом плане нужда может быть удовлетворена. Можно испытать расслабленность, удовольствие от удовлетворения этой нужды. Но влечение удовлетворено быть не может: нет такого объекта, который может это влечение удовлетворить. За счет этого влечение поддерживает желание, делает так, что желание никогда не может быть удовлетворено и успокоено.

Следующий важный момент, касающийся влечений, — и мы отчасти его затронули — это как раз вопрос о частичности влечений и в некотором смысле их самодостаточности. То есть влечения, с точки зрения Лакана, не представляют собой какое-то скоординированное целое, они не сливаются ни в какое единое влечение, они существуют разрозненно — именно как частичные влечения.

Самодостаточность влечений приводит к следующему важному моменту: связь влечения и влечения к смерти. С точки зрения Лакана, любое влечение — это, в конечном счете, влечение к смерти. Потому что влечение неостановимо, оно совершенно никак не соотносится, например, с благом для всего организма, с благом для субъекта как субъекта, существующего в символической реальности. Оно никак не соотносится ни с какими внешними культурными ограничениями, правилами и так далее. В этом плане любое влечение может превратиться и на определенном пределе превращается во влечение к смерти. Здесь опять можно проиллюстрировать различение между нуждой

и влечением: если нужда — это то, что заставляет выпивать стакан воды и не чувствовать жажду, то влечение это то, что заставляет пить и пить до потери сознания: это тот самый момент, когда влечение становится влечением к смерти.

Снова повторяю эту важную мысль: любое влечение — это в конечном счете влечение к смерти. Оно существует по своей логике и не может остановиться. Почему это влечение не может остановиться? Потому что у влечения нет объекта. У нужды объект есть — это тот объект, который может быть получен, и нужда может быть удовлетворена, например биологическая нужда. У влечения же нет объекта. Если как-то мыслить объект влечения, то есть тот объект, получение которого удовлетворит влечение, то этот объект применительно к влечению является невозможным. Это такой объект, который невозможен, и поэтому влечение представляет собой бесконечное кружение вокруг этого самого невозможного объекта.

В силу своей частичности, раскоординированности, самодостаточности влечения должны быть определенным образом упорядочены, определенным образом структурированы. В противном случае субъект не сможет развиваться, в противном случае он так и останется в этом самом раскоординированном состоянии. Здесь уместно вспомнить конструкцию с двумя зеркалами[1], где как раз был запечатлен процесс перехода от состояния доминирования частичных влечений, переживания раскоординированности турбулентных импульсов, во власти которых находится младенец, к состоянию появления скоординированного целостного образа, который создает иллюзию того,

---

[1] См. лекцию 2.

что эти частичные, разрозненные, неудержимые влечения были каким-то образом оформлены, связаны, получили некоторое целостное оформление — и в этом плане создали иллюзию целостности. Создали, соответственно, некоторую возможность этими влечениями управлять. Связывание, упорядочивание влечений — это тот процесс развития, который должен пройти каждый субъект, если он хочет состояться, если он хочет как бы психически родиться.

Влечение неразрывно связано со следующим принципиальным, ключевым, может быть, самым ключевым и известным лакановским понятием — с понятием *jouissance*, или наслаждением. Здесь снова уместно подчеркнуть разграничение между нуждой и влечением — если нужда приносит удовольствие в тот момент, когда она удовлетворяется, и наступает момент релаксации, будто бы было напряжение и это напряжение оказалось снято, то в случае с влечениями эти влечения доставляют удовольствие (*jouissance*) сами по себе, то есть просто их функционирование, их течение доставляет удовольствие — даже в отсутствие какой-то непосредственной нужды, с ними связанной.

Теперь несколько слов о самом *jouissance*, об этом самом наслаждении. Это понятие, которое для Лакана выходит на первый план с 1960-х годов. В частности, в своем семинаре про перенос он начинает рассуждать о *jouissance,* о наслаждении, связанном с влечениями[1].

Jouissance надо отличать от удовольствия, которое субъект испытывает в момент удовлетворения своих потребностей. *Jouissance* не связан с удовлетворением каких-то потребностей. *Jouissance* — это отдельная

[1] *Лакан Ж.* Семинары. Книга 8: Перенос (1960–1961). М.: Гнозис / Логос, 2019.

самостоятельная сила, связанная с влечениями, с их бесконечным потоком, с их бесконечным течением. Это удовольствие, получаемое от самого функционирования человеческого тела с его турбулентными, частичными влечениями.

Но при этом есть ключевое, принципиальное отличие *jouissance* от наслаждения. Причина, по которой это слово практически никогда не переводят ни на какие другие языки, то есть что в английском, что в русском языке *jouissance* обычно передают именно как *jouissance*, как некоторый непереводимый термин. Дело в том, что *jouissance* — это не просто наслаждение, это избыточное наслаждение, это чрезмерное наслаждение, это невыносимое наслаждение, это наслаждение, которое в какой-то момент оказывается связано с болью, которое оказывается связано со страданием. Подобно тому, как влечение в конечном счете оказывается влечением к смерти, так и этот *jouissance* в конечном счете этой своей избыточностью, своей чрезмерностью превращается в боль, превращается в невыносимость.

И подобно тому, как влечение необходимо определенным образом структурировать, без этого невозможно никакое полноценное психическое рождение субъекта, так и *jouissance* с его избыточностью необходимо ограничить, необходимо каким-то образом положить ему предел. То есть осуществить то, что Лакан будет называть кастрацией.

После того, как я рассмотрел теоретические моменты, связанные с различением таких понятий, как требование, желание, влечение, *jouissance* и так далее, уже можно перейти к следующему сюжету. К разговору о процессе психического становления субъекта. О том, как возникает субъект, и о том, как он развивается.

Лакан начинает с постулирования некоторого изначального единства матери и ребенка (рисунок 36). То есть они еще друг от друга не отделились, ребенок еще не выделился в качестве самостоятельного отдельного психического существа. Это диада мать–ребенок, и ребенок в этой диаде находится как бы в положении ничем не сдерживаемого, неограниченного *jouissance*. Этот *jouissance* связан как с функционированием собственного тела, так и с непосредственным взаимодействием с материнским Другим, с материнским объектом, с тем возбуждением, которое это взаимодействие провоцирует.

Рисунок 36. Изначальная диада[1]

Наслаждение, связанное с таким непосредственным, тесным контактом с материнским объектом, это очень опасное состояние. Это состояние, которое Лакан сравнивал с челюстями крокодила, которые в любой момент могут схлопнуться и, соответственно, поглотить, уничтожить этого самого субъекта, так и не позволив ему возникнуть. Соответственно, для того чтобы это психическое становление, рождение, обособление будущего субъекта от Другого произошло,

[1] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 91.

необходимо, чтобы это наслаждение было кем-то ограничено. Должен появиться кто-то третий, кто, соответственно, положит предел этому самому наслаждению и позволит субъекту продолжить процесс своего становления. Кто-то должен избавить субъекта от удушливого внимания материнского Другого.

Логично предположить, что этим третьим оказывается как раз отец (рисунок 37). Это выводит меня на тему, связанную с тем, что Лакан называл отцовской функцией, отцовской метафорой и в целом ситуацией Эдипова комплекса. Именно это я и буду разбирать дальше.

Рисунок 37. Диада и вмешательство отцовского третьего[1]

Но перед этим надо подумать вот о чем: а почему вообще это третье возникает во вселенной ребенка? Откуда оно возникает?

Оно возникает хотя бы из того факта, что мать не все время проводит с ребенком, в какой-то момент она уходит, или же он/она чувствует, что ее мысли за-

[1] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 92.

няты чем-то или кем-то другим, что она как будто бы не здесь, не с ним/ней. То есть как будто бы есть что-то такое, на что внимание матери отвлекается. Это рождает у ребенка знаменитый вопрос, который может быть назван основным, знаковым, главным вопросом во всем лакановском психоанализе — это вопрос „*Che vuoi?*" Или по-русски: «Чего ты хочешь?» Чего тебе не хватает и чего, соответственно, мне не хватает для того, чтобы заполнить ту нехватку, которая есть в тебе.

Сейчас речь, естественно, не идет о том, что ребенок, глядя на то, как мать куда-то уходит, или на то, как она о чем-то думает, общаясь с ним, прямо вот сидит и размышляет над этим вопросом. Лакан предполагает, что в этот момент как бы происходит процесс открытия тайны, загадки желания другого. Чего хочет ребенок? Ребенок хочет быть объектом желания другого, хочет быть желанным для другого, он хочет любви, хочет, чтобы другой полностью ему отдавался. При этом он видит, что это невозможно, что есть кто-то или что-то, на что мать отвлекается, что-то, что заставляет ее уходить. И это ставит вопрос: а чего ей не хватает?

И здесь нужно проговорить важное различение между требованием матери и желанием матери. Требование, как мы уже говорили выше, это что-то понятное, конкретное, это что-то, что можно дать. Требование матери подразумевает для ребенка, что он есть то, что матери нужно. Он обнаруживает в этой матери нехватку, но считает, что именно он есть тот, кто способен эту нехватку заполнить, что мать нуждается именно в нем.

Желание матери, в свою очередь, как раз связано с тайной, с загадкой. Ей чего-то не хватает, но чего именно ей не хватает — понять невозможно. Это что-то, чего у нее нет, но одновременно это и что-то, чего

нет у меня. Соответственно, это что-то, что я должен получить. Тут обнаруживает себя некоторая нехватка, нехватка у матери, нехватка в материнском Другом и, соответственно, нехватка у меня — мне тоже чего-то не хватает. В противном случае ей не надо было бы куда-то уходить и на что-то отвлекаться.

Здесь я логично подхожу к понятию фаллоса, который для Лакана как раз и является тем означающим, которое означает вот эту самую нехватку. Фаллос — это не пенис, это не конкретный физический орган. Фаллос — это означающее нехватки. Чего-то не хватает, и вот это загадочное что-то и есть фаллос. Получается как бы треугольник, где в нижнем левом углу находится ребенок, который как бы думает: «Я понимаю, что я не тождественен тому, что желает моя мама». А в нижнем правом углу находится мама, которая как бы говорит: «Как бы сильно я ни любила своего ребенка, всегда будет некий зазор, который укажет моему ребенку, что то, чего я желаю, находится где-то по ту сторону него. Что-то большее, чем он; что-то еще помимо него»[1]. А фаллос — это как бы острие, верх этого треугольника. Это то, чего желает мать, и, соответственно, то, над разгадкой тайны чего начинает задумываться ребенок.

Желание ребенка, как и желание любого субъекта, — это быть желанным в глазах Другого, быть любимым. Но если есть что-то, чего Другому не хватает, и это что-то не я, или же мне этого чего-то не хватает, то значит, для того, чтобы быть любимым, стать любимым, оставаться любимым, мне необходимо это получить. Необходимо заполучить этот самый фаллос.

Естественно, в данный момент я обсуждаю те процессы, которые происходят в случае как бы позитивного хо-

---

[1] Эта иллюстрация может быть найдена в книге: *Leader D., Groves J.* Introducing Lacan. Duxford: Icon Books, 2000. P. 75.

да развития событий. В случае, если психическое развитие идет так, как оно должно идти. Однако на этом пути могут возникать разного рода затруднения — например, мать вообще не создает пространства, в котором вопрос „*Che vuoi?*“, вопрос о тайне желания Другого может быть поставлен в принципе. Мать может полностью растворять себя в ребенке или, скорее, полностью растворять ребенка в себе. Но это выводит меня на сюжеты, связанные с разными психическими структурами, чему будет посвящена следующая лекция. Здесь я пока говорю о том, что должно происходить в случае нормального развития, нормального становления субъекта.

Загадку или тайну желания Другого, загадку фаллоса как символизации этой нехватки можно изобразить в форме пазла (рисунок 38). Пазла, в котором отсутствует деталь — то есть чего-то не хватает, есть некоторая деталь, которой нет. Есть нехватка.

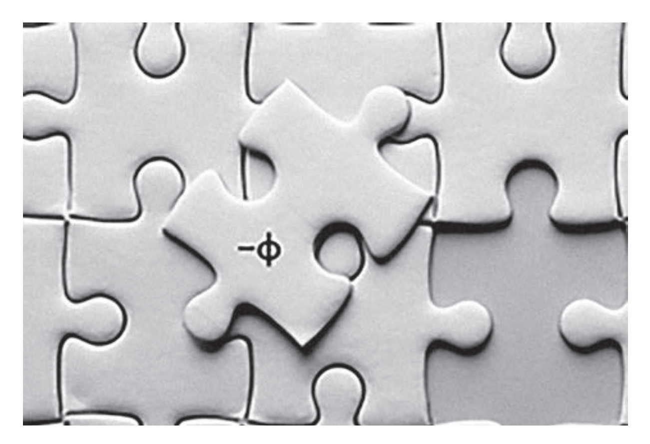


Рисунок 38. Пазл с вечно отсутствующей деталью

Соответственно, поиск ответа на вопрос «Чего ты хочешь?» — это как будто бы поиск этой самой отсутствующей детали, отсутствующего фрагмента пазла.

Этот отсутствующий фрагмент и есть фаллос. Согласно Лакану, фаллос — это всегда то, что отсутствует, это то, чего нет. Поэтому в некотором смысле это всегда отсутствующий фаллос, то, что в лакановский алгебре изображается как минус фаллос (-ф). Это то, что должно заполнить нехватку, но чего нет.

Впоследствии, когда я буду говорить о желании, то буду снова возвращаться к образу пазла, которому не хватает важной детали, без которой он не является целостным. Не хватает некоей детали, которая все время отсутствует.

На рисунке 38 видна эта отсутствующая деталь. Она вот тут, где-то рядом. Казалось бы, ее можно взять и поместить обратно в полотно. Тем самым нехватка, дыра в полотне будет заполнена. Однако парадокс человеческого желания в том, что какую бы мы деталь ни брали, какую бы деталь ни пытались засунуть в эту нехватку, в эту дыру, будет постоянно выяснятся, что эта деталь не та. Субъект как будто бы все время перебирает разные фрагменты, разные детали этого пазла, пытаясь все время найти ту саму деталь, которая подойдет и заполнит дыру. Парадокс в том, что ни одна из деталей, которые будут находиться, никогда не сможет эту дыру заполнить, всегда будет оставаться какой-то зазор, всегда будет оставаться какое-то указание на то, что это не то, что та самая необходимая, нужная деталь отсутствует, что ее нет. Я как бы собираю пазл, я вроде бы почти все собрал, но остается одна последняя деталь, нужная для заполнения дыры, но какую бы деталь я ни взял из имеющихся, ни одна не способна справиться с этой задачей. И тогда я начинаю мучительно думать: а где же эта деталь? где же она? если она где-то, то у кого она? кто ее взял? где она вообще?

Это и есть механизм, обеспечивающий функционирование тайны желания. Это невозможность ответить на вопрос „*Che vuoi?*“. Другому что-то нужно, есть какая-то дыра в нем, но что это такое, я не могу понять, я перебираю детали, но ни одна из них не подходит. Субъект, находящийся в такой ситуации, это субъект, который вышел в пространство желания.

Таким образом, тайна желания, загадка фаллоса есть то, что разделяет мать и ребенка, не позволяет им слиться, создает какое-то загадочное пространство между ними. Пространство, которое, с одной стороны, загадывает загадку, которую невозможно разгадать, а с другой — устанавливает дистанцию между матерью и ребенком. Дистанцию, которая позволяет этому ребенку дышать, позволяет ему развиваться, становиться полноценным субъектом.

Проблематика фаллоса выводит меня на лакановские размышления об Эдиповом комплексе. Эдипов комплекс, с точки зрения классического психоанализа, это история про треугольник мать–отец–ребенок. Лакан эту идею немного переосмысливает: он помещает ее в логику своих рассуждений о символическом. Эдипов комплекс — это вхождение ребенка в символический регистр. И как я говорил, это вхождение начинается уже в некотором смысле в момент рождения (или даже до рождения). В тот момент, когда появляется Другой, который с помощью системы означающих размечает, в чем именно заключается нужда ребенка в тот или иной момент и как именно она может или не может быть удовлетворена.

Соответственно, это может быть названо преддверием Эдипова комплекса, который продолжается на протяжении всего процесса становления ребенка. Собственно, мы видели это, когда обсуждали стадию

зеркала: уже на стадии зеркала — по крайней мере в интерпретации позднего Лакана — воображаемый регистр, изначально связанный со зрительными образами и отождествлением с ними, оказывается пронизанным символическим регистром, то есть погруженным в цепи означающих.

Эдипов комплекс — это продолжение развития данного процесса, его кульминация. Данный процесс приводит к тому, что субъект получает окончательную, полноценную прописку в Большом Другом и в символической системе. Символическая система, с точки зрения Лакана, ассоциируется с фигурой отца. При этом он не говорит о необходимости физического присутствия отца. Речь не идет о том, что обязательно нужен отец. Он скорее говорит об отцовской функции, то есть о том, что вот эта функция, связанная с отцом, должна быть реализована. Она может быть реализована при помощи реального отца или же она может быть реализована и при его отсутствии — например какой-то другой фигурой, которая эту функцию выполнит. Может сработать даже речь самой матери об отце — которого может не быть рядом, например в случае, если он погиб.

То есть отец — это скорее какая-то символическая инстанция, которая изначально мыслится как та инстанция, которая является хранителем тайны фаллоса, хранителем тайны желания матери. Ребенок замечает, что желание матери направлено на отца, а это значит, что у отца есть что-то такое, чего, соответственно, нет у матери, и внимание ребенка переключается на это загадочное нечто.

Реализация и исполнение отцовской функции и, соответственно, прохождение Эдипова комплекса подразумевает несколько стадий. Таких стадий можно вы-

делить две[1] — первая стадия связана с этапом, который может быть назван «Нет-Отца», вторая — с этапом, который может быть назван «Имя-Отца»[2].

Отчуждение	Сепарация
Нет-Отца / **Мать как *jouissance***	**Имя-Отца** / **Мать как желание**

Рисунок 39. Две стадии Эдипова комплекса

Нет-Отца — это обозначение как бы первичного появления отца и установления им базового запрета на неограниченный контакт с матерью. На рисунке 39 мы видим отцовское «Нет», которое как бы вытесняет мать как *jouissance*, то есть кладет предел неограниченному наслаждению, получаемому от неограниченного контакта с матерью. Это первый этап, который может быть назван отчуждением, первичным отчуждением, возникающим между становящимся будущим субъектом и материнским Другим.

Второй этап, который может быть назван сепарацией, это как раз этап Имени-Отца, на котором происходит полноценное введение, инициация субъекта в символический регистр. Субъект получает прописку в символическом регистре. Что Имя-Отца заменяет

[1] Впрочем, можно говорить и о трех стадиях Эдипова комплекса: *Лакан Ж.* Семинары. Книга 5: Образования бессознательного (1957–1958). М.: Гнозис / Логос, 2018. С. 205–246. Также см.: *Dor J.* Introduction to the Reading of Lacan. Other Press, 2013. P. 97–110.

[2] Здесь я опираюсь на интерпретацию Лакана, предложенную Брюсом Финком. См.: *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. 318 p.

собой, что оно запрещает, что оно вытесняет? Оно вытесняет мать как объект желания. Соответственно, желание субъекта отныне переносится на нечто, находящееся по ту сторону матери, то есть мать оказывается под запретом.

Благодаря Эдипову комплексу происходит введение субъекта в мир Большого Другого, в символический регистр, где этот субъект уже символическими средствами пытается разгадать тайну желания Другого. Он ищет ответ на эту загадку в логике символического регистра: субъект выходит в мир других людей, выходит в мир культуры, выходит в мир символических различений — где есть худшие и лучшие, где есть первые и последние и т. д. Он пытается конкурировать, пытается стать лучшим в пении, в танце, в готовке. Впоследствии он пытается заполучить социальный статус, заработать денег, то есть проникнуть в эту тайну желания Другого, разгадать данную загадку, получить что-то такое, что сделает его желанным. Отныне субъект пытается обрести фаллос в том мире, который для него раскрывается вместе с отцом. Вместе с отцом, который как бы накладывает ограничение на получение бесконтрольного наслаждения от взаимодействия с матерью. Отец есть тот, кто ограничивает наслаждение, тот, через кого раскрывается загадка, тайна желания матери и кто выводит субъекта в какое-то иное пространство — в пространство Большого Другого, в пространство символического.

И я хотел бы еще один момент добавить, касающийся отцовской функции. В самой первой стадии отцовской функции, в момент стадии Нет-Отца происходит установление первой точки пристежки. Здесь нужно вспомнить книгу Клода Леви-Стросса «Элементарные структуры родства».

В этой книге Леви-Стросс размышлял о моменте перехода от природы к культуре. И он видел этот момент перехода в появлении правил. Первое правило — это запрет на инцест. В некотором смысле это и есть Нет-Отца, то есть запрет, налагаемый на инцест, на безграничное наслаждение от взаимодействия с матерью. Отцовское «Нет» становится как бы первой точкой пристежки, как бы первым моментом вхождения становящегося субъекта в символический порядок. Оно становится тем местом, где происходит соединение означающего и означаемого. Появляется некоторое означающее (Нет!) и появляется связанный с ним смысл — запрет на неограниченный контакт с матерью. В этот момент происходит вхождение в символический порядок, происходит появление первой точки пристежки, некоторого фундамента, за счет которого уже возможно дальнейшее погружение субъекта в эту самую символическую реальность. То есть через эту первую точку пристежки означающее соединяется с означаемым, обретается первый непреложный смысл, вводится первый запрет, первое представление о том, что можно и что, соответственно, нельзя. Через этот фундамент появляется возможность дальнейшего развития субъекта именно как субъекта, существующего в символическом порядке, порядке культуры, порядке языка — короче говоря, возможность его существования в пространстве Большого Другого.

И это же Нет-Отца есть то, что Фрейд называл первичным вытеснением, закладыванием всего здания психической жизни — с ее делением на сознательное и бессознательное и сложными динамическими отношениями между этими инстанциями. Если этого первичного вытеснения не происходит, то не возникает

и бессознательное — поэтому, в лакановской логике, у людей с психотической структурой никакого бессознательного нет[1].

Сказанное выше можно представить в виде концентрических кругов (рисунке 40). Эти круги иллюстрируют те процессы, о которых я говорил. На том круге, который расположен слева, видно субъекта и Другого — их ничто не разделяет, они слиты между собой. Дальше как раз через действие отцовской функции появляется это представление о Другом, представление о некоторой нехватке этого Другого (центральный круг) — Другому чего-то не хватает. Эта нехватка как раз тут обозначается через маленькое *a*, через то, что Лакан будет называть объектом-причиной желания, о чем я буду говорить дальше. За счет этого, соответственно, появляется возможность перейти к третьему кругу — крайнему справа, — где как раз возникает возможность для появления субъекта. Субъект получает возможность отделиться от Другого через появление в Другом этой самой нехватки, чего-то, чего Другому не хватает. Субъект возникает, но остается связанным с Другим через желание Другого, через то, чего Другому не хватает (и, соответственно, не хватает мне).

Рисунок 40. Диаграммы стадий психического развития[2]

[1] См. лекцию 5.

[2] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 195.

А дальше этот объект-причина желания все время как бы ускользает, уходит. Невозможно понять, в чем именно он заключается. Это не позволяет субъекту слиться с Другим, утратить свою особость, отдельность. Как бы он ни хотел с этим Другим снова слиться, появляется то, что их разделяет — вот этот самый маленький объект *a*, объект-причина желания, который становится той самой загадкой, над разрешением которой субъект бьется изо всех своих сил.

В свете вышесказанного уже можем понять следующую цитату Лакана из его пятого семинара «Образование бессознательного»: «В чем заключается отцовская метафора? Она представляет собой, собственно говоря, заступление отца в качестве символа, или означающего, на место матери внутри той первоначальной символизации, которая в отношениях между матерью и ребенком успела выстроиться… Здесь перед нами поворотный пункт, нерв, суть того продвижения вперед, которое знаменует собой у субъекта Эдипов комплекс»[1].

Заступление отца в качестве символа на место матери — то есть отец в некотором смысле вытесняет мать. Здесь важное слово — уже знакомое нам слово «метафора». Я упоминал выше об отцовской функции, о той функции, которую должен выполнить отец или тот, кто выполняет роль отца. В данном случае упоминается не функция, но метафора — отец как метафора.

При чем тут метафора? Почему используется выражение «отцовская метафора»? Почему не просто отцовская функция, а именно отцовская метафора? Потому что отцовская функция, по сути, работает так же, как работает метафора. Если вспомнить формулу метафоры (рисунок 20[2]),

---

[1] *Лакан Ж.* Семинары. Книга 5: Образования бессознательного (1957–1958). М.: Гнозис / Логос, 2018. С. 206.

[2] См. лекцию 3, с. 135.

то суть ее в соединении двух знаков — один знак как бы вытесняется, как бы уходит под черту, а означающим этого ушедшего под черту знака становится означающее второго знака. То есть один знак вытесняется, заменяется вторым знаком (тем самым образуется третий знак). Ровно это и происходит в случае с Эдиповым комплексом. В случае успешного действия отцовской функции отец как бы вытесняет мать, на смену матери приходит отец (рисунок 41). Поэтому в рамках Эдипова комплекса говорится об отцовской метафоре. Не только Имя-Отца, не только отцовская функция, но еще и отцовская метафора — в том смысле, что отец вытесняет мать по тому же принципу, по которому в метафоре один знак как бы вытесняет собой другой.

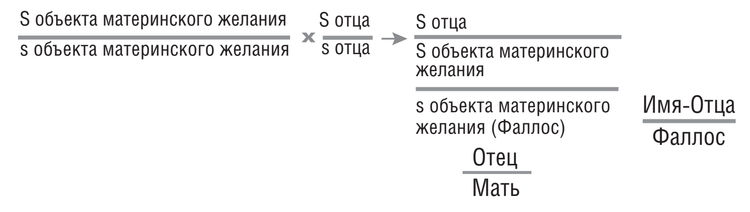


Рисунок 41. Отцовская метафора[1]

Одним из следствий Эдипова комплекса оказывается кастрация. Под кастрацией тут имеется в виду необходимость субъекта пожертвовать частью своего *jouissance*, своего наслаждения. Отец заставляет его пожертвовать наслаждением, *jouissance* и перейти тем самым в совершенно новый формат существования. Этот формат существования связан с потерей себя в языке, потерей себя в символическом регистре. Лишиться части наслаждения — это, собственно говоря, и есть кастрация.

[1] *Bailly L.* Lacan. A Beginner's Guide. Oxford: Oneworld (Oneworld beginner's guides), 2009. Ch. 5.

Кастрацию можно понимать в двойном смысле — как процесс лишения части наслаждения и как признание собственной кастрированности: как признание того, что мне чего-то не хватает, что я лишен фаллоса, что я не могу дать Другому в данный момент то, что ему нужно для того, чтобы заполнить нехватку. Поэтому я не могу получить его любовь, его признание. Это заставляет субъекта искать символический фаллос: что же такое мне необходимо заиметь, для того чтобы разгадать эту загадку „*Che vuoi?*“, загадку вопроса «Чего ты хочешь?», загадку желания Другого.

Тот *jouissance*, от которого субъект отказался, который был от него отделен через кастрацию, продолжает существовать, но он замыкается в определенных участках. Остаются какие-то крохи этого *jouissance* — или в эрогенных зонах, или, например, в разного рода феноменах, когда этот *jouissance* как бы прорывается сквозь стену символического. В частности, поздний Лакан ввел понятие *lalangue*, когда рассуждал именно об этих прорывах *jouissance* через цепи означающих. Когда я говорил об означающих, я их всегда описывал как то, что отсылает к другим означающим и так далее. Лаланг же — это такой феномен, когда означающие отсылают не к каким-то другим означающим, но когда они оказываются насыщенными, напитанными, пронизанными *jouissance,* наслаждением. Будто бы наслаждение прорывается через цепи означающих. Это могут быть какие-то бессмысленные звуки, это может быть произнесение слов, которые не имеют никакого смысла, которые не связаны ни с какими другими означающими, но само их произнесение как будто бы пронизано для субъекта наслаждением.

Короче говоря, на выходе из Эдипова комплекса мы имеем дело с кастрированным субъектом. С субъектом,

чье наслаждение было ограничено. С субъектом, который пожертвовал частью своего наслаждения. За это он получил доступ в царство отца, в символический регистр, где отныне он пытается отыскать тот самый символический фаллос. В этом царстве от наслаждения у него остаются лишь какие-то остатки, а само наслаждение мыслится как потерянное, как утраченное.

Такого рода кастрация — символическая кастрация, кастрация символическим порядком, кастрация языком — необходима для успешного развития. Здесь можно вспомнить предыдущую лекцию, в которой я упоминал про выбор без выбора. Я приводил в качестве примера ситуацию с нападением бандита: «Кошелек или жизнь!» Здесь вроде как есть выбор, но на самом деле никакого выбора нет. И символическая кастрация, то есть погружение субъекта в символический регистр, это выбор без выбора, это то, чем невозможно пренебречь, это то, от чего невозможно отказаться. Повторяюсь, если речь идет о нормальном ходе психического становления субъекта. То есть это то, что необходимо пережить, для того чтобы состояться в качестве субъекта.

Выход из Эдипова комплекса оказывается связанным с различными путями сексуации — то есть процессом обретения мужской и женской идентичности. Лакан не рассматривал мужчину и женщину как биологически предопределенные начала. Мужчина и женщина — это две возможные стратегии реагирования на событие кастрации. Предельно упрощая, зафиксирую следующее: мужская стратегия связана со стремлением иметь фаллос, обладать им; женская стратегия связана с тем, чтобы быть фаллосом. То есть мужчина стремится обрести символический фаллос, который сделает его привлекательным

в глазах Другого. Женщина стремится стать фаллосом — то есть стать объектом желания для других субъектов, стать тем, чем хочется обладать. Так как речь идет о разных стратегиях, а не о биологической предопределенности, то вполне можно себе представить ситуацию, когда биологический мужчина выбирает стратегию «быть фаллосом», а биологическая женщина, наоборот, «иметь фаллос».

Еще одна особенность мужской и женской сексуации в том, что мужчина в гораздо большей степени погружен в символическое — он определен символическими иерархиями, правилами, системами координат. Женщина тоже находится в символическом, однако одновременно у нее есть доступ к чему-то, что находится по ту сторону символического. Женщина как будто бы не полностью растворена в символическом. Отсюда вытекают знаменитые размышления Лакана о мужской и женской логике. Если мужская логика — это классическая логика с ее четкими правилами, например исключенного третьего: или А, или не-А, и третьего не дано. То женская логика — это логика «не-все», то есть логика, которая предполагает, будто бы это третье все же есть. У мужчины трава или зеленая, или не-зеленая, а женщина в соответствии с логикой «не-все» ведет себя так, как будто бы есть еще какой-то третий вариант помимо «зеленая» или «не-зеленая». Как будто бы «зеленая» или «не-зеленая» — это не все.

На выходе из Эдипова комплекса появляется еще одна инстанция структуры человеческой субъективности — Сверх-Я. У Лакана есть загадочная идея о том, что в основе Сверх-Я лежит императив «наслаждайся!». Я бы хотел пояснить, что же, собственно говоря, имел

в виду Лакан, когда сближал Сверх-Я с императивом наслаждения.

Как это почти всегда и бывало, Лакан в своем понимании Сверх-Я следует за Фрейдом. Но добавляет к Фрейду некоторый неожиданный поворот, позволяющий взглянуть на фрейдистские идеи в несколько ином свете. Если взять работу Фрейда «Закат Эдипова комплекса», то там можно прочитать о том, как образуется Сверх-Я. Фрейд пишет, что Сверх-Я возникает в рамках Эдипова комплекса, в рамках столкновения с отцом, с отцовским авторитетом. Сверх-Я вбирает в себя отцовский либо родительский авторитет, становящийся ядром Сверх-Я, перенимает у отца его строгость, подтверждает исходящий от отца запрет на инцест[1]. То есть авторитет отца, отцовский запрет становится ядром Сверх-Я. Ядром той инстанции, которая ограничивает, накладывает какие-то ограничения на Я. Ну и, соответственно, мучает его этими самыми ограничениями.

Лакан с этой идеей согласен. То есть он тоже считает, что Сверх-Я возникает в результате Эдипова комплекса. Но у Лакана есть парадоксальное размышление, истоки которого следует искать в Библии. Если кто-то читал Библию, точнее Новый Завет, то там есть послания апостола Павла. Апостол Павел — можно сказать, основоположник христианской церкви, один из создателей христианства, организатор христианства. У Маркса был Ленин. А у Иисуса Христа был апостол Павел. У Павла есть послания, которые он писал в разные общины. В этих посланиях содержатся вещи интересные не только верующим, но и психо-

---

[1] *Фрейд З.* Т. 6: Любовь и сексуальность. Закат Эдипова комплекса / Пер. с нем. Татьяны Баскаковой. СПб.: Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 2015. С. 153–162.

аналитикам. В частности, они были очень интересны Лакану. В «Послании к римлянам» Павел размышляет о диалектике, связи закона и греха. Он пишет: «Неужели от закона грех? Никак; но я не иначе узнал грех, как посредством закона, ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил „не пожелай“… без закона грех мертв» (Рим. 7:7–8).

В русском языке эта мысль передается замечательным выражением «запретный плод сладок». Как только появляется запрет на что-то, сразу это что-то становится желанным — как только тебе говорят «не желай жену ближнего», то сразу жена ближнего становится чем-то привлекательным, начинает привлекать к себе внимание и рождает желание нарушить, трансгрессировать закон. Соответственно, возникает парадоксальная диалектика закона и греха — вроде как закон нужен для того, чтобы сделать грех невозможным, запретить грех, но парадоксальным образом закон оживляет грех, оживляет желание этот грех совершить, совершить трансгрессию. То есть, если на стол положить конфету и сказать, что эту конфету ни в коем случае нельзя брать, мол, кто возьмет, того тут же расстреляют, тому тут же отрубят руки, то очень скоро эта конфета станет невероятно желанной, все захотят эту конфету иметь, она станет какой-то особенной, потому что запрет, закон сделал ее желанной.

Лакан хватается за эту интуицию апостола Павла и говорит о том, что появление отцовского запрета, с одной стороны, запрещает доступ к наслаждению, но с другой стороны, рождает желание получить это наслаждение. С одной стороны, запрет, с другой — желание этот запрет нарушить и получить запретный плод.

Поэтому в своем семинаре 1953–1954 годов Лакан говорит о том, что Сверх-Я — это одновременно закон и его разрушение[1]. То есть это то, что сдерживает меня, ограничивает меня, запрещает мне что-то и одновременно рождает во мне желание этот запрет нарушить и получить то, что я желаю вопреки закону. То есть получить утраченный объект наслаждения, тот объект наслаждения, который становится невероятно привлекательным. У Фрейда это объект получил название das Ding, то есть Вещь. Материнская вещь. Лакан эту идею у Фрейда заимствует. Он берет идею Вещи, das Ding, Материнской вещи, обладание которой связано с переживанием какого-то невероятного наслаждения, удовлетворения всех нужд — такое, можно сказать, идеальное, райское состояние, состояние блаженства.

Однако эта Вещь не существует до запрета, до Закона, она конструируется этим запретом — Вещь запретили, и сразу же она возникла как утраченный, чаемый объект желания. То, что субъект хочет получить, несмотря на запрет, это то, что субъект парадоксальным образом не может получить — но не по причине запрета. Материнская вещь сама по себе не существует, она возникает только вместе с запретом, то есть как бы задним числом. Вместе с запретом возникает иллюзия, фантазм об этой самой Материнской вещи, которая к себе притягивает. То есть, повторюсь, Сверх-Я — это одновременно и закон, и разрушение этого закона.

Закон — это одновременно и то, что побуждает этот закон разрушить. В семинаре 1972–1973 годов Лакан говорит о том, что «[Н]аслаждаться понуждает че-

---

[1] *Лакан Ж.* Семинары. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953–1954). М.: Гнозис / Логос, 1998.

ловека только одно — его Сверх-Я. Сверх-Я и есть не что иное, как императив наслаждения — *Наслаждайся!*»[1]

Сверх-Я возникает как инстанция, которая не просто запрещает, но еще и терзает, мучает. Императив «наслаждайся!», получи то, что ты хочешь, налетает на запрет. И из этого столкновения вылетают искры вины, муки совести. Вина, с одной стороны, за то, что у субъекта возникает желание нарушить запрет, получить нечто запретное, а с другой — вина за то, что он не может получить то, что он так хочет, что он какой-то неудачник, что он не может получить желаемое, что он лишен доступа к наслаждению. Мол, вокруг все наслаждаются, а ты какой-то не такой, не как все — у тебя доступ к наслаждению закрыт, ты не можешь к нему прорваться. Поэтому Сверх-Я не просто что-то запрещает, оно еще и мучает — за счет создания вот этого столкновения между, с одной стороны, законом, запретом, а с другой — оживленным этим запретом грехом или пороком, тягой нарушить этот закон, получить нечто запретное, получить то самое трансгрессивное наслаждение.

Собственно, эта рефлексия и лежит в основании парадоксальной мысли Лакана о том, что Сверх-Я — это императив наслаждаться, наталкивающийся на невозможность наслаждаться.

Идею парадоксальности Сверх-Я я бы хотел проиллюстрировать на примере Мартина Лютера. Мартин Лютер — религиозный деятель XVI века, человек, который инициировал Реформацию, с которого возник протестантизм. Изначально Лютер был католическим

---

[1] *Лакан Ж.* Семинары. Книга 20: Еще (1972–1973). М.: Гнозис / Логос, 2011. С. 9.

монахом. Он был очень сознательным монахом — он искренне пытался заниматься тем, чем занимаются монахи: усмирял плоть, боролся с греховными помыслами, во всем себя ограничивал. И в этом стремлении он натолкнулся на парадокс, который с точки зрения психоанализа вполне ясен.

Чем больше Лютер старался, чем сильнее себя ограничивал, чем более хорошим монахом пытался быть, чем больше ограничений на себя накладывал, чем больше старался удовлетворить Закон, тем большим негодяем, подлецом, даже дерьмом себя чувствовал. Он столкнулся с парадоксом — чем больше субъект старается вести себя по совести, тем больше она его заедает. Чем лучше хочешь быть, тем сильнее гложет совесть, тем более несчастным себя чувствуешь.

Мартин Лютер отследил этот момент. Он понял, что это порочный круг: чем больше он старается удовлетворить требования Закона, тем хуже себя ощущает. Лютер в итоге вырвался из этого круга — он сказал, что человек спасается не делами и поступками, а исключительно верой. Далее он ушел из монастыря, женился и основал новое направление внутри христианства (лютеранство).

Фрейд эту идею объяснял примерно так: чем больше мы смиряем свои желания, тем больше остается энергии, эта энергия подпитывает Сверх-Я. В итоге Сверх-Я становится сильнее. Чем сильнее оно становится, тем, соответственно, сильнее оно давит на «Я». Или как бы объяснил это Лакан — чем сильнее человек инвестирует запрет, чем больше он себя ограничивает, чем большим становится этот запрет, тем, соответственно, большим становится и желание его нарушить. Это порочный круг — чем сильнее Закон,

тем больше желания его нарушить и тем, соответственно, больше искр угрызения совести, вины, мук и т. д.

То есть Сверх-Я — это инстанция, которая говорит: «Наслаждайся!» Но ее задача не в том, чтобы субъекту было хорошо. Она мучает, третирует, запуская те порочные круги, которые в свое время были описаны Мартином Лютером.

Я бы хотел в связи с этим сюжетом еще проговорить момент, который касается более широкого социального контекста и его связи с императивом «наслаждайся!». Когда общество репрессивное, когда общество основано на запретах, на ограничении удовольствия, на ограничении наслаждения, как, например, это было во времена Фрейда: викторианская эпоха, секс — это что-то из ряда вон выходящее, что-то совершенно запретное, что-то совершенно невозможное, что-то, что заставляет людей испытывать по поводу этих желаний сильные угрызения совести. То это рождает сильное желание этот запрет нарушить. Соответственно, императив наслаждения налетает на запрет — из этого возникают угрызения совести, муки вины, неврозы и т. д.

Когда общество репрессивное, субъект испытывает вину, с одной стороны, за желание наслаждаться, а с другой — за невозможность наслаждаться. Но в таком обществе он как будто бы чувствует поддержку. Все не могут наслаждаться, и это нормально. А если взять, допустим, средневековое общество, которое вообще культивировало страдание, боль, то в такой логике это, собственно, и есть удел человеческий. Да, ты страдаешь, мучаешься, но, как говорится, «Господь терпел и нам велел». То есть общество в целом солидарно с твоим страданием, солидарно

с твоими ограничениями. Однако в какой-то момент репрессивное общество стало невыносимым, запреты стали слишком обременительными, их издержки стали слишком высокими — неврозы и прочие психические проблемы. В этот исторический момент на сцену выходит психоанализ.

Фрейд освободил, эмансипировал человечество, позволил ему соприкоснуться со своими желаниями. В том числе с теми желаниями, которые мыслились в качестве греховных, неправильных, недопустимых. Но в какой-то момент человечество перешло в другую крайность — в крайность пермиссивного общества, общества, где все можно, где нет вообще никаких ограничений и где Большой Другой говорит: «Наслаждайся! Ты должен наслаждаться! Давай, веселись — жизнь прекрасна, веселись, радуйся, пусть брызги счастья разлетаются во все стороны». С одной стороны, кажется, что это более здоровая ситуация по сравнению с репрессивным обществом, где Большой Другой, наоборот, запрещал наслаждаться, но с другой — если поместить пермиссивное общество с его императивом «Наслаждайся!» в контекст лакановских размышлений о Сверх-Я, то может получиться гораздо более неоднозначная картина.

Императив наслаждения, который исходит от Сверх-Я и который налетает на запрет, исходящий от отцовской функции, не исполним, по словам Лакана, ни для кого из говорящих. Как только субъект попадает в символическое пространство, как только он сталкивается с запретами, наслаждение оказывается для него недоступным. Соответственно, происходит столкновение желания получить это наслаждение с невозможностью его получения. Если репрессив-

ное общество делало эту невозможность терпимой — никто не получает, и это нормально. То пермиссивное общество посылает субъекту тот же императив наслаждения, но еще более усиленный. И от этого субъект может страдать еще больше. Ведь теперь он испытывает вину не только за то, что у него есть трансгрессивные желания, но и за то, что он не может получить того, что он хочет. Что он неудачник. Если общество в целом как бы говорит: да, нормально не получать того, что ты хочешь, нормально мучиться от чувства вины и страдать и так далее. Это одно. А когда общество говорит: «Наслаждайся!», то неспособность наслаждаться рождает ощущение, как будто бы ты неудачник вдвойне.

Все вокруг говорит: «Наслаждайся!», а субъект не может этого делать (по своим конститутивным особенностям). Страдание пермиссивного общества связано не с тяжестью запретов, становящихся невыносимыми, а с требованием наслаждения, наталкивающимся на конститутивную неспособность наслаждаться. Субъекты пермиссивного общества идут к терапевтам и жалуются на то, что не могут наслаждаться, что все вокруг веселятся, а они не могут, что всем вокруг хорошо, а им — нет. То есть пермиссивное общество терроризирует субъекта именно наслаждением, усиленным эхом человеческого Сверх-Я. Если субъект не может наслаждаться, если он не живет так, что брызги счастья не летят во все стороны, то он обречен на чувство вины — как будто бы он неудачник, лузер, не может получить того, что хочет. То есть репрессивное общество создает одно напряжение между запретом и желанием, а пермиссивное — другое.

Пермиссивное общество создает свой конфликт, свой тип страдания, связанный с невозможностью наслаждаться — невозможностью по определению, потому что das Ding, Вещь, тот самый идеальный объект-наслаждение, утрачена. Утрачена в том смысле, что ее никогда и не было, что она была как бы задним числом сконструирована. То, что было запрещено, задним числом стало объектом мечтаний. Любил ребенок по улице бегать, а отец сказал — никогда больше по улице бегать не будешь. И сразу это бегание по улице превратилось в синоним счастья. Мол, только бы разрешили по улице целыми днями бегать, а без этого нет счастья, нет покоя и т. д.

Вот эта неспособность наслаждаться, неспособность откликнуться на императив наслаждения рождает некоторые интересные феномены. Один из таких интересных феноменов, описываемый последователями Лакана[1], — это феномен украденного *jouissance*, наслаждения. Почему я не могу наслаждаться? Потому что кто-то украл мое наслаждение. Я тут пашу на трех работах, а кто-то там наслаждается! Он украл мое наслаждение и с моим наслаждением сидит довольный. Это становится, например, основанием для вражды между сообществами, между людьми. Отсюда, возможно, в современной культуре так сильно желание ограничить, запретить *jouissance* других — запретить им слушать громкую музыку, запретить курить, запретить выпивать. Ограничить то наслаждение, которое переживается как украденное у нас, как существующее за наш счет, как недоступное для нас.

---

[1] *Zizek S.* Looking Awry: An Introduction to Jacques Lacan through Popular Culture. The MIT Press London, 1991.

После выхода из Эдипова комплекса мы имеем дело уже с кастрированным субъектом. С субъектом перечеркнутым, с субъектом, который потерял себя в языке, потерял себя в символическом регистре. С субъектом, который пожертвовал частью своего наслаждения, ограничил это наслаждение, признал собственную ограниченность, собственную кастрированность, собственную нехватку.

Вместе с этим субъектом мы попадаем в пространство желания. Желания, которое как бы приходит на смену наслаждению. Как пишет Лакан: «кастрация означает, что от наслаждения нужно отказаться, чтобы получить возможность достичь его на перевернутой шкале Закона желания»[1]. И еще Лакан добавляет: «Желание есть не что иное, как защита — запрет на переход в наслаждении определенной границы»[2]. То есть после того, как *jouissance* ограничен, появляется желание, которое, с одной стороны, дает субъекту доступ к чему-то смутно напоминающему наслаждение, к остаткам этого *jouissance*, но с другой — гарантирует, что субъект в этом поиске никогда не перейдет определенную границу.

Чтобы лучше пояснить, как работает желание согласно Лакану, необходимо разобрать ключевое понятие, которое Лакан вводит в 1950-х годах для описания механизма желания. Это понятие объекта-причины желания (или маленький объект a/объект маленькое a). Что такое объект-причина желания? Здесь надо сначала разобрать, что такое объект желания и что такое причина желания.

---

1 *Лакан Ж.* Инстанция буквы, или Судьба разума после Фрейда. С. 181.

2 Там же. С. 179.

Объект желания — это то, на что желание направлено. Например, я хочу что-то, я желаю что-то и это что-то является объектом моего желания. Например, я могу хотеть новый современный автомобиль. Этот новый современный автомобиль является объектом моего желания. Это то, что я хочу. Это то, на что мое желание направлено.

А причина желания — это та конкретная причина, по которой данный автомобиль является для меня желанными. Чем этот конкретный автомобиль меня так привлекает? Например, он может привлекать меня особым изгибом фар. Это какая-то уникальная специфическая особенность автомобиля, которая делает именно этот автомобиль желанным для меня.

То есть объект желания — автомобиль, а причина желания — какая-то конкретная деталь, какой-то конкретный элемент этого автомобиля, который является причиной того, что этот автомобиль становится для меня желанным. Соответственно, объект-причина желания — это такой парадоксальный объект, который одновременно является и причиной желания, и тем, на что это желание направлено.

Здесь у Лакана очень парадоксальная идея. Суть этой идеи в том, что этот объект-причина желания никогда не может быть достигнут. То есть это некоторый невозможный объект. Это то, что субъекту никогда не удается схватить. В этом смысле никогда нельзя получить то, что хочешь. Речь всегда идет о метонимии желания. Что значит метонимия желания? Это значит, что желание все время смещается с одного объекта на другой и везде будет присутствовать одна и та же иллюзия, связанная с желанием. Субъекту кажется, что вот этот объект, на который

его желание направлено, и есть то, что он хочет, но, получив этот объект, он сразу выясняет — ничего подобного.

Как будто бы объект, который вызывает желание субъекта, попав ему в руки, тут же эту свою желательность утрачивает. Он/она берет его в руки, и оказывается, что вот этого объекта-причины желания в нем нет, он сместился куда-то в другое место, переместился на какой-то другой объект. И снова субъект пытается этот другой объект заполучить, но получив его, снова понимает, что это не то. То есть объект-причина желания неуловим. Он всегда не там, где кажется субъекту. Отсюда, соответственно, метонимия желания, то есть постоянное смещение желания с одного объекта на другой. Что бы субъект ни получил, это не то, что он/она хочет, потому что субъект хочет не этот конкретный объект, он/она хочет получить вот этот самый загадочный объект-причину желания, который, как ему кажется, размещается то в одном, то в другом, то в третьем объекте. Но какой бы объект он/она ни брал, какой бы объект он/она ни получал, всегда оказывается, что это не то, что этот объект-причина желания снова от него/нее ускользнул.

В этом смысле желание человека бесконечно. И метонимия человеческого желания тоже бесконечна. Она является отражением конститутивной нехватки человека. То есть для самой структуры человеческой субъективности характерна нехватка, утрата чего-то. Утрата чего-то, что он/она пытается возместить, восполнить. Символом этой утраты, нехватки, того, что субъект пытается получить, чтобы эту полноту восполнить, как раз и является объект-причина желания. Человек иллюзорно считает, что этот объ-

ект находится в каком-то внешнем объекте. Но каждый раз получив этот внешний объект, выясняется, что это не он, это не то. Поэтому, повторяюсь, метонимия желания бесконечна.

Бесконечна в силу того, что то, за чем субъект всю жизнь так долго и упорно гоняется, это осколок того самого утраченного наслаждения, который он/она пытается найти. Субъект перебирает один объект, другой объект, третий объект в поисках утраченного *jouissance*, утраченной полноты, но какой бы объект он/она ни брал, ни один из них не способен вернуть утраченное наслаждение.

Хорошая иллюстрация этой идеи — ослик, который бежит за морковкой. Морковка на удочке привязана прямо перед ним, она висит, и ему кажется, что она вот тут рядом. Но как бы быстро он за ней ни бежал, он никогда не сможет ее достигнуть, потому что сама конструкция той повозки, в которую запряжен этот ослик, делает морковку недостижимой. На рисунке 42 виден этот процесс — тут есть человек под значком с перечеркнутым субъектом, который бежит за привязанной перед ним морковкой (объект-причина желания). В лакановской алгебре это находит выражение в формуле, данной на рисунке 43. То есть перечеркнутый субъект, субъект, утративший свою целостность, вечно преследующий свой объект-причину желание и никогда не могущий его достигнуть.

В силу конститутивной нехватки, в силу невозможности в принципе найти то, что даст полноту, желание в своем движении бесконечно. Бесконечна его метонимия. Утраченное наслаждение не может быть найдено. Соответственно, бег за тем, что субъект хочет, бесконечен — он никогда не получит желаемого.

Рисунок 42. Человек-ослик, преследующий объект-причину желания

Объект-причину желания Лакан сравнивал с древнегреческим понятием ”агалма“. Агалма — это драгоценность, ценное приношение богам. Нечто, что, будучи помещенным во что-то, придает ему ценность. Это, по словам Лакана, то, «с помощью чего вы можете, коротко говоря, привлечь внимание богов»[1]. То есть это настолько ценная, настолько замечательная, настолько драгоценная вещь, что она способна привлечь внимание богов. Сами боги заворожены агалмой. Сам резервуар, в который агалма помещается, не имеет никакой ценности. Ценность имеет лишь положенная в него агалма.

Агалма — это и есть объект-причина желания в том смысле, что субъект пытается заполучить те или

[1] *Лакан Ж.* Семинары. Книга 8. Перенос (1960–1961). М.: Гнозис / Логос, 2019. С. 160.

иные объекты, потому что считает, что в них находится эта драгоценность, эта агалма. Но каждый раз, получив тот объект, развернув его обертку, он/она обнаруживает пустоту, понимает, что там нет ничего, кроме этой самой пустой оболочки. Оболочки, которую субъект отбрасывает и устремляется за следующим объектом. Как пишет Лакан: «если этот объект вам эмоционально небезразличен, то это значит, что внутри него кроется объект желания, *агалма*. Вот что имеет значение, вот почему всегда интересно понять, где он, этот пресловутый объект желания, пребывает, какова его функция, как именно действует он внутри субъекта и в общении между ними»[1].

Если некоторый объект — автомобиль, должность, счет в банке, все что угодно — распаляет субъекта, если он вызывает его/ее желание, — значит с точки зрения субъекта, внутри этого объекта находится эта самая агалма, этот самый объект-причина желания. Именно эта иллюзия придает данному объекту ценность.

Говоря о желании и его объекте-причине, необходимо снова вернуться к понятию das Ding. Das Ding, или Вещь, — это отсылка к Материнскому Другому, к тому утопическому состоянию, когда младенец и мать находятся в состоянии ничем не ограниченного единства, ничем не ограниченного наслаждения. Это *jouissance*, связанный с матерью, которая еще не стала Другим (то есть еще не была опознана в качестве отличного от субъекта Другого), которая еще не была отделена за счет действия отцовской функции. Это утопический отголосок того состояния, когда нехватка

---

[1] *Лакан Ж.* Семинары. Книга 8: Перенос (1960–1961). М.: Гнозис / Логос, 2019. С. 164.

в Другом еще не была выявлена, еще не была символизирована.

Вот так Лакан поясняет это размышление: «Желание приходит от Другого, тогда как *jouissance* находится на стороне вещи»[1]. То есть Мать как Вещь — это еще не мать как Другой, это еще состояние такого, можно сказать, единства, ничем не разделенного и никак не символизированного. Единства, которое еще пока не осознается как единство с кем-то, это ситуация тотального слияния и *jouissance* от этого слияния, от непосредственного — в смысле никак не символизированного, не опосредованного никакими посредниками в виде, например, языка и вообще символического — взаимодействия с Материнской Вещью. А желание, как ясно из этой цитаты, приходит от Другого, приходит тогда, когда появляется Другой — у которого есть нехватка, который загадывает загадку, в чем же, собственно, эта нехватка заключается и, соответственно, что мне нужно для того, чтобы эту нехватку в Другом, а значит, и в себе, заполнить. Как получить любовь Другого — это вопрос субъекта желания. А *jouissance* находится на стороне Вещи.

Другая цитата Лакана: «…она, Вещь эта, представляет собою то, что в Реальном — Реальном, которое нам не нужно пока как-то ограничивать, Реальном в его совокупности, включающем как Реальное субъекта, так и Реальное того, с чем он имеет дело как по отношению к нему внешним, — то, повторяю, что, в первоначальном Реальном, терпит от означающего ущерб»[2]. То есть речь идет о Вещи, о непосредственном взаи-

---

[1] *Lacan J.* Écrits. Paris: Seuil, 1966. P. 854.

[2] *Лакан Ж.* Семинары. Книга 7: Этика психоанализа (1959–1960). М.: Гнозис / Логос, 2006. С. 155.

модействии с этой Вещью, которая субъектом утрачивается в тот момент, когда появляются означающие, когда появляется символическое, когда начинает действовать отцовская функция, которая разделяет, которая вводит ребенка в пространство культуры, пространство запретов, которая позволяет провести некоторую черту, отделяющую этого самого становящегося субъекта от Другого — в данном случае от материнского Другого, который осознается в качестве Другого, в качестве Другого с нехваткой.

Дальше, как я писал выше, эта нехватка символизируется, и тем самым запускается весь механизм желания — череда попыток эту нехватку назвать, угадать, в чем она заключается. Короче говоря, то, что я описывал как метонимию желания.

В этом смысле психическое становление субъекта — это движение от *jouissance* Другого к желанию Другого. В следующей лекции я буду разбирать психические структуры и мы увидим, что чем дальше заходит психическое развитие, тем, соответственно, надежней субъект отодвигается от *jouissance* Другого. *Jouissance*, как я писал выше, — это наслаждение через край, это чрезмерное наслаждение, то наслаждение, от которого необходимо защититься. Чем успешнее субъект от этого чрезмерного наслаждения защищается, тем, соответственно, плотнее он/она встраивается в динамику, где взаимодействие идет уже не столько с *jouissance* Другого, сколько с желанием Другого. Например, если говорить о психотической структуре, то эта психотическая структура будет связана с неспособностью отделиться от *jouissance* Другого. Невротическая структура, которая располагается как бы на другом конце спектра, уже будет связана с тем, что этот *jouissance* достаточно надежно отделен от субъекта, а сам субъект

вплетен в динамику, связанную с желанием Другого. Желанием, которое, с одной стороны, позволяет субъекту все-таки каким-то образом иметь дело с этим *jouissance* Другого, но иметь дело таким образом, чтобы оно ему не угрожало. То есть невротик имеет дело с наслаждением, которое уже ограничено и которое не может перейти некоторую черту.

Но все равно, если говорить о том, что лежит в основании желания, если идти к основанию желания, то неизбежно упрешься в эту самую Вещь. В ту Вещь, которая была как бы утрачена на входе в психическое развитие. Тут важно выражение «как бы». «Как бы» имеется в виду в том смысле, что нельзя утверждать, будто бы субъект когда-то обладал этой Вещью. Эта Вещь конституируется через осознание собственной нехватки — субъекту чего-то не хватает и отсюда может возникнуть иллюзия, будто бы он/она когда-то этим чем-то обладал (и это обладание переживалось как высшее блаженство).

Собственно говоря, именно иллюзия, согласно которой есть что-то, что когда-то было моим, что позволяло мне переживать себя полным, лишенным нехватки, и есть то, что поддерживает желание на плаву, не позволяет этому желанию заглохнуть, постоянно это желание поддерживает и одновременно обеспечивает постоянную неудовлетворенность этого желания. Обеспечивает вечное кружение желания вокруг невозможного объекта, вокруг невозможности полного удовлетворения, нахождения этой самой агалмы. Что бы субъект ни пробовал, это все будет не то, потому что тем, что ему/ей нужно, он/она, во-первых, никогда не обладал, а во-вторых, его утратил, лишился. Символическая кастрация навсегда лишила субъекта обладания Вещью. Но лишив его этой Вещи, этого

наслаждения, она одновременно его/ее от нее защитила, потому что *jouissance*, повторюсь, это то, от чего, как это ни парадоксально, необходимо защищаться. Если от него не защищаться, то оно способно полностью поглотить субъекта, уничтожить его, не позволить ему никоим образом развиться (что происходит при образовании психотической структуры).

Следующие важные понятия Лакана, логично связанные с желанием, это фантазия, а также фундаментальная фантазия[1], которые появляются в трудах философа в 1950-х годах. Изначально Лакан опирался на идеи Мелани Кляйн (по Кляйн, бессознательная фантазия есть то, что определяет всю матрицу интерсубъективных отношений), но впоследствии от них отошел и развил свое оригинальное понимание.

В самых общих чертах фантазия — это отражение того, как именно перечеркнутый, кастрированный субъект, субъект, лишенный какой-то своей части, с этой лишенной частью взаимодействует, как он представляет себе достижение этой утраченной части. Это идея зашифрована в самой формуле фантазии (рисунок 43) — перечеркнутый субъект в отношении (знак ◊) с объектом-причиной желания, то есть в отношении с той утраченной частью, которую он/она хочет заполучить. Как поясняет один из комментаторов Лакана: «Знак ◊ обозначает отношения свертывания-развертывания-объединения-разъединения»[2]. Эта формула уже фигурировала выше, где речь шла об ослике, бежавшем за морковкой. Перечеркнутый субъект, который гонится

[1] *Fink B.* Fantasies and the fundamental fantasy. An introduction // Fink B. Against Understanding. Vol. 2. London: Routledge, 2014 [электронное издание].

[2] *Evans D.* An Introductory Dictionary of Lacanian Psychoanalysis. London: Routledge, 1996. P. 111.

за объектом-причиной своего желания и, как ему кажется, ее настигает — это и есть фантазия.

Рисунок 43. Формула фантазии

При этом у Лакана есть парадоксальная мысль о том, что фантазия — это не нечто подвижное, изменчивое, неуловимое. Наоборот, зачастую фантазия крайне ригидна (то есть фиксируется в одних и тех же формах и не меняется) и во многих своих аспектах повторяется у самых разных людей. Например, если брать мужчин, то у них часто встречаются фантазии, в которых так или иначе фигурируют старшие, более могущественные мужчины, по отношению к которым данный мужчина провинился и будет наказан[1] (что Фрейд описал в своей статье «Ребенка бьют»). Еще один неотъемлемый элемент мужских фантазий — представление о том, что та женщина, в которой он заинтересован, на самом деле для него недоступна в силу вмешательства какого-то другого мужчины (например, более сильного или привлекательного, чем он) (это воспроизведение эдипальной проблематики).

Что делает фантазия? Фантазия определяет не только то, что именно этот кастрированный, перечеркнутый, лишенный полноты субъект желает, но и то, как он это делает, как именно он желает. Какова структура, внутри которой это желание может

[1] *Фрейд З.* Ребенка бьют: к вопросу о происхождении сексуальных извращений // Л. фон Захер-Мазох. Ж. Делез. З. Фрейд. Венера в мехах. М.: РИК «Культура», 1992. С. 317–348.

возникать? Фантазия учит не только тому, что желать, но и тому, как желать. Она определяет ту ситуацию, ту структуру, в которой возможно появление желания и, соответственно, реализация этого желания.

Пример фантазии: женщина, которая может испытывать желание, только если рядом с ней присутствует мужчина, который глядит на нее определенным образом. Эта фантазия связана с присутствием определенного мужского взгляда и только в присутствии этого взгляда данная женщина может испытывать желание. Ее фантазия структурирована вокруг желания получить тот самый заветный взгляд, являющийся для нее объектом-причиной желания.

При фантазии речь идет не просто о том, чего хочет субъект, в каких отношениях он находится с объектом-причиной своего желания. Здесь также обязательно присутствует Другой. Поэтому фантазию можно также характеризовать как наиболее базовое положение субъекта в отношении желания/наслаждения Другого. Ведь для Лакана желание — это всегда желание Другого, оно всегда подразумевает присутствие Другого. Даже приведенная выше фантазия про «ребенка бьют» — это тоже про отношение субъекта и желания Другого, связанного с желанием наказания этого субъекта.

Еще большая парадоксальность фантазии заключается в том, что это не просто нечто ригидное и часто повторяемое, но каждый субъект еще и организован вокруг какой-то одной фантазии. Эту одну структурирующую фантазию Лакан называл фундаментальной. Фундаментальная фантазия субъекта ригидна, вокруг нее выстроено его желание, она структурирует его желание, структурирует его взаимодействие с Другим,

с желанием Другого. Фундаментальная фантазия определяет то базовое положение, в котором субъект находится в отношении Другого.

Если говорить о лакановский терапии, то один из важных ее элементов заключается в выявлении фундаментальной фантазии субъекта. В определении того, как субъект себя ставит в отношении Другого, как он/она ставит себя в отношении желания/требования/наслаждения Другого и, соответственно, как он с этим желанием/требованием/наслаждением взаимодействует. Он фрустрирует желание Другого, он отрицает это желание и т. д. После выявления эта фундаментальная фантазия может быть изменена — формат отношений субъекта с Другим может быть перестроен. В лакановском подходе этот момент называется «перейти через» или «перейти за» фантазию (фантазм). Формулы конкретных фундаментальных фантазий могут быть разными. У обсессивной структуры она одна, у истерической — вторая, у первертной — третья[1] и т. д.

Идея фундаментальной фантазии и ее преодоления, выхода за ее пределы связана с концепцией разных метафор субъекта. На рисунке 44 видны основные метафоры субъективности.

Метафора, напоминаю, это про вытеснение одного другим. В рамках начальной метафоры (слева) субъект имеет дело с требованием другого. Другой что-то от него/нее хочет, что-то конкретное, и субъект как бы вытеснен, отодвинут на задний план этим требованием Другого. Он воспринимает себя как того, кто должен это требование Другого исполнить, дать этому Друго-

[1] См. лекцию 5.

му что-то такое, что Другой от него хочет. Или, наоборот, не дать ему этого, фрустрировать его.

Другой / $	объект а / $	$ / объект а
требование / субъект как влечение	желание / субъект как влечение	субъект как влечение / объект а

Рисунок 44. Основные метафоры субъекта[1]

В рамках следующей субъективной метафоры субъект сталкивается с желанием Другого. Вместо требования Другого он имеет дело с желанием Другого. Напомню, что желание отличается от требования тем, что требование конкретно — Другой хочет от субъекта чего-то конкретного, а желание, наоборот, — это что-то загадочное, что-то под вопросом. Здесь субъект оказывается перед загадкой желания Другого. Что этот Другой хочет? В рамках этой метафоры субъект оттеснен на задний план желанием Другого. Собственные влечения субъекта вытеснены, подчинены логике желания Другого. Субъект в рамках этой метафоры пытается угадать, что же Другому нужно — например, в рамках терапии. Он/она как бы уверен, что знает, что аналитик от него/нее что-то хочет, что он должен что-то дать аналитику, чтобы тот был доволен. Но он не понимает до конца, что же это такое.

[1] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 209–210.

Наконец, третья метафора субъекта представляет собой момент выхода из невроза, прорыв по ту сторону невротической структуры. В рамках этой метафоры уже сам субъект выходит на передний план. Но не просто субъект, а субъект влечения. Как я писал, любое влечение по Лакану — это влечение к смерти. Здесь на первый план выходит влечение к смерти, которое, в свою очередь, уже теснит Другого с его желанием. То есть это такая почти утопическая метафора субъекта, утопическая структура субъективности, связанная с возможностью существования по ту сторону невроза, по ту сторону привычной фундаментальной фантазии.

О том, что такое влечение к смерти и как можно существовать в пространстве такого влечения, речь пойдет в следующей лекции, где, в частности, я затрону идеи Славоя Жижека. Жижек много внимания посвящал этому сюжету, разъяснению того, что такое влечение к смерти и почему влечение к смерти — это если не оптимальная этическая позиция, то как минимум та позиция, которая возникает у субъекта после того, как он перешагнул через свою фундаментальную фантазию, перешагнул через собственный невроз.

В следующей лекции я также разберу разные лакановские психические структуры и покажу, как их возникновение связано с теми процессами, которые разбирались в данной главе. То есть их связь с позицией в отношении Другого, с наслаждением Другого, с отцовской функцией, с этапами действия отцовской функции, с выходом в пространство желания и т. д.

Литература для дальнейшего чтения

Лакан Ж. Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда / Ж. Лакан; пер. с фр. А. К. Черноглазова, М. А. Титовой (Значение фаллоса). — М.: Русское феноменологическое общество; Логос, 1997. — С. 148–183.

Лакан Ж. Семинары. Книга 5: Образования бессознательного (1957–1958) / Ж. Лакан. — М.: Гнозис/Логос, 2018. — 608 с.

Семинар, в частности, в деталях разбирает понятия кастрации, Имени-Отца, отцовской метафоры, элементов Эдипова комплекса.

Chiesa L. Subjectivity and Otherness: A Philosophical Reading of Lacan / L. Chiesa. — Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press, 2007. — 248 p.

Dor, J. Introduction to the Reading of Lacan / J. Dor. — New York: Other Press, 2013. — 296 p.

Вторая и третья части этой книги — потрясающее введение во многие из тех сюжетов, которые были разобраны в данной лекции. В частности автор подробно пишет про Эдипов комплекс, про отцовскую метафору, про метонимию желания и т. д.

Haute P. van. Against Adaptation. Lacan's «Subversion of the Subject» / P. van Haute. — New York: Other Press, 2001. — 360 p.

Уже упоминавшаяся в первой главе книга. Подробный разбор текста Лакана о «Ниспровержении субъекта» и одновременно одно из лучших введений в лакановскую теорию в принципе. Можно рекомендовать в качестве начального чтения для тех, кто пытается разобраться в Лакане.

Fink B. Reading «The Subversion of the Subject» // Fink B. Lacan to the Letter. Reading Écrits Closely / B. Fink. — Minneapolis, Minn., London: University of Minnesota Press, 2004. — P. 106–128.

Как всегда у Финка — блестящее разъяснение многих сложных мест лакановского текста «Ниспровержение субъекта».

Лекция 5

ПСИХИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ: ПСИХОТИЧЕСКАЯ, ПЕРВЕРТНАЯ, НЕВРОТИЧЕСКАЯ

Тема данной лекции — основные психические структуры, выделяемые в рамках лакановского подхода. Таких структур три: психотическая, первертная и невротическая. По мере моего изложения будет становиться ясно, в чем эти структуры заключаются, а также то, что эти структуры напрямую вытекают из тех теоретических соображений, которые были рассмотрены в предыдущей лекции. То есть выделение разных психических структур органически встроено в понимание процесса становления субъекта и тех этапов, которые он/она на этом пути проходит.

Однако прежде мне бы хотелось сказать несколько слов о том, на каких принципах построена диагностика в рамках лакановского подхода. В частности, первое, на что я хотел бы обратить внимание, это отличие лакановской диагностики, то есть лакановского подхода к постановке диагноза, от тех подходов, которые сегодня являются стандартными.

Под стандартными подходами я имею в виду те подходы, которые приняты в таких справочниках, как например „Diagnostic and Statistical Manual of Mental

Disorders“, DSM, то есть «Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам». Это американский справочник. За пределами США аналогичную функцию выполняет МКБ, то есть «Международная классификация болезней». Лаканисты часто критикуют тот подход, который заложен в последние версии данного справочника[1].

В чем же именно проблема DSM и аналогичных справочников? Дело в том, что в них на первый план выходят симптомы — диагноз ставится через наличие или отсутствие определенных симптомов. Если у человека есть те или иные симптомы, то на основании этого ему можно поставить тот или иной диагноз.

Однако лакановский — да и в целом психоаналитический — подход устроен иначе. В рамках этого подхода ключевым является понятие структуры — важны не симптомы, не какие-то конкретные проявления расстройства, но именно структура, которая лежит за этими симптомами, проявлениями и т. д. Внимание к симптомам противопоставляется вниманию к структурам, структурным чертам, которые необходимо высматривать за всеми видимыми симптомами.

Структурные черты можно определить как «предопределенный профиль экономии желания субъекта, следующий определенной стереотипизированной траектории»[2]. В некотором смысле можно сказать, что это, иначе говоря, фундаментальная фантазия. Для того, чтобы в рамках лакановского подхода поставить диагноз, определить, какой структуре соответствует тот или иной индивид, необходимо выявить структур-

---

[1] См. например: *Vanheule S*. Diagnosis and the DSM: A Critical Review. Palgrave Pivot, 2014.

[2] *Dor J*. The Clinical Lacan. New York. Other Press (Lacanian clinical field), 1999. P. 9.

ные черты. Или определить, какая именно фундаментальная фантазия определяет данного конкретного субъекта, данного конкретного анализанта.

Сторонники такого подхода утверждают: если обращать внимание только на симптомы, то можно не увидеть принципиальной разницы двух разных анализантов: дело в том, что одни и те же симптомы могут быть у совершенно разных структур. Если игнорировать глубинные структуры, «профиль экономии желания субъекта», его фундаментальную фантазию, то, как он взаимодействует с наслаждением Другого, с желанием Другого, какую основную защиту использует, то можно перепутать, например, психотика с первертом, а перверта с невротиком. Один и тот же симптом может быть и у перверта, и, допустим, у человека с истерической структурой (истерия, с точки зрения Лакана, — это подструктура в рамках невроза). Например, эксгибиционизм, стремление выставлять себя напоказ.

Важность этого различения в том, что разные структуры требуют разного подхода к терапии. С каждой структурой необходимо работать по-своему, то есть с первертом нельзя работать так же, как с человеком, у которого невротическая структура и, соответственно, наоборот. Если концентрироваться только на симптомах, если игнорировать глубинные структуры, структурные черты, то это может иметь серьезные следствия для терапевтической работы. Например, попытки работать с психотиком так же, как с невротиком, путем интерпретаций, путем обращения внимания на «речь Другого» (оговорки, обрывы речи, паузы и т. д.) может привести к катастрофическим последствиям — психотические срывы,

попытки самоубийства (что неоднократно описывалось в психоаналитической литературе).

Следующий важный момент, связанный с диагностикой: в рамках лакановского подхода структура зависит от того, в каких отношениях субъект находится с отцовской функцией. И, соответственно, от того, как этот субъект вплетен в ту эдипальную динамику, которая была рассмотрена в предыдущей лекции. Из того, до какой стадии в эдипальной динамике дошел субъект, вытекает его диагноз, вытекает то, к какой структуре он относится. До какой точки в процессе становления данный конкретный субъект дошел, и где, соответственно, он остановился, где у него произошел сбой, затык, не позволивший ему продвинуться дальше.

У лакановского подхода к выделению структур есть еще одна особенность — он отрицает наличие особой пограничной структуры. Это звучит несколько экзотично: сегодня модно говорить о пограничной структуре, о пограничных пациентах и так далее. Однако лаканисты, по крайней мере традиционные, это отрицают — с точки зрения рассматриваемого подхода, каждой структуре соответствует определенное отношение к отцовской функции, определенное отношение к наслаждению Другого, к желанию Другого, определенное место в эдипальной динамике, определенный ведущий защитный механизм. А так как пограничная структура лишена своего особого защитного механизма, у нее нет никакого своего четкого места внутри эдипальной динамики, то, соответственно, ее выделение безосновательно. Есть только три структуры — психотическая, первертная и невротическая. Те кейсы, которые в рамках иных подходов описываются как пограничные, в рамках лакановской

школы представляются в русле одной из трех базовых структур[1]. Впрочем, вопрос о пограничной структуре не закрыт, и среди лаканистов идут дискуссии по этому поводу[2].

Основной принцип выделения психических структур заключается в следующем: каждая структура — это обозначение того места, которое субъект занимает на шкале субъективации. Если представить себе процесс становления субъекта как некоторый путь, который необходимо проделать, если представить себе, что на этом пути есть определенные этапы, которые надо пройти, то от того, какой именно этап был пройден, а какой, соответственно, не был пройден, будет зависеть с какой психической структурой мы имеем дело.

Процесс психического становления субъекта был рассмотрен в предыдущей лекции. Соответственно, выделение структур логично вписывается в ту последовательность, которая уже была мной проанализирована. Здесь я лишь кратко напомню основные моменты: все начинается с диады мать–ребенок, с необходимости отделиться от этого самого чрезмерного мучительного материнского *jouissance*, который Лакан сравнивал с челюстями крокодила, способными в любой момент схлопнуться и поглотить, уничтожить субъекта, так и не дав ему развиться. Ключевым моментом этого отделения является утверждение, реализация отцовской функции или отцовской метафоры, то есть введение в диаду третьего

---

[1] Например, см. *Rusansky Drob L.* Borderline Personality Disorder: A Lacanian Perspective. VDM Verlag Dr. Müller, 2008.

[2] *Waitz C.* Immersion in the Mother: Lacanian perspectives on borderline states // The Psychoanalytic Review. Vol. 106. 2019. № 1: 29–47.

элемента — Отца. За счет этого учреждается Большой Другой, Закон, символический порядок, становящийся тем самым барьером, который отделяет субъекта от чрезмерного *jouissance*.

Как я описывал выше, учреждение отцовской функции проходит в два этапа — отчуждение и сепарация. Отчуждение — это установление некоторого первичного запрета на неограниченное наслаждение, на неограниченный контакт с матерью. Это стадия Нет-Отца. По сути, это первое введение субъекта в символический порядок путем появления первичного табу, первичного запрета, установления того, что можно и что нельзя. С этого момента, как считал Леви-Стросс, а за ним Лакан, начинается вхождение в пространство культуры. В этом моменте происходит первичное вытеснение Фрейда, которое учреждает фундамент динамической психической жизни субъекта — появление сознания, бессознательного и диалектического напряжения между ними.

Второй этап — этап сепарации, гарантирует окончательное отделение от опасного *jouissance* и полноценное учреждение символического порядка. Субъект, отныне надежно прописанный в символическом порядке, имеет дело уже не с логикой *jouissance*, но с логикой желания. Со всеми перипетиями этого желания, которые были рассмотрены в рамках предыдущей лекции.

Все, что было мной сказано, можно представить в качестве таблицы, которая приведена на рисунке 45. Эту таблицу мы уже видели, когда рассматривали становление субъекта[1]. Тогда мы рассматривали эдипальную динамику, введение отцовской функции, отцовской метафоры и те стадии, которые проходит

---

[1] См. лекцию 4.

учреждение этой функции. Но рисунок 45 имеет отличия — сюда еще были добавлены соответствующие психические структуры. Видно, что эти структуры четко определяются тем, какой этап был пройден, а какой — нет.

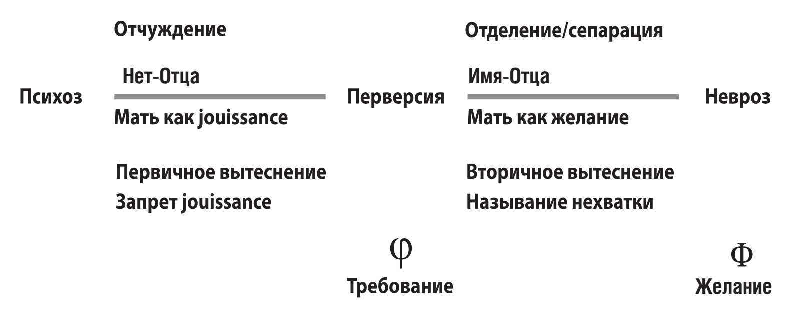


Рисунок 45. Структура психического развития (слева направо)[1]

То есть, если отцовская функция вообще не была учреждена, если субъект в своем развитии не преодолел этап отчуждения, этап Нет-Отца, то есть не произошло первичного вытеснения, не произошло становления этого первичного запрета на неограниченный *jouissance*, то в таком случае получающаяся структура будет психотической. Если отцовская функция сработала хотя бы в каком-то рудиментарном виде, если этап отчуждения, этап Нет-Отца был пройден, первичное вытеснение произошло, то в таком случае возникает первертная структура.

Первертная структура, о которой я буду подробно говорить ниже, крайне нестабильна — в ее рамках учреждение отцовской функции не произошло полностью. Субъект не был полноценным образом вписан

---

[1] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 179.

в символический порядок. Он оказался в ситуации колебания. Он оказался зажатым между «хищной вагиной матери» и «вялым пенисом отца». То есть между угрожающим ему материнским наслаждением и не до конца установившейся, не до конца утвердившейся отцовской функцией. Если субъект в своем развитии преодолевает первичную стадию Эдипа, но не проходит вторую, то он оказывается в середине процесса субъективации, приведенного на рисунке 45. Он оказывается в том структурном положении, которое соответствует как раз первертной структуре.

Наконец, если происходит полноценное учреждение отцовской функции, если она срабатывает в полной мере, то есть происходит полноценное вписывание субъекта в символический порядок, то есть если субъект проходит стадию Имени-Отца, вводится в символический порядок, вовлекается в метонимические трансформации желания, то в таком случае мы имеем дело уже с невротической структурой. Эта структура и все ее подвиды (истерическая, обсессивная, фобическая) является реакцией на травму сепарации и представляет собой различные способы эту травму преодолеть.

Психотическая, первертная или невротическая структура определяется тем путем, который был или не был проделан субъектом в процессе своего становления.

Из сказанного выше логично следует, что выделяемые Лаканом психические структуры могут быть рассмотрены с точки зрения их отношения, с одной стороны, к символическому Другому или к отцовской функции, к тому, что должно возникнуть благодаря действию этой отцовской функции, а с другой — к материнскому Другому, к материнскому *jouissance*.

На рисунке 46 представлены эти три структуры в их отношении к отцовской функции, к символи-

ческому Другому. Видно, что если речь идет о психотической структуре, то в рамках этой структуры символический Другой отсутствует, он не существует как таковой. Отцовская функция вообще не сработала. В рамках первертной структуры процесс учреждения символического Другого был начат, но не был закончен, поэтому этот символический Другой крайне хрупок. Он угрожает все время обрушиться и оставить перверта один на один с невыносимым, пугающим наслаждением. Отсюда трагичность положения перверта — он мечется между пугающим наслаждением и никак не могущим себя окончательно учредить символическим Другим. Он, повторюсь, зажат между «хищной вагиной матери» и «вялым пенисом отца». То есть между пугающим наслаждением и вялой, несработавшей полноценным образом отцовской функцией. В рамках невротической структуры речь уже о том, что отцовская функция сработала, символический Другой был в полной мере учрежден, он существует для невротика необратимым образом. То есть невротик запутался в сетях символического порядка и не может из них вырваться.

	Психоз	**Перверсия**	**Невроз**
Символический Другой	Отсутствует, то есть не существует как таковой	Должен быть вызван к жизни	Существует необратимым образом

Рисунок 46. Структура субъекта и символический Другой[1]

Трем структурам соответствуют три базовых защитных механизма (рисунок 47). Каждой структуре соот-

[1] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 193.

ветствует свой доминирующий защитный механизм. Тут, как считал Лакан, он следует за Фрейдом. Психотической структуре соответствует защитный механизм под названием «отбрасывание» или «форклюзия», который направлен на Имя-Отца, на отцовскую функцию, на отцовскую метафору. Психотик отбрасывает ее. В рамках первертной структуры базовый защитный механизм несколько другой — это механизм под названием «отказ», механизм, выстроенный в логике «да…, но…», «я все понимаю, но…». В рамках этого защитного механизма некая невыносимая часть реальности, с одной стороны, вроде как признается, фиксируется, но одновременно отрицается. Как это конкретно работает, что это значит применительно к первертной структуре, будет рассмотрено мной ниже, когда я буду говорить об этой структуре подробно.

Категория	Защитный механизм
Невротическая	Вытеснение
Первертная	Отказ (Verleugnung)
Психотическая	Отбрасывание / Форклюзия

Рисунок 47. Структуры субъекта и ведущие защитные механизмы[1]

Наконец, в рамках невротической структуры, где символический Другой полноценным образом утвердился, базовый защитный механизм — это «вытеснение». Пугающий *jouissance* был надежным образом вытеснен отцовской метафорой.

[1] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 76.

Эти же психические структуры могут быть рассмотрены с точки зрения своего отношения с материнским Другим. В рамках психотической структуры, так как отцовская функция не сработала, то, соответственно, этот Другой не находится под запретом. И психотик оказывается захваченным *jouissance*. В рамках первертной структуры материнский Другой еще только должен попасть под окончательный запрет. То есть некоторый первичный процесс отделения от этого материнского Другого, от пугающего *jouissance* был инициирован, но не был закончен. Поэтому динамика первертной структуры как раз определяется тем, что этот материнский Другой должен попасть под запрет. Все, чем занимается перверт, так это попытками завершить процесс учреждения символического Другого и, соответственно, запрещения материнского Другого. Соответственно, в рамках невротической структуры субъект уже надежно защищен от материнского Другого; этот материнский Другой находится под запретом.

	Психоз	**Перверсия**	**Невроз**
Материнский Другой	Не под запретом	Должен попасть под запрет	Под запретом

Рисунок 48. Структуры субъекта и материнский Другой[1]

На рисунке 49 представлены эти идеи в виде диаграмм, я уже приводил эти рисунки, но на этот раз к ним приписаны те психические структуры, которые им соответствуют. В рамках психотической структуры (самый левый круг) мы имеем субъекта

[1] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 194.

и Другого — они ничем не разделены, никакого разделения между ними не произошло. В рамках первертной структуры (средний круг) виден начавшийся процесс разделения. У Другого обнаруживается нехватка, однако субъект еще от этого Другого не отделился и находится в позиции объекта наслаждения этого Другого. Наконец, в рамках невротической структуры (крайний правый круг) благодаря обозначившейся нехватке появляется субъект, который отныне существует как субъект желающий, как тот субъект, который пытается символизировать нехватку Другого, назвать ее, как-то угадать, что же именно нужно Другому.

Рисунок 49. Диаграммы психических структур[1]

Повторюсь, здесь я просто напоминаю то, что более детально, более подробно рассматривалось в предыдущей лекции. Я обозначаю, где конкретно в рамках процесса становления субъекта локализуются те или иные психические структуры.

Один из ключевых моментов психического становления заключается в способности регулировать *jouissance*. Если вспомнить картинку из лекции про стадию зеркала — конструкцию с двойным зеркалом —

[1] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 195.

то там были разрозненные, неупорядоченные, турбулентные влечения, которые затем связывались, упорядочивались, что передавалось через образ цветов, помещенных в вазу. Задача — регулировать *jouissance*. Если же регулирование не успешно, то в таком случае это будет приводить к психотической структуре. Если успешно — то это будет невротическая структура, в которой от *jouissance* остаются только некоторые кусочки в виде, например, того самого объекта-причины желания или же симптомов, представляющих собой прорыв некоторой порции *jouissance*, которая не была успешно вытеснена. В принципе, даже невротик может столкнуться с прорывами *jouissance*, но в целом он более-менее надежно от него экранирован. Перверт находится посередине — он начал процесс отделения от *jouissance*, но не смог довести его до конца.

Регулирование *jouissance* подразумевает необходимость пройти процесс кастрации путем отказа от части наслаждения. Это позволяет существовать в символической реальности. Невротик — это человек, который существует в символической реальности, кто отождествляется со своими социальными ролями, с теми означающими, с которыми его соединили. Психотик — тот, кто постоянно из этой символической реальности выпадает, вываливается, кто не способен регулировать *jouissance*. Последний постоянно вторгается в него/нее — или через тело, как при шизофрении, или из локуса/места Другого, как при паранойе.

Соответственно, если пытаться выделить какой-то главный диагностический критерий, который позволяет отделять психотическую структуру от невротической, то этот критерий — существование или же не су-

ществование в символическом регистре. По-другому это называется тестированием реальности. Но всегда можно спросить: а что же это за реальность такая? С точки зрения лакановского подхода можно ответить, что это реальность именно символическая.

Почему символическая реальность? Можно вспомнить те вопросы, с которых начинаются некоторые психиатрические обследования. Это вопросы «Сколько сейчас времени?» и «Какой сейчас год?». Вопросы на тестирование реальности, на определение того, находится ли человек в реальности или же нет. И это именно символическая реальность. Потому что, что такое год? Это определенная система координат, в соответствии с которой мы измеряем летоисчисление. Это не реальность в смысле какой-то природной реальности, это та реальность, которую установили люди. В разных культурах эта система координат разная: например, в иудейской культуре система координат связана с иным летоисчислением, там отсчет идет от сотворения мира, то есть, соответственно, там сейчас идет 5770 какой-то год. В исламской культуре, опять же, другое летоисчисление — там отсчет идет от Хиджры (даты переселения пророка Мухаммеда и первых мусульман из Мекки в Медину). Соответственно, там сейчас 1440 какой-то год. В христианской культуре отсчет идет от Рождества Христова. То есть год — это определенное символическое упорядочивание реальности. То есть сказать, какой сейчас год, значит поместить себя в определенную систему координат.

Со временем — то же самое. Наше восприятие времени как чего-то само собой разумеющегося свидетельствует о том, что мы живем в символической реальности естественно и свободно. Например,

в Средневековье никакого единого стандартного времени не было — были разные населенные пункты и у каждого населенного пункта был какой-то свой способ измерения времени: кто-то мерил время по Солнцу, кто-то еще как-то и т. д. Потом, когда стали появляться города, стала появляться серьезная торговля, бизнес, появилась потребность в том, чтобы это время унифицировать, чтобы можно было договариваться. Соответственно, начала происходить унификация времени, возникло представление о едином времени — в каждом городе появились башни с огромными часами, чтобы любой человек из любой точки мог посмотреть и как бы соотнестись с этим единым стандартом. Это облегчило торговлю, коммуникацию, но ничего естественного в этом времени нет. Это тоже символическая реальность.

Таким образом, вопрос, который сейчас час и год — это вопрос на тестирование символической реальности. Находится человек в символической реальности или же не находится. То же самое можно сказать и про вопрос: «Где вы сейчас находитесь?» Ответ — в больнице, вы врач и т. д. Больница, врач, пациент — это, опять же, ориентация в символической реальности. И врач, и пациент — это все символическая система координат. Для невротика характерно то, что он плотно укоренен в этой символической реальности, что он в ней существует как рыба в воде. Более того, ему зачастую даже сложно поставить под сомнение свое существование в этой символической реальности. А вот человек с психотической структурой как раз в этой символической реальности закреплен непрочно, он периодически из нее вылетает — вылетает из всех символических систем координат.

Тут можно задаться вопросом: а в какой реальности находится человек с психотической структурой? По Лакану, можно сказать, что он находится не столько в реальности, сколько в реальном — в реальном собственных влечений, телесных частичных турбулентных разрозненных влечений. Он находится в реальном своего *jouissance*. С этим связана особенность психотической структуры, при которой *jouissance* имеет свойство периодически вторгаться, захватывать субъекта. Лакан описывал этот *jouissance* как наслаждение Другого. Как будто бы кто-то Другой захватывает тело, берет его под контроль, подчиняет его мысли, поступки и т. д. Как будто бы кто-то другой за субъекта ходит, видит сны, говорит и так далее. Вторжение *jouissance* — это психотические состояния. *Jouissance*, повторюсь, может вторгаться через тело, как при шизофрении, или же через локус/место Другого при паранойе — параноик переживает, будто бы кто-то угрожает ему извне: реальное влечений нападает на него, атакует его снаружи, из того места, где находятся другие.

Реальное неиерархизированных, неупорядоченных турбулентных влечений у человека с крепкой психической структурой более-менее связано, упорядочено, помещено как будто бы в некую вазу, а далее еще и расчерчено символическим порядком, психотик же находится с этим реальным в непосредственном контакте. Он периодически сталкивается с реальным неупорядоченных турбулентных влечений.

Теперь от рассмотрения общих принципов выделения структур можно перейти к анализу конкретных структур. Хронологически первая структура — психотическая.

Говоря про особенности психотической структуры, я не буду как-то специально касаться тех особенностей, которые хорошо известны и вне лакановского подхода. Я имею в виду галлюцинации, нарушения мышления, нарушение речи и так далее. Это все более-менее понятно. Вместо этого я упомяну специфически лакановское видение тех структурных черт, тех особенностей, которые позволяют отличать эту структуру от всех остальных[1].

Во-первых, отношение к символическому Другому. В рамках психотической структуры происходит отбрасывание/форклюзия отцовской функции. То третье, что должно возникнуть и разделить становящегося субъекта и материнского Другого с его наслаждением, не возникает. Оно отбрасывается. Символический Другой не возникает, в рамках психотической структуры он отсутствует. Нет никакой системы координат, нет никакого символического порядка, в который субъект с психотической структурой был бы вписан. А если он и есть, то существует зыбко, условно, неустойчиво и в любой момент может исчезнуть. Отсюда характерная особенность психотической структуры, связанная с непониманием, кто он, где он, что он, зачем он, откуда он, что можно, что нельзя, где верх, где низ, где право, где лево, где мужское, где женское. Все смешивается, потому что нет никакого символического порядка, нет никакой системы координат.

Дальше, что касается *jouissance* Другого. Так как отцовская функция отброшена, так как отчуждения субъекта, его утраты себя в символическом порядке не слу-

---

[1] Здесь я сильно опираюсь на работы Брюса Финка. См.: *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. 318 p.

чилось, то наслаждение никак не ограничено. Никакой кастрации не произошло. Субъект с психотической структурой имеет дело с *jouissance* в его некастрированной целостности. Поэтому он периодически этим *jouissance* захватывается, происходит периодическое вторжение этого самого *jouissance*.

Почему этот *jouissance* относится к Другому? Можно понимать это в том смысле, что кто-то Другой как будто бы берет субъекта под контроль, захватывает его. Субъект сталкивается с какими-то состояниями, которые он/она не контролирует; с какими-то голосами, которые он/она слышит и которые как будто бы к нему/ней никакого отношения не имеют. Как если бы возникала некая внешняя сила, которая захватывала бы субъекта или хотела бы его захватить. Кто-то Другой как будто бы преследует субъекта, имеет на него какие-то виды, хочет его схватить, хочет сделать с ним что-то ужасное.

Jouissance в рамках психотической структуры никак не ограничено, никакой кастрации не случилось, поэтому оно периодически вторгается, захватывает, подчиняет себе. В частности, это проявляется на уровне тела. Как считал Лакан, вписывание субъекта в символический порядок в том числе подразумевает и вписывание его тела в этот порядок. В этом смысле тело, например, невротика как человека, который дальше всех прошел путь психического развития, оказывается как бы мертвым телом. Это тело, которое было умерщвлено означающими. Оно все расчерчено символическим, все исписано означающими. Внутри тела невротика остаются только какие-то отдельные зоны, в которых концентрируются остатки наслаждения — речь идет об эрогенных зонах. Но в случае с субъектом с психотической структурой ничего подобного не случилось — его тело остается живым, *jouissance* этого тела тотален, он захватывает субъекта целиком.

Следующая важная особенность психотической структуры — это доминирование отношений в воображаемом регистре. Воображаемый регистр — это регистр отношений на уровне двух эго, отношений с другим с маленькой буквы. Это отношения, которые характеризуются конкуренцией, соперничеством, агрессией или, наоборот, любовью, подражанием, копированием. Эти отношения обычно уравновешены, сбалансированы, скомпенсированы другим регистром, другой осью — осью символических отношений. Там, где появляется эта вторая ось, там появляется система координат, там появляется хорошо-плохо, появляются идеалы, которым необходимо соответствовать, появляются проблемы, с этим связанные: например, невозможность соответствовать этим идеалам, желание саботировать эти идеалы и т. д. В общем, появляется специфическое измерение отношений субъекта с идеалами Другого. Однако в рамках психотической структуры эта символическая ось отсутствует. Там нет проблемы самооценки, нет проблемы соответствия или не соответствия ожиданиям Другого, нет вопроса о том, где субъект находится на шкале успеха. То есть нет той проблематики, которая появляется тогда, когда субъект существует в символическом порядке. В этом смысле при взаимодействии с психотиком аналитику бессмысленно искать символическую ось, так как эта ось отсутствует.

С этим же связана еще одна особенность психотической структуры — отсутствие вопроса „*Che vuoi?*“. Вопрос «Чего ты хочешь?» возникает тогда, когда есть субъект, есть Другой, есть некоторая нехватка в Другом

и, соответственно, попытка субъекта понять, чего же Другому не хватает. Чего мне не хватает, чтобы стать желанным для Другого? Что Другой от меня хочет? Почему меня не любит (Другой)? Почему меня не принимает (Другой)? Этот вопрос выходит на первый план в рамках невротической структуры. Для невротика характерны сомнения, непонимание, попытка понять, чего же ему не хватает. Собственно, именно это вопрошание и выводит субъекта в пространство желания — в пространство поиска неуловимого, вечно ускользающего фаллоса.

В рамках психотической структуры подобная проблематика отсутствует. Отсутствует сомнение. Почему? Потому что нет никакой дистанции, разделяющей субъекта и Другого. Они слиты. Нет ни субъекта, ни Другого, ни нехватки, которая могла бы их разделить. Все слито. Соответственно, нет никакого вопроса, нет никакого сомнения. Для психотической структуры характерна абсолютная уверенность, что именно Другой от него хочет, что именно ему от него надо. Все, что происходит, так или иначе связано с ним, направлено на него и т. д. Нет никакого сомнения по этому поводу, никакого вопроса. Железобетонная уверенность.

Другой переживается не как загадка — чего он от меня хочет? — а как тот, кто преследует, мучает, истязает. Все действия другого понимаются из этой перспективы.

Сказанное выше может быть проиллюстрировано диаграммой. На рисунке 50 дана диаграмма, на которой ребенок и мать — то есть субъект и Другой — слиты. Нет ничего, что бы их разделяло. То есть третье не появилось. Отцовская функция, которая

должна была выступить третьим, разделяющим началом, не возникла. Субъект не отделился от Другого, они так и остались слиты. Соответственно, не возникает понимания, где субъект, где Другой. Все слито.

Рисунок 50. Диада мать–ребенок[1]

Другой важный аспект психотической структуры касается точки пристежки. Я говорил про то, что означающие и означаемые в некотором смысле существуют параллельно. То есть происходит скольжение означаемых под означающими. Но это скольжение не абсолютное. В противном случае мы бы имели дело с бессмысленной речью, с бредом. Для того, чтобы бреда не было, необходимо существование точки пристежки, то есть места, где означающее соединяется с означаемым — и за счет чего возникает смысл. Вместе с учреждением отцовской функции, вместе с отцовским «Нет!» происходит появление первой точки пристежки. Первая осмысленная конструкция, соединяющая означающее

---

[1] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 91.

и означаемое, которая становится основанием для всего последующего развития в этом отношении. И это же момент первичного вытеснения (вытесняется мать как объект желания), с которого, собственно, начинается появление бессознательного.

Так вот, в рамках психотической структуры, в виду того, что отцовская функция отбрасывается, никакой первичной точки пристежки не возникает. Порядок означающих никак не соединяется с порядком означаемых. Возникает бессмысленная речь, бред. Или, наоборот, они сливаются воедино — означающие намертво спаиваются с означаемыми, речь становится очень конкретной, она лишается своего метафорического измерения, своей многомерности и многозначности.

Кроме того, так как не происходит первичного вытеснения, то, соответственно, не возникает и бессознательного. По этой причине с психотической речью невозможно работать так же, как с речь невротической — в ней нет никаких оговорок или противоречий, способных вывести на бессознательный уровень в виду отсутствия этого самого уровня[1].

Рисунок 51 иллюстрирует сказанное выше следующим образом. Здесь представлена схема L, однако на этой версии схемы ось символических отношений отсутствует.

---

[1] Более подробно о психотической структуре и работе с ней см.: *Fink B.* Fundamentals of Psychoanalytic Technique. A Lacanian Approach for Practitioners. New York, London: W.W. Norton, 2011. P. 231–272.

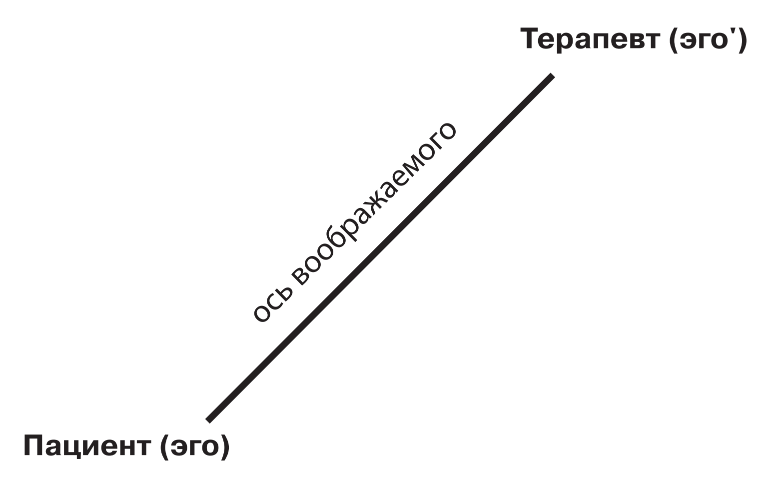


Рисунок 51. Схема L при психотической структуре[1]

Это отсутствие человек с психотической структурой будет пытаться заполнить чем-то — тем, что Лакан называл «бредовой метафорой». Вместо отсутствующей отцовской метафоры психотик будет пытаться изобрести какую-то свою (создать некоторую символическую систему, которая бы объяснила ему кто он и дала бы ему место в реальности). В этом смысле бред — это попытка самоисцеления, попытка обретения пусть бредовой, но все же символической прописки, удерживающей от распада и провала в абсолютный хаос. Как считал Лакан, вполне возможно что-то, что способно удерживать психотика от провала в психоз — некое дело, которому субъект фанатично предан, нужный человек рядом, творчество (как в случае с Джеймсом Джойсом) и т. д. Некий симптом, который воспринимается как то, от чего человек дол-

[1] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 105.

жен быть избавлен (например, какие-то бредовые построения), может оказаться несущей конструкцией, избавление от которой способно стать причиной срыва.

Эти особенности психотической структуры подтверждают важность дифференциальной диагностики. С психотиком, по лакановской логике, невозможно работать так же, как с невротиком. Работа должна выстраиваться в зависимости от того, о какой структуре идет речь. Если пытаться с субъектом с психотической структурой работать так же, как с субъектом с невротической структурой, то ничего не получится. Более того, это может иметь опасные следствия. Те элементы структуры, которые есть у невротика, в рамках психотической структуры отсутствуют.

Хронологически следующая структура — это структура первертная. Это структура, которая возникает, если в процессе становления субъекта отцовская функция не была отброшена, она смогла начать свое учреждение. Этап первичного отчуждения был пройден. Возникло Нет-Отца, которое вытеснило мать как источник *jouissance*. Первичное отделение субъекта и Другого случилось. Но затем должна последовать вторая стадия учреждения отцовской функции, стадия, связанная с разделением, с окончательной сепарацией. Это этап Имени-Отца, которое должно вытеснить мать как объект желания и вывести субъекта в пространство невроза. Первертная структура — это структура, застрявшая посередине этого процесса. То есть это уже не слияние с Другим, но еще и не полноценное существование в рамках символического порядка.

Первертная структура — это структура срединная и поэтому крайне неустойчивая. С одной стороны,

первичное отделение от наслаждения Другого произошло. Но символический порядок, Закон не был до конца учрежден. Перверт оказывается зажатым между двумя инстанциями. С одной стороны, его преследует *jouissance*, с другой — отцовская функция до конца не сработала, поэтому он не может полноценно от этого наслаждения защититься. Отсюда следует вся драматургия первертной структуры — вся та динамика, которая в рамках первертной структуры развертывается.

Если брать расхожее представление о первертах, о субъектах с первертной структурой, то обычно они представляются как люди, которые, можно сказать, купаются в наслаждении, которые знают, как получить наслаждение, в отличие, например, от невротиков, которые это наслаждение утратили. Но, как считал Лакан, это очень поверхностное и неправильное понимание того, что происходит в рамках первертной структуры.

Да, перверт имеет доступ к наслаждению, в отличие от невротика. Но этот доступ к наслаждению перверта пугает. Все, чем перверт занимается, так это пытается ограничить *jouissance*. Он пытается довести процесс учреждения символического Другого до конца. То есть он пытается стать невротиком. Он пытается прорваться в пространство невроза. Но это у него никак не получается.

В этом плане перверт как бы разрывается между хищной вагиной матери и вялым пенисом отца, между наслаждением Другого, которое его преследует, и отцовской функцией, которая не смогла в полной мере осуществить свою работу. Последняя не смогла кастрировать субъекта и ввести его в символический порядок.

Если посмотреть на рисунок 52, то первертная структура оказывается посередине. Одна стадия Эдипова комплекса была пройдена, то есть из психотической структуры он/она вышел. Но второй стадии достигнуть не удалось, субъект оказывается в шатком неустойчивом состоянии. Он не может ни перейти к неврозу, ни вернуться обратно — в психотическую структуру.

	Отчуждение		Разделение/ Сепарация	
Психоз	Нет-Отца / Мать как jouissance	Перверсия	Имя-Отца / Мать как желание	Невроз

Рисунок 52. Структура психического развития

В рамках психотической структуры субъект и Другой ничем не разделен, они слиты. Нет ни субъекта, ни Другого — все едино. В рамках перверсии уже появляется Другой. В этом Другом появляется нехватка. Следующий логичный этап — появление через эту нехватку самого субъекта (именно это происходит при невротической структуре). Однако в случае первертной структуры именно здесь все и останавливается. Появляется Другой, появляется его нехватка, а самого субъекта не появляется. Перверт как бы застывает в позиции объекта наслаждения Другого.

Он оказывается в позиции материнского фаллоса. Он — материнский фаллос. Он есть тот, с кем Другой получает наслаждение. Он есть тот, кто вызывает наслаждение в Другом. Он есть тот, кого хочет мать, кто призван заполнить нехватку в материнском Другом. Тот, кто должен вызывать наслаждение у этого материнского Другого. Это его базовое структурное положение, его фундаментальная фантазия — быть объек-

том наслаждения Другого. Быть тем, кто вызывает что-то в Другом. Как субъект перверт отсутствует. Вся динамика перверсии, вся ее драматургия вертится вокруг этого базового положения, вокруг его статуса в качестве объекта наслаждения Другого. Он не субъект, но объект — объект наслаждения Другого.

Перверсия — это шаткая, неустойчивая структура, структура «уже не» и «еще не»: субъект уже не слит с Другим, но еще не стал отдельным субъектом. Он/она уже каким-то образом отделен от наслаждения Другого, но еще не вышел в пространство желания, в пространство невроза. Это шаткая конструкция, в рамках которой он/она зажат между двумя инстанциями, каждая из которых в полной степени не работает.

Если бы он полностью находился в распоряжении наслаждения Другого, то он был бы психотиком. Если бы символический Другой в полной мере себя учредил, то он бы получил полноценную прописку в символическом порядке и, соответственно, был бы невротиком. Но так как ни того, ни другого не происходит, то он получается как бы зажатым посередине. И все, чем перверт занимается, все, вокруг чего вращается драматургия различных перверсий, это попытка учреждения символического порядка, учреждение Закона, благодаря которому перверт пытается выскочить в невротическое пространство. И каждый раз это ему не удается.

Характерный защитный механизм, доминирующий в случае первертной структуры, это защитный механизм под названием «отказ» или «отклонение». Понятие отказа (*Verleugnung*) можно встретить

у Фрейда, в частности в его статье про фетишизм[1]. В этой статье он пишет о том ужасе, той тревоге, с которой сталкивается мальчик в тот момент, когда понимает, что мать лишена пениса. Этот факт его пугает — ему кажется, что мать обладала пенисом, но была его лишена, а значит и его собственный пенис под угрозой. Он пытается от этой пугающей реальности защититься — защититься через тот самый защитный механизм под названием «отказ» или «отклонение». Как пишет сам Фрейд: «Мальчик воспротивился принимать к сведению тот факт своего восприятия, что женщина не обладает пенисом. Нет, это не может быть правдой, ибо если женщина кастрирована, под угрозой оказывается его собственное обладание пенисом…»[2]

Таким образом, получается следующая картина: есть некоторая угрожающая реальность, которая фиксируется (а не отбрасывается, как в случае с психозом). Но ввиду того, что эта реальность *слишком* угрожающая, происходит как бы раскалывание «Я» на две части. Одна часть воспринимает пугающую реальность, а другая часть живет в иллюзии, будто бы этой пугающей реальности не существовало. То есть одна часть понимает, что у матери нет пениса, а другая убеждена, что он все же есть. С одной стороны, признание реальности, с другой — ее мгновенное отрицание. Одна сторона Я принимает реальность, другая сторона Я реальность отрицает.

Воплощением спасительной иллюзии, защищающей от пугающей реальности, становится, с точки зре-

---

[1] *Фрейд З.* Фетишизм // Л. фон Захер-Мазох. Ж. Делез. З. Фрейд. Венера в мехах. М.: «Культура», 1992. С. 372–379.

[2] Там же.

ния Фрейда, фетиш. Фетиш — это то, что подкрепляет иллюзию того, что у матери все же есть пенис. Потому что если он у нее есть, значит, она не была кастрирована, значит, соответственно, мальчику и его собственному пенису тоже ничего не угрожает. То есть пугающая реальность с одной стороны, с другой стороны — некоторая иллюзия, призванная от этой пугающей реальности защитить.

Символ спасительной иллюзии — фетиш, который, как пишет Фрейд, есть заменитель пениса. Фетиш подтверждает наличие пениса, подтверждает спасительную иллюзию, нейтрализующую пугающую реальность.

Такие интеллектуальные построения можно найти у Фрейда. Лакан в свойственной ему манере заимствует букву фрейдистского текста, но при этом его переосмысливает. Он берет идеи Фрейда и вписывает их в логику своего повествования.

Как он это делает? Что значит «женщина не обладает пенисом» или «женщина лишена фаллоса» с точки зрения лакановской логики? Это значит, что материнский Другой имеет некоторую нехватку, ему чего-то не хватает. Почему эта реальность и ее осознание столь пугающие для субъекта? Почему это реальность, от которой необходимо защищаться? Вспомним ту структуру, которая характерна для перверсии. Перверт застывает в положении объекта наслаждения Другого. Он — материнский фаллос.

В силу этого нехватка в материнском Другом является для субъекта опасной, угрожающей ему. Она есть то, от чего необходимо защищаться. Ведь первертный субъект в соответствии со своими структурными чертами, в соответствии со своей фундаментальной фантазией считает себя тем, кто должен

нехватку Другого заполнить самим собой. Нехватка в Другом пугает, потому что она угрожает поглотить субъекта. Он есть тот, кто является объектом наслаждения материнского Другого. Если материнский Другой обладает нехваткой, то он есть тот, кто должен эту нехватку заполнить.

Первертный субъект сталкивается с угрозой поглощения наслаждением Другого. Эта угроза, эта пугающая реальность запускает защитный механизм отказа, когда пугающая реальность и ее осознание (у Другого есть нехватка, и эта нехватка способна субъекта поглотить, так как он и есть тот самый фаллос, которого Другому не хватает) как бы компенсируется, нейтрализуется второй частью, спасительной иллюзией. Иллюзией того, что на самом деле этой нехватки нет, или же что эта нехватка уже чем-то заполнена. То есть существует что-то, что защищает субъекта от засасывания в дыру в Другом.

Символом, воплощением спасительной иллюзии, что субъекту ничего не угрожает, что он защищен от *jouissance* Другого, как раз и становится фетиш. Тот фетиш, который нужен первертному субъекту для того, чтобы защититься, восторжествовать над пугающей реальностью. Вся динамика первертной структуры крутится вокруг того, чтобы защититься, скрыться от пугающей реальности за счет производства некоторой иллюзии, некоторой убежденности в том, что угрозы нет, что она нивелирована. Перверт ищет фетиш как то, что призвано защитить его от угрозы, что способно воплощать спасительную иллюзию и, соответственно, нейтрализовать пугающую и вызывающую тревогу реальность.

Как в случае с Фрейдом, который считал, что фетиш возникает для того, чтобы убедить ребенка в том, что

у матери все-таки есть пенис, так и в случае с Лаканом функция фетиша в том же самом — гарантировать, что нехватка в Другом заполнена и заполнена не самим субъектом, а фетишем. Он хочет поместить в пугающую дыру в Другом не себя, но спасительный фетиш.

Какова та иллюзия, в которой перверт хочет сам себя убедить? Что это за иллюзия, в которой он нуждается и символом которой служит фетиш, за которым перверт гоняется?

Если представить себе условно нормальный процесс психического развития, становления субъекта, то та инстанция, которая призвана защитить субъекта от *jouissance* Другого, та инстанция, которая должна позволить субъекту отделиться, сепарироваться, осознать свою обособленность — это отцовская функция.

Но в случае с перверсией, как было сказано выше, отцовская функция оказалась дисфункциональной. Она есть, иначе речь бы шла о психотической структуре. Но она дисфункциональна. Она не может полноценно сработать и довести до конца начатое. Соответственно, та иллюзия, за которую цепляется перверт, это иллюзия того, что этот символический порядок все-таки возник. Что отцовская функция все-таки выполнила свою работу и навсегда защитила субъекта от угрожающего ему наслаждения.

То есть, повторяю, первертная структура крайне нестабильна. Первертный субъект оказывается зажатым между амбивалентным, вызывающим тревогу *jouissance*, то есть чрезмерным наслаждением, и слабым нефункциональным законом — слабым нефункциональным отцом, слабым нефункциональным Большим Другим. Перверт хочет, жаждет, он нуждается в том, чтобы Закон, чтобы символический порядок появился, возник. Чтобы учреждение Закона было

доведено до своего логического конца. Чтобы вместе с этим был положен предел угрожающему *jouissance*, грозящему поглотить субъекта. Засосать его. *Jouissance* для перверта продолжает быть источником тревоги. В связи с этим он хочет довести до конца процесс учреждения Закона. Он хочет, чтобы отцовская функция сработала.

Соответственно, все устремления перверта направлены на порядок, на Закон, на ограничение наслаждения. Однако специфика первертной структуры в его особом отношении к Другому, в его структурной позиции в отношении Другого. Он — инструмент Другого, он объект, с помощью которого Другой получает наслаждение. То есть он мыслит себя объектом, который должен вызвать что-то в Другом. Если брать фундаментальную фантазию первертной структуры (рисунок 53), то она будет выглядеть как формула фундаментальной фантазии, только вывернутая наизнанку: есть перечеркнутый Другой, то есть Другой, обладающий некоторой нехваткой, и перверт, оказывающийся в позиции объекта наслаждения Другого. Это его фундаментальная фантазия. Он есть объект, который должен вызвать что-то в другом. Он есть объект или инструмент *jouissance* Другого.

Рисунок 53. Фундаментальная фантазия первертного субъекта

Это свое фундаментальное структурное отношение к Другому перверт переносит на символического Другого. Он занимает по отношению к этому симво-

лическому Другому ту же позицию, которую он занимает по отношению к материнскому Другому. В этом смысле первертный субъект, стремясь довести до конца процесс учреждения этого Закона, символического порядка, пытается стать инструментом наслаждения Закона. Он находит наслаждение в самом Законе, запрещающем доступ к наслаждению. Сам Закон становится источником наслаждения, а первертный субъект становится инструментом осуществления этого Закона.

Та же самая структурная позиция, которую он занимал в отношении материнского Другого, переносится им на символического Другого. Перверт пытается стать источником наслаждения Закона, инструментом осуществления этого Закона. Поэтому Другой в формуле фундаментальной фантазии перверта передается как перечеркнутое S — как символический Другой, как Закон, неполноценный, лишенный чего-то, который перверт пытается восполнить, довести до конца, став объектом его наслаждения.

Драматургия первертной структуры связана с попыткой довести до конца процесс учреждения символического Другого. Перверт пытается получить фетиш, который бы гарантировал, что этот символический Другой возник. Последний нужен ему для того, чтобы защититься от пугающей реальности, от осознания, что этого символического Другого нет, что он дисфункционален. От осознания того, что у материнского Другого есть нехватка, и он есть тот, кто призван эту нехватку заполнить. Он защищается от *jouissance* Другого, которое способно его поглотить.

Соответственно, конкретные формы перверсий в лакановской логике будут рассматривать как выстроенные вокруг этой драматургии, вокруг этой попытки

довести до конца процесс учреждения символического Другого и той специфической роли, которая отведена перверту в этом процессе.

В частности, ниже я рассмотрю, как эта логика реализует себя в контексте садомазохистических отношений. То же самое можно сказать и про фетишизм, но про фетишизм, как мне кажется, уже более-менее понятно из вышенаписанного — какую роль выполняет фетиш, от чего он защищает, какую иллюзию призван поддерживать и т. д. Однако ниже я покажу, что в случае садизма и мазохизма действует абсолютно такая же логика. И садизм, и мазохизм замешаны на производстве тех же самых спасительных фетишей, призванных убедить в том, что символический Другой существует, что *jouissance* ограничено. Аналогичные процессы происходят в рамках других распространенных перверсий — например вуайеризм или эксгибиционизм[1].

Таким образом, если подвести некоторый итог моему рассмотрению первертной структуры, то получается следующее. Первертная структура, вопреки расхожему представлению, это не структура, связанная с получением какого-то невероятного трансгрессивного наслаждения. Наоборот! Это структура, нацеленная на то, чтобы это неограниченное наслаждение как-то ограничить. Усилия перверта направлены на то, чтобы укрепить не до конца возникшего символического Другого.

По этой причине перверт одержим Законом. Как писали комментаторы Лакана, перверсия — это поис-

[1] Подробнее об этом, а также о многом другом, что касается лакановского понимания перверсий, см.: *Swales S.* Perversion: A Lacanian Psychoanalytic Approach to the Subject. New York: Routledge, 2012.

тине консервативная структура[1]. Можно найти очень много сходств между первертной структурой и устройством консервативного мышления применительно к социальной и культурной сфере. Это хорошее упражнение в прикладном психоанализе. Подобно перверсии, нацеленной на защиту от чрезмерного угрожающего хаоса трансгрессивного наслаждения путем укрепления Закона, который бы от этого наслаждения защищал, консервативная позиция также связана с защитой от пугающей угрозы, от надвигающегося хаоса аморальности и нравственного разложения путем укрепления дисфункциональных «духовных скреп», воздвижения системы ценностей или каких-то еще защитных мер, ограничивающих нависающий хаос[2].

Ключевой защитный механизм при перверсии — это защитный механизм под названием отказ или отклонение. Это очень интересный защитный механизм, благодаря которому субъект умудряется одновременно удерживать две противоречащие друг другу позиции. То есть, с одной стороны, воспринимать угрожающую реальность, не отбрасывать, не игнорировать ее, считывать ее как угрозу, а с другой — умудряться иной своей частью держаться за те иллюзии или убеждения, которые явно противоречат этому восприятию и блокируют реальность. Данная иллюзия воплощается в конкретном объекте, кото-

[1] *Foster D., Rothenberg M. A.* Introduction. Beneath the skin: perversion and social analysis // Perversion and the Social Relation / Ed. E 0 5 RWKHQEHUJ) RWVWHUDQG 6 LHN X UKDP 1& X NH University Press, 2003. P. 13.

[2] См. подробнее: *Uzlaner D.* Perverse conservatism: A Lacanian interpretation of Russia's turn to traditional values // Psychoanalysis, Culture & Society. 2017. Vol. 22 (2). P. 173–192.

рый превращается в фетиш, наличие которого защищает субъект от угрозы.

Фетишистский раскол проявляется в очень специфической словесной конструкции: «Я прекрасно понимаю…, но все же…». В этой конструкции элемент «я прекрасно понимаю…» соответствует восприятию травмирующей реальности, которая по каким-то причинам не может быть принята, а элемент «но все же…» — фетишу-иллюзии, призванному от этой тревожащей, пугающей реальности защищать.

Один из последователей Лакана, Октавио Манонни (1899–1989), написал прекрасную работу, в которой показал, что структура «Я прекрасно понимаю…, но все же…» наблюдается не только в клиническом контексте, но что ее можно встретить далеко за пределами аналитического кабинета[1]. Это яркий феномен, часто встречающийся даже в обыденной жизни — в ситуации, когда есть некая пугающая, неприятная реальность, которая, с одной стороны, признается, но с другой — тут же отрицается через эту странную словесную конструкцию «я прекрасно понимаю…, но все же…». С одной стороны признание, с другой — отрицание. Например, «я не расист, но все же…» — и дальше порой следуют соображения, от которых некоторые фашисты пришли бы в ужас. С одной стороны, человек прекрасно понимает, что расистом быть плохо, но с другой — есть некая альтернативная его часть, которая считает, что это допустимо.

Говоря про первертную структуру, надо сделать еще одно важное уточнение: первертность используется здесь не как нечто плохое, это не уничижительная

---

[1] *Mannoni O.* I know well, but all the same… // Perversion and WKH6RFLDO5HDOLW\Q (G E 0 5RWKHQEHUJ) RVWHUDQG6 LHN Durham, NC: Duke University Press, 2003. P. 68–92.

характеристика некоторых людей. Это технический термин, который в рамках лакановского подхода обозначает конкретную структуру субъективности. Это констатация того, что у данного субъекта такая структура, такая фундаментальная фантазия, такой ведущий защитный механизм, такое положение на шкале субъективации. Субъект, который начал процесс сепарации, но не закончил его, оказывается в структурном положении, называемом перверсией. То есть первый этап учреждения отцовской функции он прошел, но второй этап пройти не смог по тем или иным причинам. Он не смог стать желающим субъектом, не смог выйти в пространство желания, призванное надежно защитить его от пугающего наслаждения. Отсюда необходимость в разных первертных ухищрениях — отказе от реальности с ее одновременным принятием.

Хотел бы еще раз проговорить основные моменты, связанные с функционированием первертной структуры, основанной на действии защитного механизма отказа. Что в рамках этого отказа отвергается, что перверт пытается не видеть или видеть и одновременно не видеть, признавать и одновременно не признавать?

Отсутствие кастрации, то есть отсутствие ограничений у *jouissance* и дисфункциональность Закона, дисфункциональность символического порядка, неспособность символического порядка надежно заслонить перверта от пугающего *jouissance* Другого. Это та реальность, с которой он имеет дело и которую он пытается отклонить, отказаться от нее, то есть принимать и одновременно не принимать, защищаясь от нее с помощью действия защитного механизма, с помощью появления защитных фетишей, призванных убедить его в том, что все не так, как на самом деле.

Какую иллюзию подкрепляет фетиш? В чем именно он должен убедить субъекта с этой первертной структурой? Этот фетиш призван убедить его в том, что кастрация случилась, что наслаждение было ограничено, что Закон и символический порядок функционируют. То есть убедить его в том, что он пересек черту и вышел в невротическое пространство.

Вся драма первертной структуры заключается в том, что ему никак не удается довести начатое до конца. Перверсия — это постоянно воспроизводящий себя паттерн, механизм, который пытается укрепить, поддержать, развить, довести до конца учреждение символического Другого, отцовской функции, но у него никак не получается это сделать, поэтому приходится снова и снова повторять одно и то же.

На рисунке 54 дан циклический паттерн перверсии. Я его представил как последовательность стадий, звеньев этого паттерна.

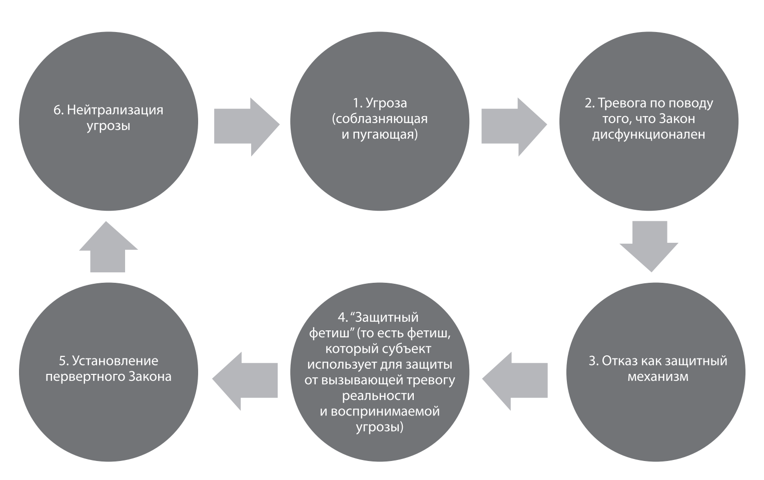


Рисунок 54. Паттерн перверсии

Он начинается с некоей вызывающей тревогу, пугающей и одновременно соблазняющей угрозы — угрозы надвигающегося *jouissance*. С одной стороны, наслаждение — это что-то хорошее, но с другой — оно чрезмерно, невыносимо, его необходимо сдержать, необходимо ограничить.

Далее следует тревога, которая в связи с этим возникает. Тревога связана с тем, что символический Закон, символический порядок дифункционален, он не функционирует должным образом, наслаждение угрожает поглотить собой субъекта.

Для того, чтобы защититься от этой тревоги, от этой угрозы, от этой пугающей внутренней психической реальности, с которой субъект сталкивается, запускается защитный механизм — отказ — в результате которого возникает защитный фетиш. Это фетиш, который субъект использует для защиты от вызывающей тревогу реальности и воспринимаемой угрозы.

Наличие этого фетиша позволяет первертному субъекту убедить себя в наличии символического Другого, он иллюзорно полагает, что символический порядок, Закон существует. Однако вся трагедия в том, что этот возникающий, поддерживаемый благодаря иллюзии символический порядок носит первертный характер — в том смысле, что он неустойчив, он не может в должной степени себя утвердить, он обречен исчезнуть.

Последний момент связан с нейтрализацией угрозы. Та нейтрализация угрозы, которая достигается за счет фетиша, носит исключительно временный характер. Поэтому весь этот паттерн запускается заново, он воспроизводит себя снова и снова. Это бесконечное кружение по одному и тому же сценарию. Суть перверта в том, что он ходит по этому кругу, пытаясь защититься от угрозы и выйти в невротическое про-

странство, в пространство желающего субъекта. Но ровно это он и не может сделать.

То есть защитный механизм работает, но он не способен выполнить то, что должна была выполнить отцовская функция/отцовская метафора. Поэтому перверт заключен в бесконечное кружение этого паттерна.

В качестве примера данного паттерна можно рассмотреть садомазохистический сценарий. В чем суть той драматургии, которая развертывается в рамках садомазохистического акта?

Начнем с садизма. Лакан говорит на своем семинаре, посвященном тревоге: «Садист ищет, как таковой, не столько страдания другого, сколько его тревоги»[1]. То есть в случае с садистическим паттерном речь идет о поиске защитного фетиша, который заключается в тревоге жертвы.

Садист пытается вызвать у объекта своего садистического воздействия тревогу, страх в его/ее глазах, тревогу по поводу утраты свободы, жизни, благополучия, спокойствия. Тревога, считываемая садистом, служит для него доказательством того, что предел наслаждения существует, что Закон все же есть. Соответственно, та угроза, от которой садистический субъект пытается защититься, оказывается нейтрализованной. Жертва, по сути, переживает кастрацию, ее наслаждение ограничивается, она испытывает тревогу по поводу возможности лишиться чего-то значимого. Тревога жертвы — это искомый защитный фетиш, который должен поддерживать иллюзию наличия предела наслаждения, наличия Закона, символического порядка. Ради этого результата весь садистиче-

[1] *Лакан Ж.* Семинары. Книга 10: Тревога (1962–1963). М.: Гнозис / Логос, 2010. С. 130.

ский паттерн, если следовать за Лаканом, и развертывается.

В рамках мазохистического паттерна действует похожая логика, только если в случае с садизмом именно садист берет на себя роль того, кто провозглашает Закон, кто действует от имени Закона, то в случае с мазохизмом — уже мазохист побуждает к этому другого, побуждает другого стать Законом, установить правила, наложить ограничения на него (на мазохиста). Мазохист воплощает фундаментальную фантазию, характерную для перверсии, то есть быть объектом наслаждения Другого, в данном случае Другого в смысле Закона. Одновременно мазохист ищет той же тревоги, в частности тревоги в глазах садиста по поводу того, что тот зашел слишком далеко в реализации своих желаний, фантазий. Мазохист ищет испуга, тревоги в глазах своего мучителя, тревоги, что тот сделает что-то не то, что он причинит какой-то непоправимый ущерб своему партнеру. В какой-то момент садист вынужден остановиться, вынужден ограничить свое наслаждение, то есть по сути признать свою кастрированность.

В целом, в случае с садомазохизмом мы имеем дело с совершенно очевидным паттерном, полностью основанном на попытке укрепления, создания, провозглашения Закона, правил, призванных ограничить наслаждение. Одновременно сам садомазохизм — это наслаждение, извлекаемое из Закона, из служения этому Закону, из того, чтобы быть объектом наслаждения этого Закона.

Почему тот Закон, который возникает в результате первертной драматургии, сам является первертным, неустойчивым? Потому что этот Закон не существует как набор безличных, абстрактных правил, которым все

подчиняются. Полноценный символический порядок — это система координат, внутри которой находится субъект, это безличные правила, которым все подчиняются. В рамках первертного Закона все иначе. Здесь Закон существует как то, что провозглашается кем-то, как результат чьей-то воли. По этой причине такой Закон крайне неустойчив, он не может стать полноценным символическим порядком, Законом, набором абстрактных правил. Полноценный символический порядок существует не потому, что кто-то захотел ввести эти правила, а потому что таковы правила. Например, в рамках клинической работы первертный субъект не переживает кадр (правила терапии) как набор безличных правил, которым подчиняется и он, и терапевт, он/она переживает его как плод своеволия кого-то из участников. Поэтому он/она будет провоцировать терапевта к тому, чтобы тот снова и снова провозглашал имеющиеся правила, или же будет пытаться навязать свои собственные законы. Кадр как третье, как то, что не связано с самовольным желанием участников, будет отрицаться первертным субъектом, не признаваться и все время испытываться на прочность.

Здесь снова можно провести параллели между паттерном перверсии, в данном случае садомазохистическим паттерном, и консервативным мышлением. Ведь консервативное мышление тоже в некотором смысле все построено на том, чтобы защититься от надвигающейся угрозы, от наслаждения, трансгрессивного разврата, хаоса с помощью введения правил, традиций и т. д. Трагедия консерватизма в современном мире, как и трагедия перверсии, в том, что традиция, правила — это не то, что может быть введено суверенной волей по прихоти того или иного субъекта. Можно,

конечно, пытаться через законы, через запретительные меры навязать людям эти традиции, но все это будет шатким и неустойчивым. Традиция, как и символический порядок, — это то, что существует или не существует безотносительно того, хотят люди этого или нет, это то, через что люди живут. Это не то, что может быть навязано извне. Если традиции дисфункциональны, то это не исправить запретами — можно лишь бесконечно завертеться в первертном паттерне угрозы хаоса и ее нейтрализации.

Как перверт зажат между пугающим наслаждением, грозящим хаосом, поглощением, распадом, от которого он пытается защититься с помощью разных ухищрений, призванных укрепить слабый дисфункциональный порядок, так и консерватор существует внутри идеологического фантазма, связанного с переживанием некоей надвигающейся на общество угрозы, хаоса, распада, разврата, падения нравов и осознанием того, что существующие порядки, традиции не способны этот хаос удержать. Отсюда попытки каким-то образом искусственно навязать эти традиции и порядки.

Как в первом, так и во втором случае эти усилия оказываются тщетными — это бесконечный цикл, который все время себя воспроизводит и никак не может достичь поставленной цели, то есть учредить полноценный символический порядок, учредить полноценный Закон. Отсюда оба этих феномена крайне нестабильны, внутренне противоречивы и до определенной степени тщетны.

Теперь можно перейти к рассмотрению последней оставшейся структуры — структуры невротической. Это структура, которая возникает по хронологии последней. Она возникает в случае, если отцовская функция сработала, если субъект смог ограничить наслаж-

дение и выйти в пространство желания. То есть сделать ровно то, что не удалось сделать перверту, что перверт тщетно пытается достичь.

В случае с невротической структурой, если изображать ее графически (рисунок 55), то это будет сочетание пересекающихся кругов. У нас будет субъект, у нас будет Другой и у нас будет то, что их разделяет, то есть некоторая нехватка, пространство, в котором возникает желание и в котором как раз функционирует вся та механика желания, что я описывал в предыдущей лекции. Невротический субъект — это субъект, определенный вытеснением, образующим деление на сознание и бессознательное; это субъект с крепким Я, которое не обрушивается в ситуации стресса.

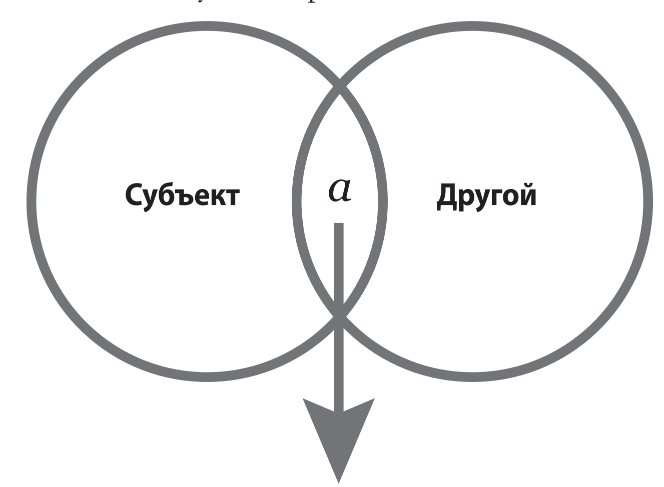


Рисунок 55. Диаграмма невротической структуры[1]

Невротический субъект — это субъект, существующий в пространстве желания и взаимодействия с жела-

[1] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 119.

нием Другого. Именно здесь развертывается та драматургия, которая характерна для данной структуры. В этом отличие невротических структур от неневротических, в рамках которых речь идет о взаимодействии не с желанием Другого, но с *jouissance* Другого.

Психотик захвачен *jouissance* Другого, перверт безуспешно пытается от *jouissance* Другого защититься. В рамках невротической структуры мы имеем дело с надежной защитой от *jouissance* Другого и с выходом в пространство желания.

На рисунке 52 видно, где именно находится невротическая структура на шкале субъективации. Она находится в самом конце процесса психического развития. При этом невротическая структура — это общее название, внутри нее существует несколько подструктур (рисунок 56).

Основная категория	**Невроз**
Подкатегории	**Истерия, Обсессия, Фобия**

Рисунок 56. Таблица подвидов невроза[1]

Первая — это истерическая. Вторая — это обсессивная. Третья — связанная с фобией. Фобию я разбирать не буду, это отдельная тема, отчасти пересекающаяся с логикой фетишизма (объект фобии и фетиш). Я поговорю про истерическую и обсессив-

[1] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 116.

ную подструктуры. В самом общем виде истерическая подструктура скорее характерна для женщин, а обсессивная — для мужчин. Хотя в виду того, что Лакан не выводил сексуацию из биологии, ничто не мешает мужчине иметь истерическую структуру, а женщине — обсессивную.

Обе подструктуры подразумевают наличие субъекта, Другого и того, что их разделяет. Однако эта конструкция по-разному преломляется — как в случае с истерией, так и в случае с обсессией. У разных подструктур разные фундаментальные фантазии, определяющие их взаимодействие с Другим.

Основной защитный механизм в рамках невротической структуры — это вытеснение. Если при психотической структуре ведущий защитный механизм это форклюзия, при первертной структуре — это отказ или отклонение, то в рамках невротической структуры — это вытеснение.

Если помещать невротическую структуру на шкалу субъективации и как-то формулировать ее общую интригу, то невроз — это попытка справиться с травмой сепарации. Разные неврозы — это разные способы сладить с этой травмой — или через отрицание Другого (как в случае с обсессией), или же через отрицание собственной субъектности (как в случае с истерией).

Особенности невротической структуры определяются по всем тем же параметрам, что и остальные структуры. В случае невроза отцовская функция сработала. Поэтому невротический субъект имеет дело с полноценно возникшим символическим Другим. Материнский Другой, наслаждение Другого находится под запретом — невротический субъект надежно экранирован от пугающего невыноси-

мого наслаждения. Невротический субъект — это субъект кастрированный, то есть субъект, которому удалось пожертвовать, отказаться от наслаждения, оставив себе только некоторую ограниченную его часть, в частности сфокусированную в определенных эрогенных зонах. Тело невротика — это мертвое тело, это тело, исчерченное символическим, тело, которое вмещено в символическую систему. Различные подструктуры в рамках невротической структуры, несмотря на всю свою специфику, существуют внутри этой общей логики.

Рассмотрим сначала истерию. На рисунке 57 представлена схема истерического субъекта: мы видим субъекта, Другого и загадочное желание, которое их разделяет. Специфика истерической структуры в том, что здесь субъект как бы вычеркнут. То есть он есть, но при этом вычеркнут, отодвинут куда-то далеко на задний план. На передний же план выведен Другой и его желание.

С этой особенностью связана фундаментальная фантазия, характерная для истерической подструктуры (рисунок 58). Формулу истерической фантазии можно читать следующим образом: объект-причина желания в его отношении к неполному Другому, к Другому с нехваткой. Фундаментальная фантазия в рамках истерической структуры связана с восполнением Другого, с тем, чтобы дать Другому то, чего ему не хватает. При этом сам субъект с его желаниями отсутствует, он вычеркнут. Фундаментальная фантазия в случае истерической структуры связана с помещением себя в позицию объекта желания, который был утрачен Другим. Реакция на травму сепарации в случае истерии заключается в том, чтобы восполнить Другого, отрицать его нехватку.

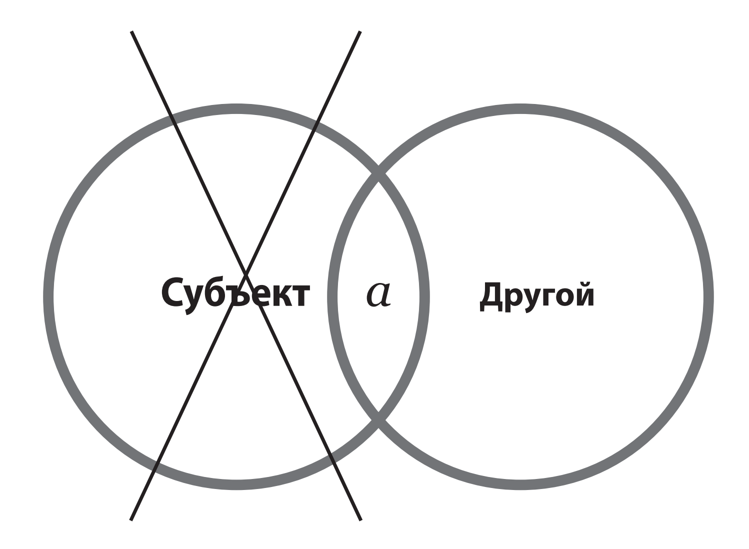


Рисунок 57. Диаграмма истерического субъекта[1]

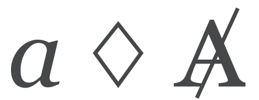


Рисунок 58. Фундаментальная фантазия при истерии[2]

Истерический субъект пытается встать в позицию объекта желания Другого. Но при этом парадокс данной структуры в том, чтобы быть объектом желания Другого, но при этом оставлять это желание неудовлетворенным. Характерное поведение для истерической структуры: угадать, что нужно Другому, подстроиться под то, что ему нужно, то есть захватить желание Другого, но при этом делать все возможное для того,

---

[1] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 120.

[2] Ibid. P. 161.

чтобы это желание Другого оставалось неудовлетворенным, то есть постоянно от этого Другого ускользать. Другой должен быть неудовлетворен, потому что исполнение желания Другого связано со страхом наслаждения Другого. Истерический субъект отказывается быть причиной наслаждения Другого. За желанием Другого маячит пугающее наслаждение Другого. Отказ дать Другому то, что он хочет, связан с этим маячащим страхом *jouissance*, которое в случае невроза успешно вытеснено, но тем не менее где-то на дальнем фоне все равно присутствует.

Основной защитный механизм истерической структуры, как и невроза в целом — это вытеснение. В случае с истерической структурой вытесненными оказываются означающие, связанные с тем или иным аффектом. То есть аффект наличествует, но понять, с какими именно означающим он связан, невозможно, потому что эти означающие вытеснены. При этом вытесненное возвращается в теле, в виде каких-то связанных с телесными проявлениями симптомов. В частности, это могут быть различные конверсионные симптомы — симптомы, которые затрагивают тело, но которые зачастую не связаны ни с какими физиологическими нарушениями, которые можно было бы выявить при медицинском обследовании беспокоящего органа.

Следующая подструктура в рамках невроза — это обсессия. На рисунке 59 она представлена в виде диаграммы, на которой дан субъект, Другой и то, что их разделяет, — пространство нехватки, пространство, в котором существует объект-причина желания. Похоже на истерическую подструктуру. Однако в случае с обсессивной структурой, где перечеркнут был субъект, здесь перечеркнут Другой. Субъект с обсессивной структурой живет так, как будто бы Другого не было.

Он/она стремится этого Другого отрицать, делать вид, будто бы объект-причина желания существует без Другого, никак с ним не связана, что Другой не нужен для того, чтобы получить необходимое.

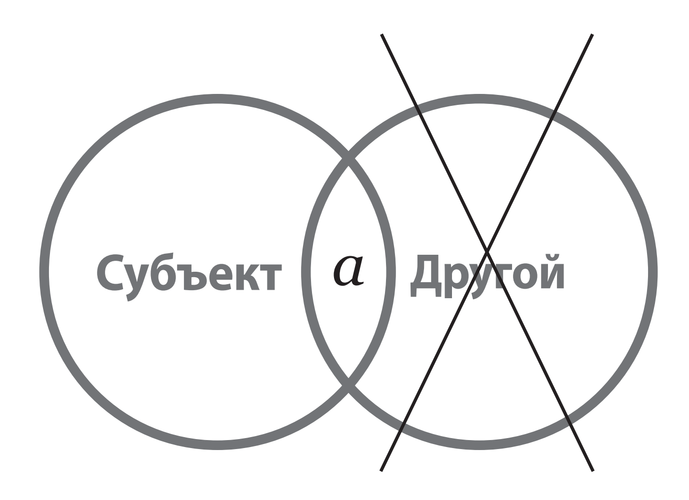


Рисунок 59. Диаграмма обсессивного субъекта[1]

Если в случае с истерической подструктурой субъект вычеркивает себя сам, сводя себя к объекту-желания Другого, она/она желает быть тем, что хочет Другой, при этом все время сохраняя желание Другого неудовлетворенным. Например, истерическая женщина пытается понять, что нужно мужчине с целью подстроиться под его желание, но при этом всячески делать так, чтобы это желание оставалось неудовлетворенным. В случае же обсессивной структуры субъект вычеркивает Другого. Элементы все те же, но только тут перечеркивается не субъект, а Другой. Он живет так, как будто бы

[1] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 120.

Другого не было. Как будто бы объект-причину желания можно было бы получить, вынеся Другого за скобки. Как будто бы можно получить грудь, но как что-то отдельное, что-то такое, что существует независимо от того человека, чьей эта грудь является. Обсессивный субъект вычеркивает Другого, делает Другого с его желаниями невозможным. Это его способ отрицания сепарации и собственной кастрации — за счет создания иллюзии целостности — в случае обсессивного субъекта собственной целостности (в противовес целостности Другого у истерика).

Исходя из вышесказанного можно понять фундаментальную фантазию в рамках обсессивной подструктуры. Она представлена на рисунке 60. В целом она напоминает формулу фундаментальной фантазии как таковой. Однако у нее есть определенные отличия. В частности, мы видим, что в случае с обсессивной структурой в формуле фундаментальной фантазии есть S неперечеркнутое, то есть целостный субъект в отношении к объекту-причине желания. Это логично, учитывая убежденность обсессивного субъекта в собственной цельности и его отказ признавать свою зависимость от Другого. Объект-причину желания, который обсессивный субъект хочет получить и который, как ему кажется, он получает, никак, с его/ее точки зрения, не связан с Другим.

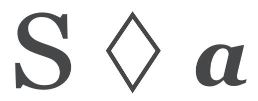


Рисунок 60. Фундаментальная фантазия обсессивного субъекта[1]

---

[1] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 120.

Основной защитный механизм тут — снова вытеснение. Если в случае с истерической подструктурой вытесненными оказываются означающие, связанные с переживаемыми аффектами, то в случае с обсессивной структурой вытесненными оказывается связь между означающими и аффектом. То есть оба элемента присутствуют в сознании: есть и означающие, нужные слова, и аффекты, однако отсутствует связь между ними. Именно эта связь оказывается вытесненной, поэтому отсутствует возможность связать означающие с соответствующими им аффектами.

Если в случае с истерической подструктурой вытесненное возвращается в теле, то в случае с обсессивной структурой — в уме. Например, в виде различных навязчивых обсессивных мыслей, преследующих данного субъекта.

В силу того, что для обсессивной структуры характерен отказ признавать, что объект имеет отношение к Другому, то для сексуальной жизни такого субъекта будет характерна мастурбация. То есть установка на то, что можно получать удовольствие в одиночестве, без Другого. Или же, если это не мастурбация, то все равно один из способов вычеркивания Другого: партнер объективируется, превращается в некотором смысле в объект мастурбации, подвергается контролю или обесценивается. Желание Другого, зависимость от Другого, равно как и значимость этого Другого отрицается, не признается.

Как и в случае с истерической подструктурой, здесь речь идет об отказе быть причиной *jouissance* Другого. Другой перечеркнут, его желание отрицается, это в том числе связано со страхом этого наслаждения Другого. Потому что, повторяюсь, за желанием Другого всегда маячит *jouissance* Другого, который недопустим.

Еще одна особенность обсессивной структуры, выделяемая в лакановской литературе, — это характерное существование исключительно в формате сознательного мышления. То есть происходит отрицание бессознательного, отрицание того, что внутри субъекта есть что-то такое, что он/она не контролирует, что есть нечто такое, что живет своей жизнью и что может периодически вторгаться в сознание. Есть только то, что думает субъект, что он контролирует, а то, что он не контролирует, что вторгается и прерывает его мышление, его речь — отрицается.

Например, в рамках терапии характерная особенность человека с обсессивной структурой — вычеркивать, выносить за скобки аналитика, то есть делать вид, как будто бы весь анализ осуществляется им самим, а Другой или отсутствует, или вообще ничего не значит. Кроме того, это может быть сомнение в самой идее бессознательного, сомнение в идее того, что есть что-то, что этот субъект не контролирует.

На рисунке 61 представлена таблица, сопоставляющая две рассмотренные подструктуры — обсессивную и истерическую. Я не буду все элементы этой таблицы описывать, если кто-то хочет лучше в ней разобраться, то я отсылаю к более специализированным работам, посвященным лакановской клинике. В частности, эту таблицу я взял из книги Брюса Финка «Клиническое введение в лакановский психоанализ. Теория и техника». Очень хорошая книга, где, с одной стороны, разбирается лакановская теория, а с другой — показывается, как именно она связана с клинической практикой. Там можно почитать не только детальные разборы обсессивной, истерической подструктур, но также детальные разборы психотической структуры, первертной структуры.

	Истерия	**Обсессия**
Вопрос	«Я мужчина или женщина?»	«Я жив или мертв?»
Статус желания	Неудовлетворенность	Невозможность
Отношение к сексуальности	Отвращение	Вина
Основная задействованная зона	Оральная	Анальная
Стратегия в отношении существования	Быть причиной желания Другого	Бытие в мышлении
Стратегия преодоления сепарации	Завершить Другого	Завершить субъекта
Фундаментальная фантазия	$a \lozenge \cancel{A}$	$S \lozenge a$

Рисунок 61. Общая сравнительная таблица истерии и обсессии (по Брюсу Финку)[1]

В таблице сведены многие из упомянутых мной аспектов. Например, характерные для невротических подструктур стратегии преодоления сепарации. После того как завершается сепарация, субъект выходит в новое невротическое пространство, в пространство желания, и разные неврозы — это разные способы справиться с этой травмой, с травмирующей сепарацией. Для истерической подструктуры характерна тенденция завершить Другого, в случае с обсессивной — завершить субъекта. Этим тенденциям соответствуют свои фундаментальные фантазии.

Истерическая фантазия — маленькое *a* в связи с перечеркнутым Другим, с Другим с нехваткой, то есть быть тем, что восполняет нехватку в Другом. При этом сам субъект отсутствует, он перечеркнут. Перечеркнут не в смысле, что ему чего-то не хватает, а в том смысле, что его нет. В этой фундаментальной фантазии перечеркнутый Другой имеется в виду не в том смысле, что его нет, как в случае с обсессивной структурой, а в том

[1] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 161.

смысле, что у него есть нехватка, и истерический субъект ставит себя в позицию того, кто эту нехватку в Другом восполняет, кто завершает Другого. Истерическая стратегия — быть причиной желания Другого.

Обсессивная фантазия — S неперечеркнутое в связи с объектом-причиной желания. Иллюзия собственной целостности и достижимости объекта желания без участия Другого, который вычеркнут. Здесь стратегия преодоления сепарации в том, чтобы завершить субъекта, обрести тотальность, обрести целостность, которая мыслится так, как будто бы она ни коим образом не была связана с Другим. Здесь Другой перечеркнут, но не в том смысле, что для него характерна нехватка, а в том смысле, что он отрицается. Отрицается его наличие, его необходимость, его желание. Вместо этого фантазия о собственной целостности: мне никто не нужен, я сам по себе.

Теперь возникает очень интересный вопрос. Мы разобрали разные структуры, все эти структуры так или иначе связаны с проблемами. В случае неневротических структур это проблемы с наслаждением Другого, с неспособностью полноценно от этого наслаждения защититься. В случае с невротической структурой это проблемы с желанием Другого, где или сам субъект, или Другой оказываются вычеркнутыми. Этим проблемам соответствуют разные фундаментальные фантазии, то есть базовое положение субъекта по отношению к Другому, то место, которое Другой занимает в отношении субъекта. Но теперь можно спросить: а есть ли что-то по ту сторону невроза?

Выход по ту сторону невроза возможен за счет перехода за или через фундаментальную фантазию. Можно преодолеть фундаментальную фантазию, определяющую базовую стратегию существования

субъекта, то есть его привычный способ взаимодействия с Другим, с желанием Другого, с *jouissance* Другого. Это преодоление — и есть переход через или за фантазию/фантазм.

Что находится по ту сторону? Отчасти в конце прошлой лекции я уже упоминал про это. По ту сторону невроза на первый план выходит влечение, которое, как мы помним из лакановских размышлений, всегда есть одновременно влечение к смерти. По ту сторону невроза находится влечение к смерти. Выйдя из невроза, субъект соприкасается с собственным влечением как влечением к смерти.

На рисунке 62 представлены разные метафоры субъекта, разные субъективные позиции, которые сменяют друг друга. Крайняя левая метафора — это метафора субъекта, задавленного, подавленного, вытесненного требованием Другого, такой субъект живет, пытаясь соответствовать некоторому требованию, которое обращено к нему из локуса Другого. Он/она знает, чего Другой хочет и пытается изо всех сил этому требованию соответствовать. При этом сам субъект с его влечениями вытеснен на задний план.

Отчуждение	**Сепарация**	**Переход через/за фантазм**
~~**Другой**~~ $	~~**объект a**~~ $	$ ——— **объект a**

Требование ——— **Субъект как влечение**	**Желание** ——— **Субъект как влечение**	**Субъект как влечение** ——— **объект a**

Рисунок 62. Метафоры субъекта[1]

[1] *Fink B.* A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 209–210.

Следующая метафора (в середине) подразумевает выход в пространство желания: здесь по-прежнему доминирует Другой, но уже не требование Другого, а его желание. Отличие требования от желания, повторюсь, в том, что требование конкретно, мы как бы знаем, что Другой от нас хочет, желание же загадочно. В рамках этой субъективной позиции установка на Другого сохраняется, но при этом субъект не знает разгадки тайны желания Другого, он/она не знает, чего Другой от него/нее хочет. В рамках этой метафоры и возникает вопрос «Чего ты хочешь?», возникает поиск ответа на вопрос, чего же именно Другой от нас хочет. Здесь субъект по-прежнему оказывается вытеснен, оттеснен, задавлен Другим, но на этот раз не требованием Другого, а желанием Другого. Это невротическое пространство.

Наконец, в случае успешного преодоления фундаментальной фантазии, выхода за ее пределы, перехода через или за фантазм Другой с его желаниями вытесняется, а на передний план выходит субъект как влечение. Которое, повторяюсь, всегда уже является влечением к смерти. Однако это не влечение к смерти в смысле склонности к самоубийству или каких-то еще склонностей, связанных с умерщвлением желания, угасанием и т. д. Это влечение к смерти в смысле влечения, которое в логике своего существования никак не связано с благом для субъекта, с его выживанием, с его успешной адаптацией, приспособлением к той символической реальности, в которой он/она находится.

Влечение — это та сила, которая действует сама из себя, абсолютно не соотносясь с тем, что вокруг нее происходит. Она легко превращается во влечение к смерти, потому что своим напором способна приве-

сти субъекта к гибели — например к гибели в символической реальности: под действием влечения субъект губит карьеру, разрушает семью, теряет друзей, положение в обществе и т. д. Его персона гибнет. Влечение как влечение к смерти никак не соотносится ни с какой реальностью, ни с какими задачами выживания, адаптации и т. д. Это сила, действующая сама по себе, исключительно в своих интересах.

Тема влечения к смерти детально прорабатывалась Славоем Жижеком. Далее я опираюсь не столько на Лакана, сколько на Жижека.

Влечение к смерти — это жизнь, представляющая собой избыток жизни. Нечто в жизни, что является чрезмерным проявлением жизни, жизни, которая выходит за свои пределы. По ту сторону адаптации, по ту сторону приспособления, по ту сторону гармонии, гармоничного сосуществования с окружающей средой. Это избыток, это нечто, что превышает любые ограничения.

Как пишет Жижек: «…люди не просто живут, они охвачены странным влечением к наслаждению жизнью в избытке, страстной привязанностью к выпирающему излишку, который нарушает привычное течение вещей»[1]. То есть влечение к смерти — это не вмещение в жизнь, это срыв обыденного хода вещей.

Влечение к смерти неразрывно связано с *jouissance*, которое, как я объяснял, является не наслаждением в смысле, например, избавления от напряжения — было некоторое напряжение, связанное с неудовлетворенной потребностью, потребность удовлетворилась и наступил покой, расслабленность. Нет, *jouissance* —

[1] *Жижек С.* Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Издательство «Европа», 2008. С. 64.

это именно чрезмерное наслаждение, наслаждение через край, это избыток наслаждения.

Как говорит Лакан в семинаре «Изнанка психоанализа»: «Путь к смерти… как раз и представляет собой то самое, что именуется наслаждением»[1]. *Jouissance* — это избыток, который влечет к смерти, к погибели, потому что если человек следует своему неудержимому, разламывающему, срывающему, не вмещающемуся в обыденный ход вещей влечению, то в конечном итоге его ждет гибель. Если не физическая, то точно символическая.

Так, в частности, Жижек в одной из статей приводит пример, который вполне уместен в этом случае[2]. У Иммануила Канта, великого моралиста XVIII века, в одной из работ есть история про молодого человека, влюбленного в девушку. Он стоит перед ее домом, перед этим домом — виселица. Молодой человек знает, что если он войдет в этот дом к девушке, то на утро, когда он от нее выйдет, его тут же на этой виселице повесят. Как считал Кант, ни один человек в здравом уме никогда в такой дом не войдет, потому что знает, что его ждет. По мнению Жижека, влечение к смерти, жизнь в соответствии с влечением к смерти — это такая субъективная позиция, при которой молодой человек войдет в этот дом, прекрасно зная, что его ждет. То есть это неудержимость влечения, которая никак не соотносится, никак не реагирует на обыденный ход вещей.

Характерная особенность влечения к смерти — его способность разрушать символический порядок, нару-

---

[1] *Лакан Ж.* Семинары. Книга 17: Изнанка психоанализа (1969–1970). М.: Гнозис / Логос, 2008. С. 17.

[2] *Жижек С.* Кант и Сад: идеальная пара // Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/text/zhizhek-s/kant-i-sad-idealnaya-para.

шать привычный ход вещей, действовать вопреки правилам, ограничениям, вопреки запретам, то есть разламывать имеющуюся систему координат. В этом смысле влечение к смерти способно давать субъекту свободу, в частности свободу от влияния Большого Другого, способно выводить его/ее из подчинения Большому Другому с его правилами, с его установками, с его системой координат. За счет влечения субъект может получить возможность начать свою жизнь с нового листа — умереть с точки зрения себя как элемента внутри символического порядка и родиться заново.

Надо сказать, что в некотором смысле особенности влечения к смерти могут натолкнуть на размышления о том, что все это очень напоминает психотическое поведение. Тут можно говорить о некотором круге — в конце происходит возвращение к тому, с чего начинали. В начале было реальное наслаждения, от которого впоследствии пришлось отказаться через потерю себя в воображаемом, символическом регистрах. В утопическом постневротическом пространстве происходит новое возвращение к реальному и *jouissance*. Однако это возвращение уже в новом качестве. Остаться в реальном наслаждения до того, как субъект потерял себя в Другом, это одно, а вернуться к *jouissance* уже после прохождения всего процесса психического развития — это совершенно другое.

Брюс Финк иллюстрирует эту мысль следующим образом (рисунок 63): есть как бы реальное один, то есть реальное до символизации, и далее после символизации появляется уже реальное два, то есть это уже какое-то новое реальное, новое *jouissance*, к которому субъект как субъект влечения приходит.

Рисунок 63. Реальное/наслаждение до и после прохождения через символизацию[1]

То, с чего субъект начал, к тому он и возвращается, но возвращается уже более продвинутым, более крепким, развитым, покрытым прочной броней различных психических инстанций. Можно в этой мысли увидеть отголоски фрейдовской максимы: «Там, где было Оно, должно стать Я». Субъект должен вернуться туда, где до этого была слепая игра влечений.

Закончить книгу я бы хотел знаменитыми высказываниями Лакана из его семинара про этику психоанализа. Эти цитаты напрямую связаны с тем, что выше было сказано про влечение к смерти.

Лакан говорит: «То, что я называю *поступиться своим желанием*, всегда сопровождается в судьбе субъекта… каким-то предательством»[2]. И еще одно высказывание: «Единственное, в чем можно быть виновным, это в том, что вы поступились своим желанием»[3].

Тут заложена этическая максима философа: не поступаться своим желанием, упорствовать в своем желании. В некотором смысле это и есть очень краткое и емкое описание того, что выше было сказано про влечение к смерти. Это упорство в своем влечении безотносительно того, как оно связано с какими-то внешними ограничениями, с символическом порядком, в который вписан субъект. Не поступаться своим

---

[1] *Fink B.* The Lacanian Subject. Between Language and Jouissance. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1997. P. 27, 60.

[2] *Лакан Ж.* Семинары. Книга 7: Этика психоанализа (1959–1960). М.: Гнозис / Логос, 2006. С. 408.

[3] Там же. С. 409.

желанием, упорствовать в нем. Потому что если субъект поступается своим желанием, то тем самым он предает самого себя.

И тут можно закольцевать все повествование, вернувшись к первой лекции, где речь шла о Лакане как о личности. Все особенности его поведения — отказ тормозить на красный свет и т. д. могут быть проинтерпретированы как попытка Лакана следовать своей же собственной этической максиме: не поступаться собственным желанием, упорствовать в своем желании, что может принимать в том числе такие очень странные, а порой даже опасные черты.

Литература для дальнейшего чтения

Лакан Ж. Кант с Садом // Международный психоаналитический журнал. Специальный выпуск. — 2018. — С. 13–82.

Базовая работа Лакана, посвященная перверсии и садомазохистическому паттерну. Возможно, данный в лекции разбор способен сделать этот текст философа более понятным.

Лакан Ж. Семинары. Книга 3: Психозы (1955–1956)/ Ж. Лакан. — М.: Гнозис / Логос, 2014. — 432 с.

Лакан Ж. Семинары. Книга 10: Тревога (1962–1963)/ Ж. Лакан. — М.: Гнозис / Логос, 2010. — 424 с.

В данном семинаре представлены размышления Лакана о садистском желании и тревоге.

Fink B. Fundamentals of Psychoanalytic Technique. A Lacanian approach for practitioners / B. Fink. — 1st ed. — New York: W.W. Norton, 2007. — 301 p.

Вводная работа для тех, кто интересуется лакановским психоанализом не просто как теорией, но как клиническим методом для работы с анализантами. Как всегда у Финка все четко и ясно изложено.

Dor J. The Clinical Lacan / J. Dor. — New York: Other Press (Lacanian clinical field), 1999. — 160 p.

Простая и доступная работа, разъясняющая подход лаканистов к диагностике и клинике.

Fink B. A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis. Theory and Technique / B. Fink. — 3 print., paperback ed. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. — 318 p.

Очень хорошее системное введение в клинический лакановский психоанализ. При этом все клинические детали увязаны с конкретными теоретическими положениями Лакана. В своей работе я во многом опирался именно на Финка.

Fink, B. An introduction to «Kant with Sade» // Fink B. Against Understanding: Commentary, Cases and Critique in a Lacanian Key. — New York: London: Routledge. — 2014. — P. 105–130.

Эту статью имеет смысл прочитать перед чтением лакановского текста «Кант с Садом». Финк детально комментирует Лакана — буквально предложение за предложением. Эта публикация сильно облегчает восприятие лакановской работы.

Hook D. Of symbolic mortification and «undead life». Slavoj □LHNRQWKHGHDWKGULYH□ 3VFKRDQDOVLVDQG□LVWRU□□□ 2016. — 18 (2). — P. 221–256.

Хорошая разъясняющая статья о том, как Славой Жижек понимает влечение к смерти. Детально разбираются все те идеи, которые я упоминал исключительно кратко.

Mannoni O. I know well, but all the same… // Perversion and the Social Relation / Ed. by M. A. Rothenberg, D. Foster and 6□□□LHN□□ □X UKDP□□1& □□X NH□8QLYHUVLW3UHVV□□□□□□ P. 68–92.

Статья Маннони посвящена разбору конструкции «Я хорошо понимаю…, но все же…». Автор показывает, что эта конструкция характерна не только для первертной структуры, но в целом — это расхожий механизм, который встречается далеко за пределами клиники.

Swales S. Perversion: A Lacanian Psychoanalytic Approach to the Subject / S. Swales. — New York: Routledge, 2012. — 280 p.

Детальная монография, в которой автор фундаментально и с клиническими примерами разбирает лакановское понимание перверсии, первертной структуры. В своем понимании я ориентировался в том числе на эту работу.

ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ В ЖИЗНИ ЖАКА ЛАКАНА

13 апреля 1901 г. — родился в Париже.

1919 г. — выпускник Le Collège Stanislas.

1927–1931 гг. — обучение психиатрии.

1930 г. — знакомство с идеями Сальвадора Дали, увлечение сюрреализмом.

1932 г. — публикация диссертации об Эмэ.

1932 г. — начало анализа у Рудольфа Левенштейна.

1933–1934 гг. — посещение семинаров Александра Кожева.

1934 г. — женится на Мари-Луиз Блонден.

1934 г. — кандидат в члены SPP (Парижское психоаналитическое общество).

1936 г. — выступление на Конгрессе МПА (Международная психоаналитическая ассоциация) в Мариенбаде с рассказом о «стадии зеркала».

1938 г. — член SPP.

1945 г. — посещение Англии.

1949 г. — знакомство с Клодом Леви-Строссом.

1950 г. — знакомство с Романом Якобсоном.

1951 г. — SPP требует отказа от коротких сессий.

1953 г. — первый публичный семинар в l'hôpital Sainte-Anne.

1953 г. — женится на Сильвии Батай.

1953 г. — основание Société française de psychanalyse (SFP). Уход из SPP.

1954 г. — из-за Лакана SFP не принимают в МПА.

1963 г. — окончательный исход Лакана из МПА.

1964 г. — семинар перемещается в École normale supérieure.

1964 г. — учреждение École freudienne de Paris (EFP).

1966 г. — публикация „Écrits“.

1967 г. — учреждение процедуры Passe.

1969 г. — семинары перемещаются в Faculté de droit.

1973 г. — публикация первого семинара «Четыре основные понятия психоанализа».

1975 г. — посещение США, лекции в Йеле и MIT.

1980 г. — упразднение École freudienne de Paris (EFP).

1981 г. — учреждение École de la cause freudienne.

9 сентября 1981 г. — смерть.

Научно-популярное издание

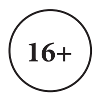
Узланер Дмитрий

Жак Лакан: введение

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Шеф-редактор *Татьяна Соловьева*
Ведущий редактор *Ирина Паскеева*
Дизайнер обложки *Андрей Сауков*
Младший дизайнер *Ольга Смирнова*
Обработка иллюстраций *Михаила Сухорукова*
Верстальщик *Татьяна Мосолова*
Корректор *Алевтина Пароева*

В оформлении обложки использованы материалы
по лицензии агентства *Shutterstock, Inc*



Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

Подписано в печать 10.08.2021 г.
Формат 84x108/32. Гарнитура «Garamond».
Усл. п. л. 15,12. Заказ № К- .

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, д. 13